

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№ 3.

Воскресенье 16 Января.

„Право“ издается в С.-Петербурге под редакцией приват-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшем участии: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминна, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкого и В. М. Устинова.

Содержание: 1) Н. И. Стояновский и судебная реформа.—Гр. Джаншиева. 2) Направление немецкой литературы частного права с 1896 г. — Профессора Берлинского университета Р. Oertmann (Перевод с рукописи). 3) Договор перевозки по проекту гражданского уложения.—И. М. Рабиновича. 4) По поводу одного убийства.—Д. Л. 5) Судебные отчеты. I. Гражданский кассационный департамент (Заседание 12 января). II. Дело Коноваловой. 6) Хроника. 7) Юридическое общество. 8) Библиография: Вестник права, ноябрь 1899 г. 9) Судебная практика. 10) Справочный отдел (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦИЯ (Дмитровский пер., 6) открыта для личных объяснений по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемые въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровский, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней

Н. И. Стояновский и судебная реформа.

I.

Исполнившееся въ прошломъ году 35-лѣтіе судебныхъ уставовъ и завершившееся 1-го сего января 25-лѣтіе служенія Н. И. Стояновскаго въ должности члена Государственнаго Совѣта невольно привлекаетъ общественное вниманіе къ дѣятельности этого заслуженнаго сановника, замѣчательной какъ по своей плодотворности, такъ и продолжительности, которая, хотѣлось бы надѣяться, продлится еще долго, долго. Не время и не мѣсто здѣсь обозрѣвать всю обширную и разнообразную служебную карьеру его, но кстати будетъ отмѣтить въ общихъ чертахъ назидательное значеніе и внутренній смыслъ той дѣятельности, которую пришлось ему проявить въ дѣлѣ проведенія великаго судебного преобразованія въ наиболѣе бурный, кипучій и блестящій періодъ своей жизни, въ 1861—67 годахъ.

Правовѣдъ перваго выпуска, г. Стояновскій былъ въ числѣ тѣхъ молодыхъ, воодушевленныхъ вѣрою въ правду и рѣшимостью за нее постоять, юристовъ, посредствомъ коихъ наивный и упрямый въ своемъ самодовольномъ консерватизмѣ, дореформенный, николаевскій режимъ надѣялся искоренить безобразіе стараго суда и въ частности взяточничество. Боясь, какъ огня, гласности, адвокатуры и другихъ испытанныхъ основъ тлетворнаго западнаго

раціональнаго судоустройства, доброе старое время рассчитывало добиться правосудія средствами домашними, самобытными. Первымъ новымъ словомъ въ этой области было учрежденіе въ 1826 г. корпуса жандармовъ, устроеннаго на подобіе полурыцарскаго, полумассонскаго ордена, на обязанности котораго лежало бдѣть невидимо, но дѣятельно надъ благополучіемъ гражданъ, дворянъ въ судахъ и вездѣ законъ и справедливость и защита слабыхъ отъ сильныхъ. Но эта сантимаментальная затѣя графа Бенкендорфа, само собою разумѣется, ни на волосъ не измѣнила отвратительнаго положенія правосудія, и въ самомъ Петербургѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ открыты были въ надворномъ судѣ такія возмутительныя вещи, что ахнули даже, по словамъ барона Корфа, привыкшіе ко всему петербургскіе бюрократы ¹⁾. Послѣ фіаско жандармскаго трибунала напали на мысль влить свѣжую кровь въ зараженный организмъ стараго суда присоединеніемъ къ нему привилегированныхъ образованныхъ юристовъ, правовѣдовъ. Эта мѣра, конечно, принесла больше пользы, но правовѣды-безсеребренники, потонувъ, какъ капля въ морѣ, авгіевыхъ конюшенъ стараго суда не очистили. Болѣе пылкіе между ними бросали службу, какъ И. С. Аксаковъ,

¹⁾ „Мнѣ стыдно и прискорбно,—писалъ въ своей резолюціи Николай I,—что подобный безпорядокъ существовать могъ подъ моими глазами и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ“ (Русс. Стар. 1899, № 10).

который не могъ вынести оправданіе московскимъ Сенатомъ негодая, звѣрски растлѣвавшего своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и имѣвшего наглость писать въ свое оправданіе: „по милости царской, я сынъ барскій“. Другіе, въ числѣ ихъ и Н. И. Стояновскій, старались дѣлать, что возможно, въ ожиданіи лучшихъ дней.

Съ началомъ царствованія Александра II все, что было въ Россіи живаго, честнаго и мыслящаго, ужь завидѣло въ небесахъ

Зарю святаго искупленія

и пошло

Впередъ безъ страха и сомнѣнья.

Въ передовомъ отрядѣ благородныхъ дѣятелей, вѣрою и правдою послужившихъ великому дѣлу возрожденія Россіи, былъ и Н. И. Стояновскій. Хорошо знакомый, съ 1841 г., съ уголовною судебною практикою и не чуждый и научнымъ интересамъ ¹⁾, къ началу преобразовательной эпохи онъ уже занималъ постъ оберъ-прокурора и имѣлъ репутацію свѣдущаго юриста. Какъ таковой, онъ имѣлъ счастье принимать участіе въ освобожденіи крестьянъ, работая въ Милютинской комиссіи, составлявшей проектъ крестьянскихъ положеній, и въ числѣ многочисленныхъ регалій Н. И. лучшая, конечно, знаменитая „наслѣдственная“ золотая медаль съ ликомъ Царя-Освободителя и надписью „благодарю“.

Несмотря на то, что колоссальный крестьянскій вопросъ поглощалъ все вниманіе и силы правительства, необходимость отдѣленія власти судебной отъ административной была такъ всеми сознаваема, что особо выдѣленъ въ 1859 г. изъ общаго плана судебного преобразования проектъ о судебныхъ слѣдователяхъ и поручень г. Стояновскому. Замѣчательно быстро и удачно разрѣшилъ онъ взятую имъ задачу. Положеніе 8 іюня 1860 г., составленное цѣликомъ Н. И., можно сказать, было первою ласточкою наступившей весны преобразовательной эпохи. Создавая независимую отъ губернской власти судебную должность, положеніе 1860 года было первою брешью въ твердыни административнаго полновластія. Чтобы судить о важности этой реформы, достаточно сказать, что судебные уставы почти цѣликомъ заимствовали этотъ институтъ и что онъ оказался не по плечу судебной реакціонной администраціи временъ графа Палена. Ветеранъ и знатокъ новаго суда, М. Ѳ. Грохницкій, отмѣчая съ грустью систематическое искаженіе этого института реакціонною политикою графа Палена, не обвиняя удостовѣряетъ,

что созданный имъ въ 1868 г. противозаконный институтъ и. д. судебныхъ слѣдователей, ставшихъ простыми пѣшками въ рукахъ судебной гвардіи, были гораздо болѣе подчинены прокуратурѣ, нежели слѣдователи по положенію 1860 г.

Но настоящая дружная работа надъ судебнымъ преобразованиемъ началась съ 1861 г. Благополучное объявленіе воли крестьянамъ разрѣшало не только колоссальную задачу экономическаго порядка, но и очищало дорогу всеѣмъ другимъ очереднымъ вопросамъ, а главное усиливало довѣріе къ прогрессу, къ освободительнымъ началамъ, къ нравственнымъ силамъ народа и наносило ударъ тупому консерватизму министровъ крѣпостниковъ ¹⁾, которые, опираясь на свой многолѣтній опытъ и знаніе народа, предрекали еще въ 1860 году неизбежность пугачевщины, въ случаѣ освобожденія крестьянъ. Но само собою разумѣется, что работы по судебной реформѣ шли помимо министерства юстиціи, гдѣ въ это время сидѣлъ отгороженный, подобно далай-лампѣ, отъ всего міра графъ В. Н. Панинъ, находившій въ 1845 году преждевременнымъ проектированную гр. Блудовымъ отмѣну рукоприкладства, усмотрѣвшій въ 1854 г. революціонную интригу въ проектѣ о сокращеніи писменности и даже въ 1860 г. призывавшій на голову Каткова цезурные громы за предложеніе судебной гласности.

Нѣтъ, не изъ этого мертваго царства самодовольной рутинѣ (за 23 г. управленія министерствомъ гр. Панина не было проведено *ни одной* реформы) ждало обновленія прогнившее насквозь русское судоустройство. Судьбы его находились въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ учрежденіи, не имѣвшемъ даже легальнаго наименованія и занимавшемъ какое-то неопредѣленное и далеко не внушительное, въ официальной іерархіи, мѣсто и не имѣвшемъ въ своемъ составѣ ни одного даже тайнаго совѣтника... Что это за странное учрежденіе?...

Государственный секретарь В. П. Бугковъ, великовѣтскій крѣпостникъ и завзятый ловеласъ, въ шутку именуемый „государственнымъ шалуномъ“, съ 1860 г., когда общественный флюгеръ рѣшительно повернулся въ либеральную сторону, не колеблясь ни минуты, счелъ своевременнымъ со всеѣмъ своимъ негрознымъ интеллектуальнымъ багажемъ, перейти въ лагерь зловредныхъ либераловъ. Лѣнтяй, невѣжда, но хороший докладчикъ съ восприимчивымъ умомъ, онъ заманилъ въ государственную канцелярію талантливыхъ чиновниковъ, какъ юристы С. И. Зарудный, Н. И. Стояновскій, экономисты С. М. Жуковскій, Л. Н. Заблоцкій-Десятовскій и др. Во главѣ

¹⁾ Въ 1850 г. Стояновскій составилъ „Руковод. къ уголов. судопр.“, которое въ то время было задержано цензурою потому, *incredibile dictu*, глубокомысленному соображенію, что-де все нужное по сей части содержится въ сводѣ законовъ.

¹⁾ См. мнѣнія начальника III отдѣленія кн. Долгорукова, министровъ М. Н. Муравьева и гр. Панина въ запискахъ Валуева. (Русск. Стар. 1891).

дѣла судебного преобразованія стали знаменитый С. И. Зарудный, и онъ сообщая съ Н. И. Стояновскимъ настояли на прикомандированіи въ началѣ 1861 г. образованныхъ, свѣжихъ въ помощь государственной канцеляріи *юристовъ*: Н. А. Буцковскаго, Д. А. Ровинскаго, К. П. Побѣдоносцева и др. Вотъ на долю этого „кружка юристовъ“ выпала великая честь и трудъ направить судебную реформу на гуманно-раціональный путь. Заслуга Буткова въ томъ, что онъ не мѣшалъ этому кружку работать и взялъ на себя внѣшнюю сторону судебной реформы: постепенное видѣніе ея основъ въ высшихъ сферахъ. Другой крѣпостникъ, кн. П. П. Гагаринъ, инициаторъ „нищенскаго надѣла“, тоже перешедшій въ либеральный лагерь, оказалъ важную услугу дѣлу, исходатайствовавъ въ январѣ 1862 г. извѣстное Высочайшее повелѣніе, составлявшее эпоху для судебной реформы. Этимъ повелѣніемъ предписывалось названному кружку юристовъ составить „согласно указаніямъ науки и опыта европейскихъ государствъ“ основныя начала для новаго судебного строя. Америка была открыта, и дѣло пошло, какъ по маслу!.. Чтобы понять все значеніе этого скромнаго на видъ акта, довольно напомнить, что еще въ 1859 г. воспрещено было Государственному Совѣту разсуждать о судѣ присяжныхъ и адвокатурѣ, слывшихъ, по николаевской традиціи, за продукты революціоннаго движенія.

Не чувствуя надъ собою начальственной ферулы, чиновнаго руководителя, заранѣе предрѣшившаго дѣло, не имѣя надобности сообразовать свои взгляды съ явно или косвенно выраженными взглядами начальства, вышеупомянутый кружокъ спѣшилъ воспользоваться рѣдкимъ счастьемъ провести въ жизнь свои воззрѣнія, повинуваясь только совѣсти и своему долгу передъ отечествомъ. По составу своему это были люди практики, но всѣ они были знакомы и съ юридическими науками и съ европейскою образованностью. Они далеки были и отъ безмысленнаго подражанія и отъ теоретическихъ увлеченій. Замѣчательно въ составѣ этой коллегіи юристовъ отсутствіе спеціального ученаго, профессиональнаго элемента, но жалѣть объ этомъ не приходится, если вспомнить, что на обязанности каѳедральныхъ юристовъ николаевскаго времени лежалъ буквальный пересказъ статей свода законовъ и славословіе *statu quo*. Они должны были, какъ передаетъ М. Е. Салтыковъ, хвалить кнутъ, пока дѣйствовалъ кнутъ, затѣмъ хвалить трехвостную плеть, когда она замѣнила кнутъ, доказывая вредъ гласности, устности и состязательности, какъ это и дѣлали извѣстные братья-криминалисты. Попадались, конечно, и серьезные ученые, люди съ убѣжденіемъ, но какъ люди кабинетные, они иногда не знали жизни, и, напр., одинъ изъ нихъ, первоклассный криминалистъ и въ послѣдствіи знаменитый адвокатъ, считалъ,

подобно гр. Блудову, русскій народъ не приго-товленнымъ для суда присяжныхъ.

Относительно эрудиціи Н. И. Стояновскій и др. члены кружка, можетъ быть, и уступали другимъ специалистамъ, но въ чемъ они превосходили другихъ, это—въ вѣрѣ въ силу добра, въ вѣрѣ въ прогрессъ и нравственныя силы русскаго народа и плодотворность разумныхъ учрежденій. Только эта пламенная вѣра въ разумъ и культурность русскаго народа дали имъ отвагу рискнуть—а какое великое предпріятіе, начиная хотя бы съ открытія Америки, совершилось безъ нѣкотораго риска?—на пересадку въ страну вѣковаго рабства и произвола суда присяжныхъ, независимой адвокатуры, несмѣняемой магистратуры и пр. Послушать мнительныхъ юристовъ и „трезвыхъ“ спеціалистовъ того и нынѣшняго времени, такъ не только въ 1860 г., но и въ XX столѣтіи едва ли бы Россія была признана созрѣвшею для суда присяжныхъ...

Что дѣлаетъ сила воодушевленія и сознанія важности дѣлаемаго дѣла! Съ небольшимъ въ годъ прикомандированные юристы успѣли не только составить, но и провести черезъ Государственный Совѣтъ извѣстныя основныя положенія 29 сентября 1862 г., причѣмъ отдѣлъ уголовнаго судопроизводства почти весь былъ написанъ Н. И. Стояновскимъ. Любопытно, что судъ присяжныхъ и др. основы прошли въ Совѣтѣ. Акціи либерализма стояли въ это время такъ высоко, что самъ графъ Панинъ сдѣлался либераломъ, и заявилъ, что если правительство желаетъ имѣть дѣйствительно независимый судъ, то нужно ввести присяжныхъ засѣдателей.

II.

Хотя гр. Панинъ для сохраненія своего поста не прочь былъ руководить вопреки убѣжденія либеральною судебною реформою, какъ онъ, оставаясь крѣпостникомъ, руководилъ крестьянскою, однако пришлось ему съ конца 1862 г. передать министерство въ другія руки, товарищу своему Д. Н. Замятнину. Человѣкъ гуманный, прямой и порядочный, онъ искренно предался идеямъ основныхъ началъ судебной реформы. Отступивъ отъ бюрократической рутинны, рекомендуемой министрамъ, ради безопасности, выбирать себѣ въ товарищи людей незначительныхъ, Замятнинъ пригласилъ въ 1863 г. Н. И. Стояновскаго, сравненіе съ которымъ было очень невыгодно для принціпала. Яркая личность Н. И. такъ сильно затмевала Замятнина, что его считали простымъ исполнителемъ чужихъ мыслей и плана. Извѣстно, что послѣ произнесенія Замятнинымъ прекрасной рѣчи, по случаю открытія новаго суда, сдѣлано саркастическое замѣчаніе: *voila un discours bien dit*, намекая на чужое мастерство рѣчи.

Къ чести Замятнина нужно сказать, что

интересы дѣла онъ ставилъ выше интересовъ личнаго соперничества. Онъ самъ работалъ по мѣрѣ силъ и Стояновскому предоставилъ полную возможность сдѣлать все нужное для успешнаго проведения судебной реформы и проявить весь свой организаторскій и творческій талантъ опытнаго практика, познанія просвѣщеннаго юриста и образъ мыслей идущаго съ вѣкомъ человѣка. Н. И. пришлось въ эти годы (1864—1866 гг.) приложить массу труда и распорядительности для устройства безболѣзненнаго перехода отъ стараго строя къ новому. Прежде всего Стояновскій организовалъ по прекрасному плану составленіе замѣчаній министерства юстиціи на проектъ судебныхъ уставовъ. Они занимаютъ два большихъ тома и отличаются богатствомъ содержания. Затѣмъ ему пришлось много поработать при выработкѣ плана введенія судебныхъ уставовъ; причемъ пришлось ему ломать копыя съ своимъ старымъ союзникомъ С. И. Заруднымъ. Зная по исторіи непрочность и краткотечность *lucida intervalla* нашихъ либеральныхъ вѣяній, что и оправдали послѣдующія событія, Зарудный, и съ нимъ вмѣстѣ Буцковскій и Квистъ, настаивали на томъ, чтобы новые суды *одновременно* были введены по всей Европейской Россіи, какъ крестьянская и земская реформы съ небольшимъ персоналомъ, а потомъ постепенно его увеличивать. Планъ „тройки“¹⁾ отличался нѣкоторою туманностью, и г. Стояновскій находилъ возможнымъ, въ виду практическихъ соображеній, только постепенное введеніе реформы по отдѣльнымъ округамъ съ тѣмъ, чтобы закончить въ шесть лѣтъ. Планъ г. Стояновскаго былъ принятъ, но что мысль Заруднаго была пророчески вѣрна, это видно изъ того, что г. Стояновскій долженъ былъ покинуть министерство по открытіи всего лишь двухъ судебныхъ округовъ, Петербургскаго и Московскаго, и дальнѣйшее введеніе реформы настолько замедлилось, что даже въ Европейской Россіи она закончилась только въ 1899 году.

Хотя Н. И. открылъ всего только два округа, С.-Петербургскій, и Московскій, и хотя всего годъ (апрѣль 1865—1867 г.) онъ руководилъ новыми судебными учрежденіями, тѣмъ не менѣе его заслуги на пользу новаго суда громадны и незабвенны. Главнымъ образомъ благодаря его вліянію и содѣйствію былъ подобранъ прекрасный, въ общемъ, судебный персоналъ, при составленіи котораго были оставлены въ сторонѣ старыя приемы вербовки: не число лѣтъ службы и рекомендаціи великосвѣтскихъ кумушекъ, какъ это было раньше, рѣшали

судьбу кандидата, а способности его, полученное образованіе и нравственныя его черты и образъ жизни.

Еще больше значенія имѣлъ новый тонъ и тенденція, которыя открыто проявляло министерство юстиціи, руководимое г. Стояновскимъ, и которыя должны были, согласно и духу и буквѣ судебныхъ уставовъ, обезпечить водвореніе въ нашихъ судахъ закономѣрной самостоятельности, укрѣпленію гуманности и законности и возвышенію личнаго судейскаго достоинства, чѣмъ возвышалось и достоинство судейской службы. Тогда какъ и до и послѣ Н. И. Стояновскаго, исходя изъ непогрѣшимости высшаго начальства, идеаль прокуратуры видѣли въ слѣпомъ, формальномъ подчиненіи членовъ ея по ступенямъ ея іерархіи,—г. Стояновскій и его единомышленники, какъ московскій прокуроръ Ровинскій¹⁾ и др., исходили изъ обратнаго начала: уменьшенія формализма и показной декоративности и внѣшней дисциплины и расширенія простора для личной инициативы, внушенія любви къ дѣлу и усиленія нравственной отвѣтственности. Если такъ воплощались при Н. И. Стояновскомъ отношенія въ прокуратурѣ, построенной на іерархическомъ началѣ, то конечно еще больше уважалась и цѣнилась судейская индивидуальность и о поползновеніяхъ послѣдующаго времени „подтянуть“ прокурора и судей, распекалъ и возводилъ предсѣдателя въ роль командира или начальника никто не смѣлъ и думать. Въ общемъ типъ судебной магистратуры такъ возвысился и облагородился частью благодаря судебнымъ уставамъ, частью разумному руководительству со стороны министерства юстиціи, что нельзя было узнать нашихъ судей. Это были тѣ же люди, которые служили въ старыхъ судахъ, но черезъ какойнибудь годъ они были неузнаваемы, благодаря возвышенному и человѣчному духу новыхъ учреждений. Тутъ оправдалась, и даже скорѣе, нежели можно было ожидать, справедливость соображеній, высказанныхъ въ 1861 г. К. П. Побѣдоносцевымъ при составленіи судебныхъ уставовъ. Только независимость даетъ, писалъ онъ, „каждому дѣятелю возможность высказать свою личность духовную, проявленіе которой служить самымъ могучимъ двигателемъ всякой дѣятельной и самымъ надежнымъ средствомъ *образовательной дисциплины*, создавая не работниковъ только, но дѣятелей и учителей, сословіе, связанное общимъ духовнымъ интересомъ и *общей честью дѣла*“²⁾. Таково было вліяніе духа новыхъ учреждений и, резюмируя его значеніе, Катковъ вправѣ былъ сказать:

¹⁾ На экземплярѣ матеріаловъ судебной реформы, пожертвованныхъ Н. И. Стояновскимъ Румянцевскому музею, имѣется собственноручная его шуточная приписка: „русская тройка—авось, небось и какънибудь“.

¹⁾ Интересныя воспоминанія г. Громницкаго объ организаціи имъ въ Москвѣ прокурорскаго надзора на началахъ добраго товарищества см. въ Русск. Мысли 1899, № 10 и 12.

²⁾ См. т. XIII Дѣло о преобр. суд. части.

„насколько старый судъ портилъ хорошихъ людей, настолько новый *исправляетъ* нехорошихъ“.

Н. И. Стояновскій и другіе дѣятели имѣли великое утѣшеніе видѣть плоды своихъ неуспѣшныхъ трудовъ. Поразительные успѣхи новаго суда и въ особенности суда присяжныхъ, въ составъ котораго входилъ и вчерашній рабъ, наполняли радостными надеждами всѣхъ друзей русскаго прогресса, и послѣ опубликованія перваго министерскаго отчета Катковъ писалъ: „едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки. Судъ присяжныхъ—*лучшая гарантія гражданской свободы*—совершается у насъ воочию, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія“.

Но не всѣмъ нравились успѣхи. Валувская администрація, на словахъ сочувствующая новому суду, на дѣлѣ выходила изъ себя при первой же попыткѣ суда самостоятельно разбирать дѣла о печати или обвиненія, возбуждаемыя полиціею, не стѣснялась обвинять суды въ политической неблагонадежности. Точно также и въ обществѣ люди, привыкшіе при крѣпостномъ правѣ къ безнаказанности безцеремонной расправы съ прислугою, рабочими, роптали на мировыхъ судей, примѣнявшихъ законъ равно ко всѣмъ. Министерство юстиціи защищало всеми силами отъ реакціи суды; виновные только въ нелицепріятномъ примѣненіи закона. Тотъ же Катковъ, являясь выразителемъ передоваго общественнаго мнѣнія, полемизируя съ крѣпостниками „Вѣсти“, писалъ: „доброе совѣстно ли хвататься за каждый промахъ мирового судьи, иногда и мнимый, и бранить цѣльное учрежденіе? Думаютъ ли консерваторы извѣстнаго сорта до того отуманить своихъ читателей, чтобы убѣдить, что старый келейный судъ, дѣйствовавшій подъ сильнымъ вліяніемъ администраціи, лучше новаго?.. Честь и слава, говорить далѣе Катковъ, правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждательную мысль Преобразователя, *оберегая* ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства *партий*, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка“¹⁾.

Но не долго пришлось оставаться на своемъ посту оберегателямъ новаго суда. Реакціонная волна поднималась все выше и выше. Въ началѣ 1867 года сперва Н. И. Стояновскій, а потомъ и Д. Н. Замятинъ должны были оставить министерство юстиціи. Въ немъ водворилось новое направленіе, шедшее въ разрѣзъ съ духомъ судебныхъ уставовъ и особенно подчеркнувшее кратковременную свѣтлую полосу въ жизни новаго суда времени г. Стояновскаго.

Непродолжительна была эта пора, но она оставила неизгладимый слѣдъ въ памяти по-

слѣдующихъ поколѣній и въ особенности въ сердцахъ всѣхъ дѣятелей этого славнаго героическаго времени. „И смерть тому не страшна, пишетъ одинъ изъ нихъ, г. Громницкій, кто хоть разъ въ жизни переживалъ такое время“. „Исторія, по вѣрному замѣчанію Каткова, не забудетъ ни одного имени, связаннаго съ великимъ дѣломъ обновленія Россіи“. Въ списокъ этихъ достославныхъ именъ, служащихъ свѣточами для судебныхъ дѣятелей, вѣрныхъ духу судебныхъ уставовъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ и будетъ всегда занимать Н. И. Стояновскій.

Гр. Джаншиевъ.

Направленіе нѣмецкой литературы частнаго права съ 1896 года.

(Переводъ съ рукописи).

Слѣдя приглашенію редакціи „Права“, я предполагаю на страницахъ этой газеты отмѣчать въ общихъ обзорахъ выдающіяся произведенія современной нѣмецкой литературы въ области гр. права. Я избралъ начальнымъ моментомъ 1896 г., такъ какъ въ этомъ году, 18 августа, было опубликовано германское гр. уложеніе, и едва ли нужно объяснять, какое серьезное вліяніе имѣло это событіе на направленіе нашей литературы. Настоящая вступительная статья ставитъ своей цѣлью указать общія теченія современной нѣмецкой юридической литературы за указанный періодъ; слѣдующіе обзоры будутъ посвящены отдѣльнымъ сочиненіямъ.

I.

Если исключить изслѣдованія по исторіи права, имѣющія подчасъ серьезное значеніе, но менѣе замѣтныя въ количественномъ отношеніи, и практическія руководства, лишенныя научнаго значенія, то смѣло можно сказать, что вплоть до 80-хъ годовъ въ нашей литературѣ преобладало направленіе, созданное столь мѣтко окрещенной Иерингомъ юриспруденціей понятій (Begriffsjurisprudenz). Важнѣйшую специальную задачу догматики она видѣтъ въ томъ, чтобы конструировать правовыя явленія, свести ихъ къ понятіямъ и общимъ началамъ, лежащимъ въ ихъ основаніи. Логическая послѣдовательность выводовъ, возведеніе стройной, замкнутой и логически правильно расчлененной системы — вотъ все или, по крайней мѣрѣ — главная цѣль, къ которой стремится „классическій методъ“ Къ выдающимся представителямъ этого направленія принадлежатъ Пухта, на котораго столь же рѣзко, сколь и несправедливо нападали, даже вышучивая его, Иерингъ, а изъ позднѣйшихъ писателей сюда относится Виндшейдъ.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на до-

¹⁾ Моск. Вѣд. 1867 г. № 69.

стоинствах и недостатках конструктивной системы: мы оставляем это до другого случая. Замѣтим лишь, что оцѣнка историческаго значенія этой школы теперь является болѣе своевременной, нежели въ предыдущее десятилѣтіе, ибо теперь мы уже вполне переросли ея міросозерцаніе, — и нисколько не скрывая отъ себя всѣхъ односторонностей и заблужденій этой школы, мы тѣмъ не менѣе отнюдь не можемъ согласиться съ тѣмъ безусловно отрицательнымъ приговоромъ, который произнесенъ Герингомъ въ его послѣднихъ сочиненіяхъ („Scherz und Ernst in der Jurisprudenz“ и въ „Besitzwille“). Не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что юридическая конструкція составляетъ одну изъ важнѣйшихъ и непреложныхъ задачъ истиннаго правовѣдѣнія, имѣющихъ первостепенную важность для развитія юридической мысли, для правильной систематики, для выясненія практическаго значенія юридическихъ положеній и, наконецъ, для политики права. Достаточно, напр., вспомнить конструкцію права пользованія и залоговаго права на требованіе: если въ этихъ явленіяхъ усматривать такъ называемое право на право, то приходится для защиты его дать *actio confessoria* или *hypothecaria utilis* противъ каждаго нарушителя, между тѣмъ какъ сторонники т. н. конститутивнаго преемства присваиваютъ субъекту производнаго права только личное притязаніе. То же можно наблюдать и въ конструкціи найма при дѣйствіи положенія „*Kauf bricht nicht Miethe*“. Для тѣхъ, кто здѣсь усматриваетъ вещное право, отдѣльные моменты правоотношенія должны получить существенно иное рѣшеніе, нежели для тѣхъ, кто разсматриваетъ это отношеніе, какъ обязательственное притязаніе къ каждому собственнику нанятаго участка.

Во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія задачъ *политики права*, „классическая школа“ оказалась вполне несостоятельной, и это особенно рѣзко обнаружилось на исторіи герм. гр. уложенія.

Обнародованный въ 1888 г. первый проектъ отразилъ почти въ каждомъ своемъ отдѣльномъ постановленіи достоинства и недостатки Виндшейдовскаго направленія, оказавшаго на него рѣшительное вліяніе. Нельзя было не удивляться доведенной до виртуозности формально юридической стройности и логической послѣдовательности. Но, съ другой стороны, точно также поражало полное отсутствіе творческой силы, оригинальной національной мысли, пониманія социальныхъ задачъ гр. права. Собственно говоря, это и нельзя ставить въ упрекъ составителямъ проекта. Въ теченіе 13 лѣтъ они съ удивительнымъ трудолюбіемъ и рѣдкой добросовѣтностью старались извлечь все лучшее и наиболѣе подходящее изъ того, что давала нѣмецкая юр. наука, и если это лучшее оказалось столь мало соответствующимъ национальнымъ надеждамъ, виноваты въ этомъ не составители, а то, что ничего лучшаго и нельзя было найти.

Правда, еще до обнародованія проекта встрѣчались уже ученые, которые рѣшительно и все болѣе настойчиво высказывались противъ формалистическаго праваго міросозерцанія. Будучи его послѣдователемъ въ первые годы своей ученой дѣятельности, Герингъ уже отчасти въ *Geist d. r. R.*, но еще болѣе въ

Zweck im Recht и въ вышеупомянутыхъ полемическихъ произведеніяхъ все рѣшительнѣе высказывался противъ этихъ взглядовъ. Хотя и весьма односторонне, но по существу совершенно правильно Герингъ доказывалъ, что „цѣль творецъ всего права“ и что поэтому юридическая доктрина должна стоять на телеологической точкѣ зрѣнія. Съ этой именно точки зрѣнія Гартманъ ярко освѣтилъ въ своемъ изслѣдованіи объ обязательствѣ (1875 г.) цѣль и сущность обязательства, а Дернбургъ еще до опубликованія проекта далъ намъ въ своихъ Пандектахъ образцовое и замѣчательное произведеніе, стремившееся замѣнить формалистическую точку зрѣнія практическими соображеніями, и его трудъ имѣлъ самые благодѣтельные результаты для науки современнаго римскаго права. Но хотя эта новая школа въ юриспруденціи—я уже въ другомъ мѣстѣ позволилъ себѣ назвать ее социальной—и отвѣчала запросамъ времени и начинала уже овладѣвать умами всего подрастающаго поколѣнія юристовъ, она не имѣла серьезнаго значенія и вліянія въ области законодательства. Рѣшительный поворотъ произвело фіаско проекта, и германская литература, поддерживаемая австрійскими юристами, которые заслуживаютъ самой искренней благодарности, употребила всѣ свои силы, чтобы загладить прежнія ошибки; она дала цѣлый рядъ выдающихся по своему значенію критическихъ работъ, уяснившихъ необходимые измѣненія въ проектѣ.

Только теперь стало понятно, какая масса правнополитической энергіи таилась въ нашей юриспруденціи; именно въ то время Гирке написалъ свое знаменитое произведеніе „о проектѣ гр. уложенія и германскомъ правѣ“ (1889 г.), А. Менгеръ издалъ свою блестящую работу: „гражданское право и классъ неимущихъ“ (1890 г.), О. Баръ составилъ выдающийся антипроектъ. Въ томъ же направленіи работали Беккеръ, Эккъ, Герингъ, Гартманъ, и австрійские ученые Митейсъ, Штрогалъ, Унгеръ. Нѣтъ нужды указывать здѣсь, какое вліяніе имѣли названныя работы: это достаточно извѣстно. Благодаря имъ, новой комиссіи удалось передѣлать первый проектъ въ такое произведеніе, которое послѣ незначительныхъ измѣненій удостоилось законодательной санкціи, и этотъ новый законъ, несмотря на всѣ его неизбежные недочеты, въ общемъ представляетъ прекрасное произведеніе, проникнутое социальными началами, современное въ лучшемъ смыслѣ слова и безукоризненное въ отношеніи формы.

Судьба нашего уложенія послужила поводомъ къ укрѣпленію и уясненію новой точки зрѣнія не только для тѣхъ, кто, какъ напр. Герингъ, и раньше уже выступалъ противъ господствовавшаго міровоззрѣнія; нѣтъ! теперь появилось много новыхъ ученыхъ, которые стали проводить такіе же или дальше идущіе взгляды. Въ упомянутой уже работѣ Менгеръ убѣдительно доказываетъ, что вся наша современная наука гр. права и гражд. законодательство заботились лишь о томъ, чтобы дать охрану интересамъ имущихъ классовъ за счетъ неимущихъ, которые, однако, несомнѣнно больше нуждаются въ покровительствѣ закона, и если отдѣльные требованія автора часто кажутся практически неосуществимыми, то въ его книгѣ таится

столько возбуждающей энергии, что она, пожалуй, больше всех других способствовала решительному повороту мировоззрения. Наконец, новое направление незадолго до обнародования уложения приобрело выдающегося борца в лице Л. Петражицкого; в своем замечательном произведении о доходах (т. I, — 1893—95 г.) он весьма обстоятельно доказал необходимость новой науки — политики права, которая должна быть в таком же отношении к догмам гр. права, как экономическая политика к теории народного хозяйства, и должна ставить своей задачей выяснение социального значения и влияния гр. правовых понятий, положений и институтов, она должна критически отнестись к гр. законам, отвергнуть те положения, которые оказывают вредное влияние на социальный строй и разрабатывать те институты, введение которых в законодательство должно способствовать социальному прогрессу.

В Германии сочинения Петражицкого встретили почти повсеместно сочувственное, а порою даже восторженное отношение. Влияние их на столь солидный труд, как Пандекты Дернбурга, которые служат чуть ли не единственным руководством для учащейся молодежи, можно проследить в позднейших изданиях почти на каждой странице. И если, с другой стороны, Петражицкий не избегал и жестоких нападок, напр. со стороны Зома в его брошюре по поводу проекта (1895 г.), то это объясняется не столько решительным отрицанием цивилино-политической точки зрения, сколько той иногда неумеренно резкой критикой второго проекта, на которую увлекался Петражицкий его энергичный боевой характер.

Итак, ко времени окончательного изготовления гр. уложения новое мировоззрение — назовем ли мы его социальным или цивилино-политическим, или как угодно иначе — приобрело решительное господство в немецкой юридической науке и литературе.

II.

Само собою разумеется, что с завершением кодификации изложенное выше положение должно было измениться и уже в 1895 г. Менгер в своей актовой речи в Вюрцбургском университете правильно предсказывал, что стремления к реформе гр. права должны отступит в Германии на задний план с того момента, когда проект получит законодательную санкцию, и что германская юридическая наука в ближайшем будущем посвятит себя преимущественно усвоению и разработке нового уложения.

И действительно, начиная с 1896 г. юридическая литература почти сразу переходит к догматическим исследованиям. Сочинения по истории и философии права, и прежде не особенно многочисленные, теперь еще более слушываються, а появляющиеся вновь привлекают очень мало внимания. Такая же участь выпадает и на долю исследований, посвященных систематике римского права. Поскольку в них отсутствует разработка действующего гр. права, и они должны быть отнесены к историко-юридическим исследованиям, которые, при всем их серьезном на-

учном значении, не могут занять центральное место в цивилистической литературе.

Но тоже самое приходится сказать и о правно-политических исследованиях. За рассматриваемый период мы тщетно стали бы искать в этой области таких выдающихся работ, какие я назвал выше. Чуть ли не один Штрогал продолжал этого рода работу; в своем „наследственном праве“ — он со свойственной ему „казуистической критикой“ помощью чрезвычайно остроумно придуманных примеров подвергает анализу постановления гр. уложения из области наследственного права, пытаясь свести их к абсурду. Этот род критики не встретил, однако, последователей, и я, с своей стороны, не склонен придавать ей слишком большое значение. Во-первых, далеко нельзя сказать, что во всех или в большинстве случаев Штрогал прав (см. против него замечания председательствующего комиссии для обсуждения гр. уложения Кинцеля — в *Beiträge zur Erläuterung des Deutschen Rechts* B. 41 S. 589 ff). А во-вторых — такого рода критику с равным успехом можно было бы применить к любому уложению. Ибо как бы осторожны и предусмотрительны ни были составители, они никогда не сумеют охватить все разнообразие возможных случаев, предвидеть все последствия, какие могут быть выведены из выставленных ими положений. И если в общем эти положения удачны и вызываемые ими последствия заслуживают одобрения, то едва ли может иметь какое-либо значение с точки зрения их оценки то обстоятельство, что в том или другом совершенно исключительном, редко встречающемся случае они могут привести к нежелательным результатам. И несомненно, что если бы принять во внимание и эти случаи, то закон проиграл бы в своей ясности и точности и, пожалуй, вызвал бы сомнения в целом ряде других случаев.

Так или иначе, предприятый Штрогалем труд не встретил подражателей. Напротив, все сосредоточивают теперь свои силы и внимание не на том, что следовало бы сделать, а на выяснении и усвоении того, что так счастливо удалось сделать. Но было бы ошибочно усматривать в этом возвращении к забытым путям формалистической юриспруденции. Догматическая разработка не есть непременно односторонне конструктивная и отнюдь не исключает правно-политического масштаба. Конечно, исследования *de lege ferenda* составляют весьма важную, по отношению не единственную задачу гражданской политики, важность и даже необходимость которой столь обстоятельно доказал нам Петражицкий. Политическим следует признать и такой анализ действующего права, который ставит своей целью выяснить его социальное влияние. А если закон допускает несколько различных толкований, то следует *in dubio* избрать такое, которое отвечает социальным задачам гр. права или, говоря словами Штамллера, наиболее соответствует социальному идеалу.

Если же это так, то очевидно, что преобладание догматического направления в современной юридической литературе отнюдь не знаменует возвращения к прежнему мировоззрению. И если мы засим обратимся к отдельным произведениям, то увидим, что

весьма многія изъ нихъ, и притомъ самыя лучшія, своимъ содержаніемъ въ общемъ вполне подтверждаютъ сказанное нами. Едва ли, напр., нужно указывать, что въ выходящей теперь 4-хъ томной системѣ новаго права Дернбургъ остается вѣрнымъ выработаннымъ взглядамъ. Но и авторъ перваго изъ вышедшихъ уже крупнаго учебника Эндеманъ обнаруживаетъ въ своемъ трудѣ рѣшительное вліяніе современныхъ идей. Можно даже сказать, что Эндеманъ слишкомъ односторонне всегда выдвигаетъ на первый планъ требованія соотвѣтствія разумнымъ общественнымъ задачамъ, отчего изслѣдованіе его проигрываетъ въ полнотѣ юридическаго анализа.

И въ отдѣльныхъ монографіяхъ точно также выразилось право-политическое мировоззрѣніе. Достаточно назвать здѣсь Кроме, къ замѣчательнымъ работамъ котораго мнѣ придется еще возвратиться въ послѣдующихъ статьяхъ. Весьма характерно также, что въ новой литературѣ изъ подъ пера Эрлиха появилось обширное изслѣдованіе по вопросу о томъ, какія нормы гр. уложенія относятся къ принуждающимъ и каково ихъ социальное значеніе — и какія къ уполномочивающимъ. Такое отграничиваніе *jus cogens* отъ *jus dispositivum* съ точки зрѣнія его социальнаго значенія было немисливо для формально-юридическаго метода, который въ своихъ индивидуалистическихъ стремленіяхъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ культъ ничѣмъ не стѣсненной частной воли: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть два-три коротенькихъ и жалкихъ примѣчанія Виндшейда (§ 30), въ коихъ онъ старается отдѣлаться отъ этого важнаго вопроса. Напротивъ, Эрлихъ посвящаетъ его разрѣшенію солидный томъ, причѣмъ исходитъ изъ единственнаго безусловно правильнаго принципа: раздѣленіе нормъ на *jus cogens* и *dispositivum* находится въ зависимости отъ право-политическаго характера даннаго правового института.

Впрочемъ, не на всѣхъ произведеніяхъ новой литературы отразилось вліяніе новыхъ идей. Я не говорю о безчисленныхъ общихъ руководствахъ и спеціальныхъ монографіяхъ, посвященныхъ изложенію дѣйствующаго права безъ всякаго притязанія на самостоятельность и научность. Они составляютъ истинную пытку для нѣмецкаго юриста, который считаетъ своимъ долгомъ слѣдить за ними и, окончивъ безплодное чтеніе, безнадежно откладываетъ въ сторону, не обогативъ себя ни единой новой и самостоятельной мыслью. Было бы совершенно безцѣльной жестокостью заставлять иностраннаго читателя останавливаться на перечисленіи этой литературы, какъ бы она ни называлась — популярной, академической или практической (это особенно излюбленная и наиболѣе употребительная вывѣска). Къ сожалѣнію, однако, довольно замѣтное преобладаніе чисто формалистическаго метода наблюдается и въ лучшихъ, и даже весьма выдающихся, изслѣдованіяхъ новаго права, и прежде всего въ тѣхъ, которыя пренебрегаютъ историческимъ развитіемъ новыхъ нормъ. Этими недостатками страдаетъ, напр., самый замѣчательный комментарий гр. уложенія, составленный однимъ изъ наиболѣе выдающихся его редакторовъ Планкомъ въ сотрудничествѣ съ другими членами комиссіи, равно какъ и учебникъ Козака, весьма выдающийся по остроумію кон-

струкціи и по богатству блестящихъ примѣровъ. Тотъ и другой ограничиваются аргументированіемъ на основаніи строгой буквы закона и отсюда приходятъ перѣдко къ такимъ выводамъ, которые поражаютъ непосредственное правовое чувство и которыхъ не трудно было бы избѣжать при болѣе разумномъ отношеніи къ смыслу закона.

Вообще забвеніе исторической перспективы составляетъ одну изъ наиболѣе видныхъ и характерныхъ чертъ литературы новаго права. Не менѣе бросается въ глаза преобладаніе комментаторства надъ систематической обработкой. Я могъ бы насчитать около двѣнадцати большихъ комментарий, не говоря о портативныхъ изданіяхъ уложенія съ примѣчаніями. И можно съ увѣренностью предсказать, что со вступленіемъ уложенія въ дѣйствіе количество ихъ еще увеличится. Такая разработка права слишкомъ сильно выдвигаетъ на первый планъ мелкіе, единичные юридическіе вопросы и мѣшаетъ распознать ихъ истинное значеніе, какъ отдѣльнаго звена стройнаго цѣлаго. Явленіе это, впрочемъ, легко объясняется, и я не склоненъ видѣть къ немъ серьезную опасность для нашей юридической науки. Вполнѣ естественно, что въ увлеченіи достигнутымъ наконецъ впервые въ нашей исторіи единствомъ права мы, нѣмцы, съ жаромъ предалися усвоенію разрозненныхъ постановленій нашего уложенія. Но когда эта ближайшая цѣль будетъ достигнута, а это случится тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше энергии теперь проявляется, — неизбѣжно выступитъ на первый планъ потребность въ объединяющемъ систематическомъ изученіи права, на почвѣ его историческаго и философскаго обоснованія. Выяснить необходимость и значеніе такого изученія — составляетъ и теперь уже важную задачу германскихъ цивилистовъ. Только тогда, когда мы станемъ на этотъ путь, мы будемъ имѣть право сказать, что наша правовая жизнь пережила періодъ безцѣльнаго позитивизма, что наша наука ограждена отъ оплошненья, которое Австріи и Пруссіи удалось преодолѣть лишь десятки лѣтъ спустя послѣ завершенія кодификаціи.

Prof. P. Oertmann.

Договоръ перевозки по проекту гражданскаго уложенія.

(Оковчаніе)¹.

486. „Если въ теченіе срока, необходимаго для присылки отвѣта на предусмотрѣнное въ предыдущей статьѣ извѣщеніе, ни отправитель, ни получатель не распорядятся грузомъ, то перевозчикъ имѣетъ право для полученія провозной платы и другихъ причитающихся ему платежей продать, съ разрѣшенія мѣстнаго суда, непринятый грузъ или часть его по рыночной или биржевой цѣнѣ, а если грузъ такой цѣны не имѣетъ, съ публичнаго торга.

Продажа груза, подверженнаго скорой порчѣ, можетъ быть разрѣшена и до истеченія срока,

¹) См. Право № 1—2.

необходимаго для присылки отвѣта на извѣщеніе, посланное отправителю груза.

Изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ перевозчикъ получаетъ провозную плату и другіе причитающіеся ему платежи, а остатокъ вносится въ казначейство въ депозитъ суда для выдачи по принадлежности“.

Ст. 486 допускаетъ продажу груза лишь на тотъ случай, если грузохозяинъ не распорядится грузомъ. Этого, очевидно, недостаточно, ибо, если онъ и распорядится, но распоряженіе будетъ незаконное или неисполнимое („nicht ausführbar“—Герм. торг. ул.“), то послѣдствія должны быть тѣ же самыя. Это тѣмъ скорѣе можно допустить, что Проектъ дозволяетъ продажу только съ разрѣшенія суда. Изъ Проекта, впрочемъ, не видно, какое значеніе онъ придаетъ этому разрѣшенію: должно ли оно зависѣть отъ дискреціонной власти суда или нѣтъ? Имѣетъ ли судъ право отказать въ разрѣшеніи, не взирая на соблюденіе перевозчикомъ всѣхъ необходимыхъ формальностей, если онъ находитъ, что отъ отсрочки продажи интересы перевозчика пострадать не могутъ? Ни Проектъ, ни мотивы къ нему отвѣта на этотъ вопросъ не даютъ, но, имѣя въ виду, что Проектъ, въ отличіе отъ нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ (см. мотивы стр. 569), не разрѣшаетъ вовсе продажи безъ предварительнаго извѣщенія грузохозяина, отъ котораго зависить принятыя мѣры къ охранѣ своихъ интересовъ, надо полагать, что послѣ этого роль судьи должна заключаться уже только въ наблюденіи за формальными условіями продажи. Впрочемъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы отъ усмотрѣнія суда, тѣмъ не менѣе, зависѣло назначеніе срока продажи—въ зависимости отъ свойства и цѣнности груза, размѣра обременяющихъ его платежей и т. д. Комиссія на вопросъ о срокѣ смотритъ, мнѣ кажется, слишкомъ прямолинейно. Она находитъ, что разъ грузохозяинъ извѣщенъ и не сдѣлалъ никакого распоряженія о грузѣ, то грузъ можетъ быть проданъ немедленно, такъ какъ, будто бы, чѣмъ срокъ продажи короче, тѣмъ *всегда* лучше для обѣихъ сторонъ (стр. 569). Едва ли, однако, такая поспѣшность всегда умѣстна въ такомъ дѣлѣ, какъ продажа чужого имущества. По крайней мѣрѣ, въ нынѣшнихъ условіяхъ перевозки желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ и транспортныхъ обществъ для грузовъ, не подверженныхъ скорой порчѣ, срокъ продажи установленъ болѣе продолжительный.

487. „По прибытіи груза въ мѣсто назначенія или по истеченіи срока доставки получатель имѣетъ право, отъ своего имени, требовать сдачи груза и вообще осуществлять всѣ права, вытекающія для него изъ договора перевозки“.

Какъ уже сказано выше (см. замѣчанія къ ст. 482), получатель уже и ранѣе времени, указаннаго въ ст. 487, не какъ адресать, а

въ качествѣ держателя квитанціи, имѣетъ тѣ же права, судя, по крайней мѣрѣ, по *мотивамъ* къ Проекту. Нужно это выразить въ текстѣ ст. 487, если дѣйствительно Комиссія этого хотѣла. Статью эту, кромѣ того, слѣдовало бы дополнить еще и въ томъ смыслѣ, что, какъ лицо заинтересованное въ судьбѣ груза, получатель, хотя бы и *безъ* квитанціи въ рукахъ, имѣетъ право на предъявленіе такихъ требованій, которыя клонятся исключительно къ *сохраненію груза въ цѣлости*. (Sicherstellung des Gutes—Герм. торг. улож.).

489. „Съ пріемомъ груза получатель принимаетъ на себя обязательство произвести перевозчику платежи, причитающіеся по накладной или квитанціи, а именно: не внесенную впередъ провозную плату, наложенные на грузъ платежи и произведенныя на него издержки“.

По смыслу этой статьи выходитъ, что одинъ фактъ принятія груза возлагаетъ на получателя безусловную обязанность (т. е. такую обязанность, отъ которой онъ не можетъ уже освободиться возвращеніемъ принятаго груза) уплатить перевозчику всѣ причитающіеся платежи, независимо отъ того, зналъ ли или не зналъ получатель о размѣрѣ этихъ платежей, было ли объ этомъ доведено до его свѣдѣнія тѣмъ или инымъ путемъ, или нѣтъ. По иностраннымъ законодательствамъ, по Бернской Конвенціи и по смыслу нашего общаго устава рос. ж. д. (ст. 86 и 115) получатель становится такимъ должникомъ перевозчика лишь при томъ условіи, если ему вмѣстѣ съ грузомъ была вручена и *накладная*, въ которой показаны слѣдующіе платежи. Комиссія это послѣднее условіе устранила потому, какъ она объясняетъ (стр. 576), что у насъ очень часто накладная остается на мѣстѣ отправленія, а расчетъ съ получателемъ производится на основаніи квитанціи или же путемъ выдачи особаго счета. Допустимъ, что это такъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало сказать, что фактъ принятія груза возлагаетъ на получателя обязанность расчитаться съ перевозчикомъ на основаніи того документа, который при выдачѣ груза былъ получателю предъявленъ или находился въ его рукахъ, или же, наконецъ, если такого документа вовсе не было, а вмѣсто этого перевозчикъ только на словахъ объявилъ получателю, сколько ему слѣдуетъ, то—хотя бы на основаніи такого словеснаго объявленія. Полное же *умолчаніе* въ ст. 489 о томъ, что получатель становится должникомъ перевозчика лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ зналъ или долженъ былъ знать о причитающихся по перевозкѣ платежахъ, ничѣмъ оправдать нельзя. По ст. 489 выходитъ, что получатель обязанъ заплатить перевозчику все то, что причитается, согласно накладной, хотя бы онъ накладной никогда и не видалъ (потому что она осталась на мѣстѣ отправленія) и хотя въ накладной сказано одно, а въ квитанціи дру-

гое (напр., въ накладной значится наложенный платежъ, а въ квитанціи, которую получатель только и видѣлъ, наложеннаго платежа не показано), Комиссія находитъ это въ порядкѣ вещей (стр. 577), но безъ всякаго къ тому юридическаго основанія.

Возлагая на обязанность получателя, принявшаго грузъ, возмѣстить перевозчику не только провозную плату, но и „произведенныя на грузъ издержки“, ст. 489 не поясняетъ (хотя бы приведеніемъ нѣсколькихъ *примѣровъ*—ср. ст. 70 общ. уст. рос. ж. д. и ст. 11 Бернской Конвенціи), какия собственно издержки она имѣетъ въ виду. Объясненіе Комиссіи (стр. 578), что здѣсь имѣются въ виду издержки, понесенныя „исключительно въ интересъ отправителя или получателя, а не для другихъ *потребностей перевозки*“, ничего не объясняетъ, потому что нѣтъ такой потребности перевозки, которая бы не совпадала съ интересомъ отправителя или получателя. Правильнѣе было бы сказать, что особому возмѣщенію подлежатъ издержки, произведенныя перевозчикомъ не для исполненія *обязанностей*, лежащихъ на немъ, какъ на перевозчикѣ, а только въ интересъ грузохозина или по его особому порученію. Такъ, напр., перевозчикъ имѣетъ право на особое возмѣщеніе расходовъ, произведенныхъ имъ для исправленія недостатковъ упаковки, потому что исправленіе это вовсе не входитъ въ кругъ его обязанностей, какъ перевозчика (ст. 476 Проекта), а совершается лишь согласно „вѣроятному намѣренію хозяина“ (*negotiorum gestio*—ст. 1052 Проекта). То же слѣдуетъ сказать и о такомъ, напр., расходѣ, какъ на предохраненіе груза отъ порчи вслѣдствіе естественныхъ его свойствъ, за послѣдствія коихъ перевозчикъ самъ по себѣ не отвѣчаетъ (ст. 499 Проекта). Примѣромъ же расхода, произведеннаго по особому порученію грузохозина, можетъ служить уплата *таможенныхъ пошлинъ*.

492. „Первозчикъ имѣетъ въ обезпеченіе провозной платы, наложенныхъ на грузъ платежей и произведенныхъ имъ издержекъ закладное право на грузъ до тѣхъ поръ, пока таковой находится у него или у посторонняго лица, принявшаго отъ него грузъ на храненіе.

Закладное право сохраняется за перевозчикомъ и по сдачѣ груза получателю, если перевозчикъ предъявить къ нему искъ въ семидневный срокъ со дня сдачи груза и если этотъ искъ будетъ обезпеченъ наложеніемъ ареста на грузъ, пока таковой находится въ распоряженіи получателя“.

Въ ст. 490 Проекта, въ которой говорится о *правѣ удержанія* груза, право это признается за перевозчикомъ впредь до „полученія *всѣхъ* причитающихся по перевозкѣ платежей“ (въ томъ числѣ, напр. *убытковъ*, причиненныхъ перевозчику—см. объясненія къ ст. 490, стр. 581), а въ ст. 492 вмѣсто этого только

перечислены главнѣйшіе платежи, причемъ убытки пропущены.

496. „Съ приѣмомъ груза безъ оговорки погашаются требованія къ перевозчику какъ за просрочку въ доставкѣ, такъ и за гибель или поврежденіе груза, за исключеніемъ требованій за такія поврежденія или недостаю груза, которыя не могли быть усмотрѣны при обыкновенномъ способѣ приѣма груза отъ перевозчика.“

Въ послѣднемъ случаѣ перевозчикъ подлежитъ отвѣтственности, если получатель немедленно по обнаруженіи поврежденія или недостачи груза и не позже семи дней послѣ сдачи груза увѣдомитъ о томъ перевозчика.

Получатель обязанъ доказать, что обнаруженныя имъ поврежденія или недостача груза произошли въ промежутокъ времени между приѣмомъ груза къ перевозкѣ и сдачею его получателю“.

Соединяя съ приѣмомъ груза погашеніе послѣдующихъ претензій только тогда, когда приѣмъ былъ „безъ оговорки“, ст. 496, какъ и ст. 476, не даетъ дальнѣйшихъ объясненій о томъ, что именно оно разумѣетъ здѣсь подъ „оговоркою“. Оговорка *односторонняя*, исходящая только отъ получателя, очевидно, недостаточна (см. въ томъ же смыслѣ мотивы къ германскому тор. уложенію, стр. 264). Не будь этого, ст. 496 не достигла бы своей цѣли, ибо всякій получатель, принимая грузъ, могъ бы дѣлать оговорки на всякій случай. Поэтому, во избѣжаніе неправильнаго толкованія, и слѣдовало бы вмѣсто упоминаемаго объ „оговоркахъ“ сказать, по примѣру ст. 103 общ. уст. рос. ж. д. и ст. 44 Бернской Конвенціи, что не погашаются лишь претензіи о недостачѣ и порчѣ грузовъ, *удостоверенныхъ* до приѣма груза или же *признанныхъ* перевозчикомъ.—Распространеніе ст. 496 на претензіи о *просрочкѣ*, хотя и существуетъ въ большинствѣ иностранныхъ законодательствъ, въ сущности ничѣмъ не мотивировано; нѣтъ никакой надобности удостоверить фактъ просрочки въ самый моментъ выдачи груза, потому что этотъ фактъ можетъ быть удостовѣренъ и позже во всякое время. Фактъ просрочки, и безъ удостовѣренія ея во время выдачи груза, перевозчику всегда извѣстенъ, а слѣдовательно онъ и безъ такого удостовѣренія можетъ заpastись доказательствами въ свое оправданіе на случай будущей претензіи. Получателю же во время приѣма груза фактъ просрочки можетъ быть и неизвѣстенъ, потому, напр., что онъ не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о времени отправленія груза. Ссылки Комиссіи на примѣръ иностранныхъ законодательствъ (стр. 600), впрочемъ, не совсѣмъ точны, такъ какъ ст. 105 французскаго гражданскаго кодекса (въ измѣненной редакціи 1888 года) къ просрочкѣ *не* примѣняется. По Бернской же Конвенціи (ст. 44) заявленія о просрочкѣ послѣ выдачи груза допускаются въ те-

ченіи 7 дней. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что по иностраннымъ законодательствамъ и по Бернской Конвенціи пріемъ груза самъ по себѣ *безъ уплаты провозныхъ денегъ* никакихъ претензій не погашаетъ. Германскій законъ 1895 года дѣлаетъ въ этомъ отношеніи исключеніе только для перевозокъ водяныхъ, такъ какъ при этихъ перевозкахъ грузъ очень часто выдается получателю *въ кредитъ*, т. е. съ кредитованіемъ провозныхъ денегъ. Почему по этому вопросу Коммисія сочла нужнымъ отступить отъ примѣра иностранныхъ законодательствъ и Конвенціи, объ этомъ мы въ мотивахъ не находимъ удовлетворительнаго объясненія. Примѣръ ст. 103 нашего общаго устава рос. ж. д. не особенно убѣдителенъ, потому что умолчаніе въ ней объ уплатѣ провозныхъ денегъ—дѣло редакціонной случайности (см. общ. уставъ рос. ж. д. съ сужденіями Госуд. Совѣта, ст. 203 и 71). Наконецъ, по иностраннымъ законодательствамъ и по Бернской Конвенціи перевозчикъ не вправѣ защищаться молчаніемъ получателя при пріемѣ груза еще и тогда, когда основаніемъ претензіи служить доказанный злой *умыселъ* или *грубая неосторожность* перевозчика. Объ этомъ въ ст. 496 Проекта также не упомянуто (хотя изъ мотивовъ—стр. 599 видно, что, по мнѣнію самой Коммисіи, ст. 496 не должна относиться, напр., къ случаямъ доказаннаго *подмѣна* груза). Общее же правило объ отвѣтственности за недозволенные дѣянія (ст. 1065 Проекта) само по себѣ еще не разрѣшаетъ вопроса о томъ, допускается ли самое *заявленіе претензіи* послѣ пріема груза, хотя бы и такой претензіи, которая основана на ст. 1065 Проекта. На основаніи ст. 496 Проекта вопросъ этотъ придется разрѣшить въ отрицательномъ смыслѣ.

497. „Перевозчикъ, доставившій грузъ послѣ срока, отвѣчаетъ за убытки, если не докажетъ, что онъ не могъ устранить просрочку, несмотря на принятіе имъ всѣхъ мѣръ, которыя лежатъ на обязанности исправнаго перевозчика“.

Устанавливая отвѣтственность за *несоблюденіе срока доставки*, Проектъ не касается вовсе вопроса объ *опредѣленіи* этого срока въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ прямо не выговоренъ въ договорѣ. Слѣдовало бы упомянуть объ этомъ, хотя бы въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано въ ст. 485 Проекта, устанавливающей послѣдствія несоблюденія *получателемъ срока на принятіе* груза—„условеннаго, обычнаго или соотвѣтствующаго обстоятельству“.

Въ ст. 81 Проекта сказано, что каждое обязательство должно быть исполнено въ тотъ срокъ, который назначенъ въ договорѣ, либо „вытекаетъ изъ существа договора“.

Въ объясненіяхъ Коммисіи къ ст. 497 обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто. „Нельзя не замѣтить“, говоритъ Коммисія (стр. 608), „что, въ виду безусловной отвѣтственности перевозчиковъ за своихъ *служащихъ* и рабочихъ,

установленная въ ст. 497 отвѣтственность за просрочку можетъ возникнуть для перевозчиковъ иногда и за случайную просрочку, происшедшую, напр., вслѣдствіе внезапной болѣзни рабочихъ“. Въ доказательство этого Коммисія ссылается на общее правило ст. 114 Проекта („должникъ отвѣчаетъ за своихъ повѣренныхъ, служащихъ, рабочихъ и другихъ лицъ, участвующихъ по его порученію въ исполненіи обязательства“). Тутъ, однако, явное недоразумѣніе, потому что изъ объясненій самой же Коммисіи къ ст. 114 Проекта (т. I, стр. 256) видно, что въ ней устанавливается лишь безусловная отвѣтственность должника *за вину* („нерадѣіе“) служащихъ, какъ за свою собственную вину. Ясно, слѣдовательно, что въ силу ст. 114 перевозчикъ за „внезапную болѣзнь“ рабочего не отвѣчаетъ. Если для договора перевозки Коммисія желаетъ установить другое болѣе строгое правило: безусловную отвѣтственность перевозчика за *объективную пригодность* служащихъ для исполненія возложенныхъ на нихъ порученій, то такъ и слѣдовало сказать. Пока же это въ Проектѣ не сказано, перевозчикъ не отвѣчаетъ за *несоблюденіе* срока доставки, если оно произошло не по винѣ перевозчика (виною, однако, считается и неосторожный выборъ служащихъ и плохое за ними наблюденіе) и не по винѣ служащихъ. Лишь для сложенія отвѣтственности *за утрату и порчу* груза этого недостаточно (см. ст. 498 Проекта).

498. „Перевозчикъ отвѣчаетъ за гибель или поврежденіе груза со времени пріема его къ перевозкѣ до сдачи, если не докажетъ, что гибель или поврежденіе произошли отъ непреодолимой силы, отъ свойства самого груза, какъ-то: внутренней порчи, обыкновенной усышки, утечки и раструски, отъ незамѣтныхъ по наружному виду недостатковъ упаковки или же по винѣ отправителя“.

За гибель или поврежденіе груза, заключающагося въ драгоценныхъ металлахъ и камняхъ, цѣнныхъ бумагахъ и тому подобныхъ предметахъ, перевозчикъ отвѣчаетъ лишь въ томъ случаѣ, если отправитель объявилъ ему о свойствѣ или цѣнности такого груза при сдачѣ его къ отправкѣ.

Уже выше (въ замѣчаніяхъ къ ст. 463 и 474 Проекта) я упомянулъ о бытовой несправедливости распространенія страховаго принципа отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предпріятій на всѣхъ перевозчиковъ. Въ примѣненіи къ отвѣтственности за утрату и порчу грузовъ несправедливость эта усугубляется еще тѣмъ, что отвѣтственность крупныхъ транспортных и пароходныхъ предпріятій въ виду ст. 464 Проекта окажется *менше* строгою, чѣмъ отвѣтственность какого-нибудь носильщика или крестьянина, промышленнаго извозомъ въ видѣ отхожаго промысла. Всѣ существующія болѣе или менѣе крупныя транс-

портныя и пароходныя предпріятія имѣютъ свои утвержденныя правительствомъ уставы или условія перевозки, въ которыхъ обыкновенно отвѣтственность старательно доведена до минимума. Эти уставы и условія перевозки, согласно ст. 464 Проекта, сохраняютъ свою силу, что и ставитъ, такимъ образомъ, крупныя предпріятія въ болѣе привилегированное положеніе. Правда, мелкій извозчикъ въ теоріи имѣетъ право ограничить свою отвѣтственность *по договору* съ отправителемъ (такъ какъ ст. 466 распространяется только на „общественныхъ“ перевозчиковъ), но на практикѣ это немногого стоитъ—въ виду поголовной безграмотности этого люда, не говоря уже о юридическомъ невѣжествѣ, свойственномъ всѣмъ слоямъ нашего общества, и непривычкѣ къ заключенію всякаго рода договоровъ и вообще къ формализму въ житейскихъ дѣлахъ. Если, поэтому, Проектъ, какъ видно изъ ст. 466 и другихъ, считаетъ справедливымъ устанавливать различныя правила для перевозчиковъ общественныхъ и всѣхъ прочихъ, то было бы цѣлесообразнѣе для послѣдней категоріи вмѣсто допущенія договоровъ, ограничивающихъ отвѣтственность, установить въ самомъ законѣ отвѣтственность менѣе строгую. Германское торговое уложеніе 1897 года, впрочемъ, какъ уже сказано выше, идетъ еще далѣе. Оно сохранило страховой принципъ отвѣтственности только для желѣзныхъ дорогъ. Для всѣхъ же прочихъ перевозчиковъ отвѣтственность установлена нормальная (ст. 429), т. е. только *за вину*. Какъ видно изъ мотивовъ къ этому уложенію (стр. 259), одною изъ причинъ этого нововведенія было стремленіе къ соціальной справедливости.

501. „Вознагражденіе за гибель или поврежденіе груза опредѣляется по биржевой или рыночной цѣнѣ, а за неимѣніемъ ея—по обыкновенной стоимости, которую однородные предметы того же качества имѣли въ то время и въ томъ мѣстѣ, когда и гдѣ должна была произойти сдача груза получателю.

Провозная плата и всѣ издержки по перевозкѣ, которыя долженъ былъ уплатить получатель, если бы грузъ прибылъ по назначенію въ цѣлости, исключаются изъ суммы вознагражденія.

Сторонамъ предоставляется заранѣе опредѣлить сумму вознагражденія на случай гибели или поврежденія груза.

Если будетъ доказано, что гибель или поврежденіе груза произошли по винѣ перевозчика, то размѣръ вознагражденія опредѣляется по общимъ правиламъ о вознагражденіи за убытки, происшедшіе отъ неисполненія обязательствъ“.

Уже выше (въ замѣчаніяхъ къ ст. 466 Проекта) я указалъ на то, что третій пунктъ ст. 501, разрѣшающій столь важный и вызвавшій на практикѣ массу споровъ вопросъ, какъ вопросъ о правѣ перевозчика ограничивать по соглаше-

нію съ отправителемъ размѣръ вознагражденія за утрату и порчу груза, изложенъ крайне неточно. Въ немъ говорится о „сторонахъ“ вообще, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ мотивовъ (стр. 474 и 644), имѣются въ виду только перевозчики простые, а не „общественные“. Сопоставляя текстъ статей 466 и 501 Проекта, всякій имѣетъ право заключить, что ст. 501 является исключеніемъ изъ общаго правила, установленнаго въ ст. 466, такимъ же исключеніемъ, какимъ по указанію самой Комиссіи (стр. 630) является ст. 499 Проекта, разрѣшающая *всѣмъ* перевозчикамъ входить въ соглашеніе съ отправителями о размѣрѣ, т. н., нормальной убыли. Кто же догадается о томъ, что ст. 499 относится къ общественнымъ перевозчикамъ, а ст. 501 къ нимъ не относится? Что третій пунктъ статьи 501 относится только къ простымъ перевозчикамъ, это тѣмъ болѣе никому въ голову придти не можетъ, что вѣдь ст. 466 запрещаетъ договоры объ ограниченіи отвѣтственности только общественнымъ перевозчикамъ. Значитъ, простымъ перевозчикамъ разрѣшаются *всякіе* договоры объ ограниченіи отвѣтственности. Зачѣмъ же было въ ст. 501 еще повторить, что имъ разрѣшается вступать въ договоры объ ограниченіи размѣра вознагражденія за утрату и порчу груза? Это повтореніе не только не нужно, но даже вредно, потому что изъ того, что законъ разрѣшаетъ договоры о размѣрѣ вознагражденія за *утрату и порчу* груза, могутъ сдѣлать тотъ выводъ, что договоры допускаются *только* по этому предмету, а не, напр., о размѣрѣ вознагражденія за *просрочку* (ст. 497).

Четвертый пунктъ ст. 501 относится ко всѣмъ случаямъ доказанной вины перевозчика. Между тѣмъ, по ст. 117 Проекта должникъ, не исполнившій договора, лишь въ томъ случаѣ обязанъ возмѣстить убытокъ, котораго онъ не могъ предвидѣть, если договоръ не исполненъ имъ умышленно или по грубой неосторожности. Въ силу этого общаго правила, казалось бы, и перевозчикъ, не уличенный въ умыслѣ или въ грубой неосторожности, обязанъ уплатить грузохозяину лишь тотъ убытокъ, который онъ обыкновенно только и можетъ предвидѣть, не зная личныхъ дѣлъ отправителя, а тѣмъ болѣе—получателя, т. е. лишь стоимость груза. Въ этомъ смыслѣ разрѣшаютъ вопросъ и иностранныя законодательства, и Бернская Конвенція. Никакихъ основаній, въ силу которыхъ она сочла въ данномъ случаѣ отступити отъ общаго правила ст. 117, Комиссія не приводитъ (стр. 647).

502. „Требованія, касающіяся вознагражденія за гибель или поврежденіе, а также за просрочку въ доставкѣ груза, погашаются двухлѣтнею давностью.

Въ случаѣ поврежденія или частичной гибели, а также просрочки въ доставкѣ груза, давность исчисляется со дня сдачи груза полу-

чателью, въ случаѣ же полной гибели—со дня наступленія срока доставки.

Требованія о вознагражденіи за убытки, причиненные перевозчикомъ умышленно, погашаются общою десятилѣтнею давностью“.

Статью эту надо дополнить указаніемъ на то, какую давностью погашаются иски объ исполненіи договора перевозки и о вознагражденіи за всякія *другія* нарушенія этого договора, кромѣ утраты, порчи и просрочки. Изъ мотивовъ Комиссіи (стр. 649) видно, что для этихъ исковъ давность сохраняется общая десятилѣтняя. Оправдать этого ничѣмъ, кромѣ ссылки на примѣръ иностранныхъ законодательствъ и Бернской Конвенціи, въ сущности нельзя. Почему, напр., искъ о вознагражденіи за просрочку долженъ погашаться двухлѣтнею, а о вознагражденіи за нарушеніе очереди—десятилѣтнею давностью? Впрочемъ, по Бернской Конвенціи сокращенная давность распространяется и на иски о *переборахъ*. Такъ какъ сама Комиссія предлагаетъ установить двухлѣтнюю давность для исковъ о недоборахъ, предъявляемыхъ перевозчиками (стр. 647), то, очевидно, давность эту слѣдуетъ распространить и на иски о переборахъ. Иначе, стороны очутятся въ неравномъ положеніи: противъ иска о переборѣ, предъявленнаго спустя 3 года, перевозчикъ, съ своей стороны, не будетъ имѣть права на предъявленіе встрѣчнаго требованія о недоборѣ, имѣвшемъ мѣсто также 3 года тому назадъ по другой отправкѣ того же испта. Кромѣ того, уплативъ по такому иску переборъ, перевозчикъ лишень будетъ возможности осуществить свое право регресса къ другимъ перевозчикамъ (ст. 494 Проекта).

503. „Въ пріемѣ багажа, т. е. вещей пассажира, перевозимыхъ одновременно съ нимъ, но не подъ его присмотромъ, общественный возчикъ обязанъ выдать багажную квитанцію, въ которой обозначаются число мѣстъ багажа, его вѣсъ, какъ дѣйствительный, такъ и подлежащій оплатѣ, цѣнность багажа, если она будетъ объявлена пассажиромъ, провозная плата и другія условія перевозки.“

Багажная квитанція можетъ быть выдана и на предъявителя“.

504. „Отвѣтственность перевозчика за гибель или поврежденіе багажа опредѣляется на основаніи соответствующихъ правилъ объ отвѣтственности за гибель или поврежденіе груза.“

За гибель или поврежденіе ручной клади перевозчикъ отвѣчаетъ лишь при доказанности его вины“.

Ст. 505 распространяетъ на багажъ лишь общія правила объ отвѣтственности за гибель и поврежденіе грузовъ, изъ чего можно было бы заключить, что прочія правила о грузахъ къ багажу не относятся. Такой выводъ тѣмъ болѣе возможенъ, что, напр., по железнодорожному уставу (ст. 94) на багажъ не распространяются правила объ отвѣтственности за про-

срочку въ доставкѣ грузовъ. Между тѣмъ, изъ мотивовъ Комиссіи (стр. 653) узнаемъ, что къ перевозкѣ багажа должны быть вообще примѣняемы постановленія о перевозкѣ грузовъ. Советомъ бы не лишнее было сказать объ этомъ не въ мотивахъ, а въ текстѣ. Наоборотъ, то, что сказано въ ст. 503, можно было бы и вовсе не сказать, хотя Комиссія и считаетъ это самымъ существеннымъ изъятіемъ для багажа изъ общихъ правилъ о перевозкѣ грузовъ. Трудно понять, въ чемъ тутъ изъятіе, да еще существенное. Его нѣтъ ни въ томъ, что перевозчикъ обязанъ выдать багажную квитанцію, потому что и при пріемѣ груза перевозчикъ обязанъ выдать квитанцію (ст. 480 Проекта), ни въ содержаніи этой квитанціи, потому что въ багажную квитанцію, какъ и въ грузовую, включаются всѣ условія перевозки, ни въ правѣ объявленія цѣнности багажа, потому что и цѣнность груза можетъ быть объявлена (ст. 501, п. 3, ст. 498, п. 2). Между тѣмъ, во всемъ этомъ Комиссія усматриваетъ изъятіе. Остается развѣ лишь то, что для выдачи багажной квитанціи на предъявителя общественный перевозчикъ не нуждается въ особомъ разрѣшеніи правительства, въ которомъ онъ нуждается для выдачи грузовой квитанціи на предъявителя (ст. 480). Имѣя, однако, въ виду, что ст. 503 разрѣшаетъ лишь вопросъ о томъ, что перевозчикъ обязанъ сдѣлать по требованію пассажира, что, затѣмъ, какъ видно изъ мотивовъ Комиссіи (стр. 539—40), ст. 480 также не требуетъ особаго разрѣшенія правительства для выдачи грузовой квитанціи отправителю по его требованію, разница между ст. 480 и 503 и въ этомъ отношеніи оказывается совершенно ничтожною.

Заканчивая этимъ свои замѣчанія, повторяю то, съ чего я началъ. Сравнительно съ тѣмъ, что мы имѣемъ теперь, Проектъ даетъ намъ такъ много, что заслуживаетъ самаго благожелательнаго отношенія, и, если я счелъ своею обязанностью отмѣтить то, въ чемъ я усматриваю недостатки Проекта, то вовсе не съ цѣлью критики во что бы то ни стало, а лишь въ сознаніи долга, самую же Комиссіею возложеннаго въ настоящее время на всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу будущаго нашего гражданскаго уложенія.

И. Рабиновичъ.

По поводу одного убійства.

Недавно появился въ петербургской прессѣ (см. газету „Россия“, № 228 и 229) отчетъ о разбирательствѣ въ Туркестанскомъ военно-окружномъ судѣ дѣла полковника Сташевскаго, перепечатанный изъ мало кому доступныхъ мѣстныхъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“. Отчетъ сухъ и протокольно лакониченъ; несмотря

на то, онъ производить особенное и трудно опредѣлимое впечатлѣніе.

Убіство полковникомъ Сташевскимъ Сморгунера, редактора „Русскаго Туркестана“, при всей безобразной дикости этого преступленія, казалось—до судебного разбирательства—чѣмъ-то крайне исключительнымъ и монструознымъ. Съ нашей, „гражданской“, мирно-обывальной точки зрѣнія особенная дикость этого убійства заключалась въ его безпричинности, въ отсутствіи всякаго серьезнаго повода для такой страшно серьезной вещи, какъ пролитіе человѣческой крови; въ нашихъ глазахъ убійство совершилось не то что съ „легкимъ“, а съ пустымъ сердцемъ, ни за что—ни за грошь. Ничтожество повода, направившаго руку убійцы, наивный порывъ, который проявился въ исполненіи преступленія, точно тотъ, кто совершилъ его, шелъ на законное и достойное дѣло,—наконецъ, отсутствіе момента страсти, сильной, неудержимой, остлбляющей, пусть бы даже въ видѣ безпричинной ярости раздраженнаго и озвѣрившаго человѣка—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало преступленіе полковника Сташевского фактомъ исключительнымъ до нелѣпости, до полного отрицанія обыкновенной, естественной логики человѣческихъ поступковъ. Но вотъ состоялся судъ надъ полковникомъ Сташевскимъ, закончившійся обвинительнымъ приговоромъ. Военный судъ не можетъ оправдать, разъ доказанъ фактъ преступленія. Но признаніе судомъ опредѣленнаго по закону наказанія слишкомъ строгимъ заставляетъ предполагать, что подсудимый, по мнѣнію суда, поступилъ такъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ всякій человѣкъ, стоявшій въ нравственномъ отношеніи ничуть не ниже окружающаго общества, если бы онъ находился подъ гнетомъ тѣхъ же обстоятельствъ; а въ такомъ случаѣ этотъ фактъ перестаетъ быть фактомъ одинокимъ, исключительнымъ—это ужъ явленіе, повидимому, закономерно и естественно вышедшее изъ особой совокупности бытовыхъ и нравственныхъ условий, характеризующее не отдѣльное лицо, а особую среду, особый социальный складъ отношеній.

Дѣло полковника Сташевского тѣсно связано съ дѣломъ нѣкоего Джорджикія, обвинявшагося въ покушеніи на убійство сотника Колокольцева, служившаго въ одномъ казачьемъ полку съ полковникомъ Сташевскимъ,—связано не однимъ только внѣшнимъ сдѣланиемъ событій, а болѣе тѣсно внутренней связью, однородностью тѣхъ бытовыхъ чертъ, которыя проявляются въ обоихъ дѣлахъ. Джорджикія жилъ на квартирѣ у сотника Колокольцева и былъ свидѣтелемъ истязаній, которымъ тотъ подвергалъ свою жену. Истязать жену было для Колокольцева привычнымъ ему времяпровожденіемъ, какъ бы привычной домашней забавой; возвращаясь домой пьяный, онъ хлесталъ ее нагайкой, жегъ ей волосы на головѣ, ругалъ ее площадными словами, пугалъ выстрѣлами изъ револьвера. Джорджикія вступался за истязаемую женщину (замѣтимъ въ скобкахъ—мать двоихъ дѣтей), уговаривалъ ея мучителя, и иногда ему удавалось его укротить. Разъ—это было послѣ встрѣчи новаго года въ 1899 г.—сотникъ Колокольцевъ пришелъ домой, по обыкновенію пьяный, и принялся истязать жену по обыкновенной программѣ: сжегъ на террасѣ ея платье, жегъ ей волосы; стрѣлялъ въ комнатахъ изъ револьвера и гро-

зилъ застрѣлиться. Джорджикія вмѣшался и отнял у него револьверъ. На другой день тѣ же сцены продолжались; Джорджикія побѣждалъ къ начальству и товарищамъ Колокольцева, а несчастная женщина съ двумя дѣтьми ушла изъ дому и скрылась въ гостиницѣ. Начальство отрядило полкового адъютанта усовѣщевать Колокольцева; тотъ „далъ слово“ прекратить прежнія безобразія,—но сейчасъ за этимъ, встрѣтившись съ Джорджикія, сталъ требовать у него отнятый револьверъ, который Джорджикія носилъ съ собою, и сказалъ ему, что идетъ въ гостиницу, гдѣ спряталась его жена (объ этомъ убѣжищѣ проболтался ему неосторожный адъютантъ), и притащить ее домой за волосы. Джорджикія бросился въ гостиницу предупредить несчастную жертву, но въ корридорѣ гостиницы засталъ уже Колокольцева. Тогда, внѣ себя отъ негодованія и ужаса за участь, угрожающую беззащитной женщинѣ, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и произвелъ въ Колокольцева пять выстрѣловъ, причинившихъ, впрочемъ, только легкія пораненія, отъ которыхъ Колокольцевъ оправился въ два-три дня. Преданный суду по обвиненію въ покушеніи на убійство Колокольцева, Джорджикія избралъ себѣ защитникомъ Сморгунера. На судовомъ разслѣдованіи былъ слѣдующій эпизодъ. Рассказывая суду о своемъ поступкѣ, Джорджикія сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „господа судьи, можетъ быть, у васъ возникаетъ вопросъ—почему сотникъ Колокольцевъ во время пьянства придирался къ женѣ, а не къ другимъ лицамъ? На это отвѣчу: потому, что въ подчиненіи сотника Колокольцева находилась два существа—жена и лошадь; когда онъ былъ пьянъ, что бывало каждый день, то днемъ загонялъ и билъ плетью лошадь, а по ночамъ колотилъ жену; къ стороннему лицу онъ не могъ придираться, ибо могъ получить взаимное оскорбленіе“. Послѣ защитительной рѣчи Сморгунера, судъ, признавъ Джорджикія виновнымъ, постановилъ, въ виду выяснившихся обстоятельствъ дѣла, ходатайствовать о помилованіи обвиняемаго.

Полковникъ Сташевскій былъ командиромъ 5-го оренбургскаго казачьяго полка, къ которому принадлежалъ Колокольцевъ. Какъ и за что онъ убилъ Сморгунера? Вотъ его собственный рассказъ объ этомъ, воспроизведенный въ судебномъ отчетѣ. На процессѣ Джорджикія полковникъ Сташевскій не присутствовалъ, такъ какъ былъ въ отлучкѣ; возвратившись, онъ сталъ разспрашивать о подробностяхъ дѣла и „отовсюду почти ему пришлось услышать, что самъ Джорджикія и его защитникъ нехорошо отзывались о казачьихъ офицерахъ“. Въ „Русскомъ Туркестанѣ“ началось печатаніе отчета о дѣлѣ Джорджикія, но отчетъ былъ, по мнѣнію полковника Сташевского, неточенъ и пристрастенъ, и полковникъ добился того, что мѣстная цензура прекратила дальнѣйшее его печатаніе. Однако, толки и слухи, неслестные для офицеровъ оренбургскаго казачьяго полка, не прекращались въ городѣ. 2 сентября полковникъ Сташевскій встрѣтилъ на улицѣ капитана Скосырева, отъ котораго услышалъ, будто Сморгунеръ на судѣ произнесъ слѣдующую фразу: „удивляться, впрочемъ, тутъ нечему: казачьи офицеры днемъ хлещутъ своихъ лошадей, а ночью женъ“. Полковникъ Сташевскій рѣшилъ немедленно „расправиться“ съ Сморгунеромъ и отправился въ редакцію „Русскаго

Туркестана". Тамъ ему сказали, что Сморгунера можно видѣть только въ 5 часовъ. Ровно въ 5 часовъ онъ снова явился въ редакцію и былъ введенъ въ кабинетъ редактора. Ничего не подозрѣвая, Сморгунеръ направился къ нему на встрѣчу и привѣтливо протянулъ ему руку, говоря: „Просту садиться“. Тогда произошла между ними слѣдующая сцена.

Полковникъ Сташевскій заложилъ свои руки позади за спину и сказалъ:

— Погодите протягивать свою руку, я тогда только пожду ее, когда это позволять переговоры съ вами, для которыхъ я сюда явился.

Сморгунеръ былъ сильно озадаченъ этими словами.

— Вы были защитникомъ Джорджикіа и позволили себѣ коснуться въ своей рѣчи цѣлаго казачьяго сословія... Вы сказали...

И полковникъ повторилъ фразу, услышанную имъ отъ Скосырева.

— Я этого не говорилъ, — спокойно отвѣтилъ Сморгунеръ.

— Какъ не говорили?—вспыхнулъ полковникъ,— у меня есть свидѣтели, слышавшіе эту фразу.

И тутъ же, не давая возможности Сморгунеру возразить, полковникъ продолжалъ:

— Какое вы имѣли право затрагивать цѣлое сословіе? Вы должны были касаться только фактовъ, относящихся къ дѣлу. Я, вѣдь, не имѣю права сказать, что все присяжные и частные повѣренные скоты... А вамъ говорю, что вы скотъ, и пришель я сюда съ тѣмъ, чтобы дополнить вашу неумѣстную фразу тѣмъ, что казаки дѣйствительно бьютъ нагайками, но только не своихъ женъ, а такихъ скотовъ, какъ вы...

Съ этими словами полковникъ Сташевскій схватилъ бывшую при немъ нагайку и началъ наносить ею удары Сморгунеру. Послѣдній схватилъ стулъ, но Сташевскій вырвалъ его и отбросилъ въ сторону. Тогда Сморгунеръ началъ защищаться панкою и звать людей на помощь. Въ кабинетъ вбѣжали Джорджикіа и Мартыновъ, которые увидѣли, что полковникъ держитъ въ рукахъ револьверъ и прицѣливается въ пришедшихъ.

— Если вы позволите себѣ сообщить что-либо про офицеровъ моего полка въ вашей газетѣ, то я васъ пристрѣлю, какъ собаку...

Послѣ этого полковникъ Сташевскій вышелъ изъ редакціи, обратившись къ Джорджикіа, который прибѣжалъ на крикъ Сморгунера, со словами: „и тебя убью также“.

Дальнѣйшій ходъ событій, по словамъ судебного отчета, былъ слѣдующій:

Въ тотъ же день полковникъ началъ разсказывать всюду о томъ, что онъ избилъ Сморгунера и этимъ проучилъ его. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу, и рано утромъ 4 сентября офицеры 5-го оренбургскаго полка собрались въ полковой канцеляріи для того, чтобы благодарить своего командира за то, что онъ вступился за честь своего полка. Въ 9 часовъ утра Сташевскій пришелъ въ канцелярію, молча пожалъ руки своимъ офицерамъ и затѣмъ направился въ свой кабинетъ, гдѣ занялся просмотромъ и подписываніемъ бумагъ.

Спустя часъ или два полковникъ Сташевскій отправился отсюда къ своему знакомому, начальнику города

Ташкента, подполковнику Ладыженскому, отъ котораго и узналъ, что Сморгунеръ подалъ въ полицію два заявления: одно о насиліи, произведенномъ надъ нимъ Сташевскимъ 2 сентября, причемъ въ заявленіи было сказано, что онъ, Сморгунеръ, защищался стуломъ, которымъ и задѣлъ Сташевского; въ другомъ заявленіи Сморгунеръ доводилъ до свѣдѣнія полиціи о томъ, что вечеромъ 3 сентября подъ окномъ его квартиры раздался выстрѣлъ и виновникомъ этого выстрѣла онъ считаетъ полковника Сташевского, отъ котораго и просить защиты у полиціи.

По словамъ Сташевского, заявленія Сморгунера сильно его возмутили, но еще болѣе онъ возмутился тогда, когда ему прислали изъ полиціи корректурный номеръ „Русскаго Туркестана“, который долженъ былъ выйти 5 сентября. Въ этомъ номерѣ помѣщены были двѣ замѣтки, одна о столкновеніи 2 сентября въ сокращенномъ и извращенномъ видѣ, а другая о ночномъ выстрѣлѣ возлѣ дома Сморгунера. Номеръ этотъ, какъ оказалось, прислалъ подполковникъ Ладыженскій. Цензурируя, какъ полицейскій чиновникъ, объявленія „Русскаго Туркестана“, Ладыженскій ежедневно получалъ корректурные номера, и одинъ изъ нихъ послалъ Сташевскому.

Прочитавъ въ этомъ номерѣ означенныя замѣтки, Сташевскій тотчасъ же отправился въ окружный судъ и спросилъ перваго попавшагося ему чиновника, тамъ ли Сморгунеръ. Ему сказали, что тамъ. Сморгунеръ сѣдѣлъ и перелистывалъ какое-то дѣло. Когда онъ увидѣлъ входящаго Сташевского, то поблѣднѣлъ, быстро поднялся съ мѣста и обратился къ чиновникамъ со словами: „господа, защитите меня, онъ убьетъ меня“.

— Я вамъ говорилъ, чтобы вы не смѣли писать гадостей, — сказалъ Сташевскій.

И въ рукахъ его очутился револьверъ. Раздался выстрѣлъ, которымъ Сморгунеръ и былъ убитъ. Послѣ этого убійца самъ отправился къ генералу Соколову и доложилъ о происшедшемъ.

Въ такомъ, именно, видѣ обстоятельства дѣла выяснились на судѣ. Фактъ произнесенія Сморгунеромъ обидной для казачьихъ офицеровъ фразы не подтвердился—члены суда, къ которымъ была обращена защитительная рѣчь Сморгунера, отрицали это, а капитанъ Скосыревъ, отъ котораго полковникъ Сташевскій узналъ объ этомъ оскорбительномъ отзывѣ, на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, не явился. Еще одна характерная подробность: вдова Сморгунера, оставшаяся съ четырьмя дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, заявила, что мужъ тратилъ на ее содержаніе по 500 рублей въ годъ, и предъявила въ этой суммѣ искъ къ подсудимому. Полковникъ Сташевскій нашель эту сумму *высокою*.

Военный судъ призналъ полковника Сташевского виновнымъ въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи и, опредѣливъ ему наказаніе по законамъ, нашель, „что наказаніе это (лишеніе особенныхъ правъ и ссылка на житье) является чрезвычайно строгимъ, несоотвѣтствующимъ винѣ подсудимаго, и что по дѣлу представляются особые обстоятельства, служащія къ облегченію участи подсудимаго, въ разбирѣ, выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти“. Поэтому судъ постановилъ ходатайствовать, чтобы наложено

казаніе было замѣнено Сташевскому заключеніемъ его на два года въ крѣпость, съ потерю нѣкоторыхъ особенно лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ по 2 ч. 24 ст. воин. уст., съ послѣдствіями, опредѣленными ст. 26 того же устава, а также 50 и 51 ст. улож. о нак.

Въ чемъ же можно было усмотрѣть эти особыя, изъ ряду вонъ выходящія, смягчающія обстоятельства? Въ томъ ли, что полковникъ Сташевскій, внявъ первому слуху объ оскорбленіи *всѣхъ* казачьихъ офицеровъ, не далъ себѣ никакого труда провѣрить этотъ слухъ и сейчасъ же „расправился“ съ мнимымъ обидчикомъ посредствомъ нагайки? Что онъ грозилъ обидчику „пристрѣлить его, какъ собаку“, и когда узналъ, что тотъ намѣренъ обратиться къ защитѣ законной власти и общественнаго мнѣнія, привелъ свою угрозу въ исполненіе и дѣйствительно пристрѣлилъ Сморгунера, какъ пристрѣливаютъ собаку, безъ малѣйшаго слѣда какихъ-либо колебаній или угрызений? Или въ томъ, что, отправляясь на убійство, онъ зналъ, что никакой физической опасности не грозитъ ему отъ безоружной жертвы — мирнаго „штатскаго“, который, сѣдя въ канцеляріи суда, долженъ бы чувствовать себя въ совершенной безопасности отъ насилія и, слѣдовательно, не могъ принять какія-нибудь мѣры для самозащиты, — и зналъ также, послѣ почтительныхъ привѣтствій, которыхъ онъ удостоился отъ офицеровъ за избіеніе Сморгунера нагайкой, что сочувствіе военныхъ на его сторонѣ, и такимъ образомъ могъ рассчитывать на снисходительное отношеніе военного суда къ его подвигу „мстителя“ за все офицерское казачье сословіе.

„И, однако, они существовали, — говорить по поводу искомыхъ нами смягчающихъ обстоятельствъ, г. Вл. Кор. въ своей замѣткѣ „Судъ надъ убійцей Сморгунера“¹⁾, и если покойный Сморгунеръ палъ невинной жертвой дикихъ и извращенныхъ понятій о чести, то убійца, несомнѣнно тяжко виновный, является въ свою очередь жертвой“. Опъ является „жертвой тѣхъ же извращенныхъ понятій, согласно которымъ пуля и нагайка въ мирное время и противъ своихъ же согражданъ являются дозволенными „орудіями чести“. Но, при всей дикости и извращенности тѣхъ понятій о чести, которыя здѣсь имѣются въ виду, врядъ ли они объясняютъ убійство Сморгунера, врядъ ли они *повелевали* это убійство. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, всѣ казачьи офицеры, которыхъ касалась фраза, облыжно приписанная Сморгунеру, всѣ, сколько ихъ ни есть въ Россійской Имперіи, имѣли право и обязанность, согласно этимъ понятіямъ, учинить насиліе надъ Сморгунеромъ?

Думается, что случай со Сморгунеромъ былъ бы невозможенъ въ Европейской Россіи, хотя бы и въ той же средѣ, гдѣ господствуютъ тѣ же понятія о чести. Случай этотъ не даромъ произошелъ въ Средней Азій; въ немъ есть особыя, такъ сказать, „колоніальная“ черты; онъ родствененъ такимъ же подвигамъ безчеловѣчной жестокости и равнодушнаго кровопротлія, которыми прославились разные африканскіе колоніальные герои изъ нѣмцевъ и французовъ, Шануаны, Аренберги, Петерсы и т. д. Вѣроятно, есть что

¹⁾ Рус. Бог., ноябрь 1899 г.

то разжигающее и сладострастное въ положеніи „по-бѣдителя“, живущаго среди подвластной „низшей расы“, оторваннаго отъ обычныхъ социальныхъ условій культурнаго быта. Въ убійствѣ Сморгунера сказались также разнузданность инстинктовъ жестокости, лежащихъ въ животной глубинѣ человѣческой природы, которая проявлялась, напримѣръ, въ обращеніи сотника Колокольцева съ подчиненными ему безотвѣтными существами — женою и лошадыю. Такъ объясняетъ дѣло и Джорджикіа, за защиту котораго погибъ Сморгунеръ.

„За что погибъ человѣкъ? Зачѣмъ убійца ворвался въ храмъ правосудія, гдѣ раздается голосъ Александра II, сразилъ безмезднаго защитника угнетенныхъ и чистую кровью его обрызгалъ храмъ правосудія? На этотъ вопросъ — клянусь свѣжею могилою Сморгунера — я отвѣчу безъ всякой злобы, одною правдою“. И вотъ что онъ отвѣчаетъ: „День 14 мая былъ счастливымъ днемъ для средней русской Азій. Старое судопроизводство уступило мѣсто окружнымъ судамъ. Въ составъ судей были назначены новыя лица изъ центра Россіи, девизомъ которыхъ было и есть: „защита правды и справедливости“. Съ какою желчью и нежеланіемъ старыя помѣщики разстались со своими правами въ 1861 г., — съ такою злобою и ненавистью встрѣтили нѣкоторыя лица въ средней Азій судебную реформу. Вчерашніе *всемогущіе миніатюрныя Тамерланы*, — сегодня, благодаря судебной реформѣ, становились ничѣмъ... Въ этотъ именно моментъ неравной борьбы устарѣлыхъ традицій со свѣже образованною силою, ратующей за правду и истину, было назначено къ слушанію и мое дѣло“.

Сморгунеръ былъ на далекой окраинѣ однимъ изъ пионеровъ, однимъ изъ „первенцовъ“ этой свѣжей просвѣтительной и цивилизующей силы, и палъ поэтому первой жертвой.

Д. Л.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Засѣданіе гр. касс. департамента 12 января.

I.

Удостовереніе вол. правленія о количествѣ заработка крестьянъ, какъ основаніе для опредѣленія размѣра убытка, происшедшаго отъ поврежденія здоровья.

Московская судебная палата утвердила рѣшеніе Моск. окр. суда, коимъ присужденъ былъ искъ Пальчиковскаго въ суммѣ 3,000 р. къ Моск.-К.-Ворон. ж. д. о вознагражденіи за поврежденіе здоровья истца при крушеніи поѣзда. Основаніемъ для опредѣленія размѣра заработка истца послужило удостовѣреніе волостного правленія о томъ, что крестьянинъ въ мѣстности, въ коей живетъ истецъ, зарабатываетъ до 300 р. въ годъ.

Въ кассационной жалобѣ указывается, что волостное правленіе можетъ удостовѣрить состоятельность и доходы крестьянъ, но не заработокъ крестьянина, развѣ бы только крестьянинъ производилъ работы на волостное правленіе и послѣднее удостовѣрило бы это обстоятельство, какъ и всякій другой работодатель.

Дѣло передано на уваженіе департамента для разрѣшенія слѣдующаго вопроса:

Можетъ ли судъ опредѣлять количество годового заработка крестьянина единственно на основаніи удостовѣренія волостнаго правленія, оспариваемаго противной стороною, или иначе, входить ли въ компетенцію волостныхъ правленій выдача подобныхъ удостовѣреній?

Кассационная жалоба оставлена Пр. Сенатомъ, за силою 793 ст. уст. гр. суд., безъ послѣдствій.

II.

По иску Трейдера къ упр. Закавказской ж. д. о вознагражденіи за вред, причиненный поврежденіемъ здоровья.

Тифлисскій окр. судъ, удовлетворивъ исковыя требованія, призналъ, что начальнымъ моментомъ давности для иска является увольненіе Трейдера отъ службы жел. дорогой, такъ какъ до этого увольнения онъ былъ обезпеченъ жалованьемъ и не имѣлъ повода къ иску.

Отвергнувъ этотъ взглядъ, судебная палата далѣе нашла, что, и независимо отъ этого, прошеніе подано было испомъ начальнику ремонта, а не въ управленіе или начальнику станціи, почему и не можетъ быть признано прошеніемъ, соответствующимъ правиламъ, указаннымъ въ 157 ст. общ. уст. рос. жел. дор. и прерывающимъ теченіе давности, а, признавая это, оказывается, что и со дня увольнения Трейдера годичный срокъ давности имъ пропущенъ.

По касс. жалобѣ истца дѣло перенесено въ департаментъ для разрѣшенія слѣдующихъ вопросовъ:

1) Палата признала, что производство истцу, послѣ причиненія ему увѣчья, жалованья за службу, „которая была прерываема временнымъ нахожденіемъ его въ больницу“, не можетъ быть почитаемо признаніемъ со стороны отвѣтчика обязанности вознаграждать истца за увѣчье.

Противорѣчитъ ли это заключеніе въ чемъ-либо разъясненію, изложенному въ касс. рѣшеніи 1893 г. № 30?

2) Если давность на предьявленіе иска не истекла до увольнения истца отъ службы, то была ли палата по 137 ст. уст. жел. дор. вправѣ ссылку истца на прерваніе имъ давности подачею начальнику ремонта пути и зданій прошенія объ исходатайствованіи ему, истцу, въ совѣтъ управленія дороги пособія за увѣчье, оставить безъ уваженія единственно на томъ основаніи, что прошеніе это подано было не въ управленіе дороги или начальнику станціи?

Пр. Сенатъ опредѣлялъ рѣшеніе отмѣнить, по нарушенію 122 ст. общ. уст. и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ другой департаментъ той же палаты.

III.

Примѣненіе правилъ общ. устава рос. ж. д. къ паровымъ предпріятіямъ.

По иску Россійск. общ. страхов. и трансп. вкладей къ Русскому общ. парох. и торг. о возвратѣ перебора

по отправкамъ истца Спб. столичный мировой съездъ, исходя изъ солидарной отвѣтственности всѣхъ участвующихъ въ перевозкѣ предпріятій, удовлетворилъ исковыя требованія, отвергнувъ указаніе отвѣтчика, общества парох., на то, что переборъ взысканъ за счетъ участвовавшихъ въ перевозкѣ прямого сообщенія желѣзныхъ дорогъ, а не пароводнаго общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мировой съездъ присудилъ проценты изъ расчета 12 годовыхъ и судебныя издержки.

Въ кассационной жалобѣ указывается на неправильное примѣненіе 72 и 99 ст. общ. уст. рос. ж. д., такъ какъ желѣзнодорог. уставъ непримѣнимъ къ пароводнымъ предпріятіямъ.

Дѣло передано на уваженіе департамента для разрѣшенія вопроса:

Распространяется ли сила ст. 99 и 72 общ. уст. рос. жел. дор. (т. XII ч. I изд. 1886 г.) на пароводныя общества, участвующія по соглашеніямъ ихъ съ желѣзными дорогами (ст. 10 того же устава) въ перевозкахъ прямого сообщенія?

Кассационная жалоба оставлена Пр. Сенатомъ безъ послѣдствій.

IV.

Предѣлы обязательности постановленій главнаго общества рос. ж. д. для правопреемницы его, казны.—

Совѣтъ управленія гл. общества рос. жел. дор. въ 1893 г. призналъ за Амонтовымъ право, „на полученіе за службу въ обществѣ, при упраздненіи занимаемой имъ должности, пособія по § 32 п. 3 положенія о сберегательно-вспомогательной кассѣ примѣнительно къ служащимъ, прослужившимъ до 1 августа 1884 г. 5 лѣтъ и болѣе“. Амонтовъ предьявилъ къ казнѣ, за упраздненіемъ его должности съ переходомъ въ казну, нескъ объ удовлетвореніи его означеннымъ пособіемъ.

С.-п.-б. судебная палата нашла, что разсматриваемое постановленіе совѣта должно быть признано законнымъ и имѣющимъ обязательную силу для главнаго общества и потому создало совершенно самостоятельное, внѣ отношенія къ положенію о сбер. впом. кассѣ служащихъ въ глав. общ. возникшее обязательство сего общества объ уплатѣ Амонтову просимой имъ денежной выдачи. Принимая же во вниманіе, что, какъ разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ указѣ по настоящему дѣлу, согласно Высоч. ут. 6 февраля 1894 года полож. соед. прис. ком. мин. и деп. гос. экономіи Гос. Совѣта объ окончательномъ расчетѣ съ гл. общ. рос. ж. д. по выкупу въ казну состоящихъ въ его эксплуатаціи желѣзнодорог. линій (соб. узак. и распор. Прав. 1894 г. № 23, ст. 163), съ переходомъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ казну переходятъ къ правительству все имущество, капиталы, права и обязательства общества, и въ числѣ ихъ и обязательства, вытекающія изъ положенія о сберегательно-вспомогательной кассѣ служащихъ, и правительству во всѣхъ отношеніяхъ заступаетъ общество,—судебная палата удовлетворила исковыя требованія.

Кассационная жалоба отвѣтчика возбудила вопросъ:

Обязательно ли для казны, какъ преемницы правъ и обязанностей б. главнаго общества Росс. жел. дор., приведенное постановленіе совѣта управленія сего общества?

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Спб. суд. палаты отмѣнить, по нарушенію упомянутаго Высоч. утв. положенія и передать дѣло на разсмотрѣніе въ другой департаментъ той же палаты.

V.

Взысканіе желѣзной дорогой платы за взвѣшиваніе грузовъ.

По иску Розенблата къ упр. каз. жел. дорогъ. Московскій столичный миров. съѣздъ нашель, что, въ силу прим. къ ст. 68 уст. ж. д., рѣшеній Пр. Сената 1885 г. № 95, 119 и друг., желѣзныя дороги имѣютъ право требовать плату лишь за дѣйствительно оказанную услугу, а такъ какъ отвѣтчикъ признаеть, что въ данномъ случаѣ взвѣшиванія не было, то мир. съѣздъ утвердилъ рѣшеніе мир. судьи, присудившаго искомый переборъ.

Кассационная жалоба отвѣтчика возбудила слѣдующій вопросъ:

Неучиненіе отправителемъ въ накладной надписи „взвѣшиванія не требую“ (примѣнительно къ ст. III п. а списка вышихъ размѣровъ дополнительныхъ сборовъ, опубликованнаго въ собраніи узак. и распор. правительства 1891 г. ст. 672), предоставляет ли жел. дорогѣ право на взысканіе сбора за взвѣшиваніе, когда по дѣлу установлено, что взвѣшиванія груза жел. дорогою произведено не было?

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: кассационную жалобу, за силою 186 ст. уст. гр. суд., оставить безъ послѣдствій.

VI.

Предъявленіе иска о возвратѣ перебора къ дорогѣ, участвовавшей въ перевозкѣ въ прямомъ сообщеніи груза, принятаго на станціи внѣ этого сообщенія.

Акц. общество „Заверце“ предъявило въ Варш. окр. судѣ искъ къ Варш.-Вѣнской ж. д. о возвратѣ 637 р. 22 коп. перебора и объ уплатѣ 1463 р. 25 к. вознагражденія за просрочку въ доставкѣ груза и за недостаю его съ % и судебными издержками, объясняя, что переборъ, просрочка въ доставленіи товара и недостаха обнаружены при выдачѣ транспорта хлопка, слѣдовавшаго изъ Кокана въ Заверце (ст. В.-Вѣнской ж. д.). По дѣлу установлено, что пароходное общество „Кавказъ и Меркурій“ чрезъ свое агентство въ Коканѣ заключило съ истцомъ договоръ о доставленіи его груза изъ Кокана въ Заверце и выдало накладную на весь путь Коканъ—Заверце. Варш. окр. судъ присудилъ исковыя требованія въ суммѣ 195 р. 95 коп. за недостаю груза, признавную отвѣчикомъ на судѣ, а въ остальной части иска отказаль.

Ап. жалоба истца, оставлена безъ послѣдствій Варш. суд. палатой на томъ основаніи, что отвѣт-

ственность дороги назначенія, какъ въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть признана, если грузъ принятъ въ предѣлахъ прямого желѣзно-дорожнаго или водянаго сообщенія; между тѣмъ въ данномъ случаѣ этого не было, ибо Коканъ, откуда шель грузъ истца въ прямомъ сообщеніи съ Варш.-Вѣнскою дорогою не состоитъ и потому требовать съ этой дороги возмѣщенія убытковъ на основаніи 99, или 10 и 113 ст. общ. уст. и конвенціи прямого Варшавско-Волжско-Каспійскаго товарнаго сообщенія, нельзя, ибо прямое сообщеніе, участвуютъ ли въ немъ однѣ желѣзныя дороги или и пароходныя общества, всегда ограничивается предѣлами отъ станціи отправленія до станціи назначенія и что акц. общество „Заверце“ принимая грузъ въ Коканѣ, очевидно, дѣйствовало не какъ пароходное общество, а какъ транспортная контора, съ которою желѣзныя дороги ни въ какихъ отношеніяхъ не состоятъ, и потому не было обязано руководствоваться ни конвенціею, заключенною имъ съ желѣзными дорогами, ни общимъ уставомъ и могло заключить съ апелляторомъ договоръ, на основаніи взаимнаго соглашенія.

Въ кассационной жалобѣ на это рѣшеніе указывается что ст. 7 общ. устава требуетъ лишь принятія по договору груза въ одномъ мѣстѣ и доставленія въ другое мѣсто и если это осуществилось заключеннымъ договоромъ, то за все послѣдствія таковаго предѣла уже отвѣтственны все тѣ лица, какія указаны въ 69 и 128 ст. общаго устава и что, въ силу 10 ст. общ. устава, желѣзныя дороги вправѣ входятъ въ соглашеніе о прямомъ сообщеніи не только съ пароходными обществами для водяныхъ сообщеній, но и съ транспортными обществами для всякихъ вообще другихъ перевозочныхъ сообщеній.

Настоящее дѣло передано въ департаментъ для разрѣшенія слѣдующаго вопроса:

Пароходное общество „Кавказъ и Меркурій“, участвующее въ прямомъ Варшавско-Волжско-Каспійскомъ черезъ Царицынъ сообщеніи, существующемъ на основаніи 10 ст. уст. жел. дор., заключило съ отправителемъ договоръ перевозки его груза на станцію Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги изъ Кокана, находящагося внѣ предѣловъ означеннаго сообщенія. Грузъ дошелъ до Варшавско-Вѣнской жел. дороги, которая доставила его на станцію назначенія и выдала получателю, со взысканіемъ съ него платы за весь путь.

Спрашивается: вправѣ ли былъ получатель искъ о возвращеніи излишне потребованныхъ съ него денегъ предъявить къ Варшавско-Вѣнской жел. дорогѣ, или ему слѣдовало обратиться къ обществу пароходства „Кавказъ и Меркурій“.

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе отмѣнить по нарушенію 7 и 10 ст. общ. уст. рос. ж. д. и дѣло передать въ другой департаментъ той же палаты.

VII.

По дѣлу объ утвержденіи купчей крѣпости на отчужденіе по добровольному соглашенію съ обществомъ крестьянъ участка надѣльной земли подъ постройку Льгово-Брянской жел. дороги Пр. Сенатъ призналъ, что разъясненіе Пр. Сената по общ. собр. 1, 2 и касс. департаментовъ, изложенное въ

опредѣленіи его, состоявшемся 21 декабря 1895 года по вопросу о примѣненіи закона 14 декабря 1893 г. (т. е. объ утвержденіи общественнаго приговора губ. присутствіемъ) къ случаямъ понудительнаго отчужденія участковъ крестьянской надѣльной земли на государственныя или общественныя надобности не распространяется на случаи продажи участка такой же земли обществомъ крестьянъ, коему она дана въ надѣль, по добровольному соглашенію, относительно размѣра вознагражденія, съ приобретающимъ ту землю обществомъ желѣзной дороги, имѣющимъ право, по своему Высочайше утвержденному уставу, на занятіе земельныхъ участковъ для своей надобности и посредствомъ экспроприаціи.

VIII.

По дѣлу Шварца съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ Пр. Сенатъ призналъ, что при примѣненіи временныхъ правилъ перевозки въ прямомъ сообщеніи нефтяныхъ грузовъ въ вагонахъ-цистернахъ слѣдуетъ на каждые сдачу и приемъ такихъ грузовъ сдающими и принимающими дорогами исчислять по 6 часовъ на оба эти дѣйствія, а не на каждое отдѣльно.

IX.

По дѣлу Гора съ обществомъ Риги-Двинской желѣзной дороги Пр. сенатъ призналъ, что данное департаментомъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ, по приказанію министра финансовъ, разъясненіе постановленія совѣта по тарифнымъ дѣламъ, измѣняющее содержаніе такого постановленія, не можетъ имѣть обязательную силу при разрѣшеніи дѣла гражданскимъ судомъ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Засѣданіе съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 9 по 12 декабря 1899 г. по дѣлу объ убійствѣ крестьянина Петра Коновалова.

Пренія сторонъ.

Рѣчь тов. прокур. А. А. Горемыкина:

Гг. присяжные засѣдатели! Два съ половиною дня вниманіе ваше было поглощено разсмотрѣніемъ семейной драмы Коноваловыхъ,—драмы, имѣвшей столь трагическую развязку. Исторія семейныхъ раздоровъ Коноваловыхъ имѣетъ черту, свойственную недоразумѣніямъ, происходящимъ въ замкнутой сферѣ семьи, а именно: въ нихъ трудно разбраться, трудно овести каждому изъ участниковъ подобающую роль—станешь спрашивать родныхъ и друзей мужа—услышишь брань по адресу мужа, а его родня и пріятели всю вину припишутъ безнравственности жены. Въ виду такого положенія всѣ выводы приходится основывать только на установленныхъ, непререкаемыхъ фактахъ, на характери-

стикъ, необходимо вытекающей изъ выяснившихся данныхъ біографіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и на тѣхъ чертахъ нравственнаго ихъ облика, которые выдержали критику перекрестнаго допроса.

Анна Коновалова, привезенная въ дѣтствѣ изъ деревни, была отдана въ пріютъ, курсъ котораго она окончила къ 15-лѣтнему возрасту и приобрѣла для своего положенія весьма достаточныя познанія, ставшія ее выше уровня той сферы, въ которой она родилась; затѣмъ она поступила въ абажурную мастерскую; здѣсь она впервые знакомится съ жизнью, вѣдь ей, какъ и другимъ дѣвочкамъ неоднократно приходилось слышать и видѣть разностороннія явленія будничной столичной жизни, которыя не могли не оставить слѣда на впечатлительной душѣ подростоющей женщины. При какихъ условіяхъ Коновалова оставила мастерскую, мы не знаемъ, но видимъ ее затѣмъ уже въ должности горничной въ домѣ „генеральши“. Это была вторая стадія знакомства ея съ жизнью—тутъ Коновалова видѣла и людей и обстановку, а главное манеру обращенія и взаимныя отношенія высшихъ для нея сферъ; все это должно было повліять на нее въ смыслѣ развитія наклонности къ комфорту, котораго при нормальномъ теченіи ея жизни она никогда бы не достигла. Несмотря на удобное, повидимому, положеніе, Коновалова покидаетъ это мѣсто и возвращается къ своей матери и ея второму мужу. У насъ мало данныхъ судить объ условіяхъ жизни Коноваловой въ этотъ періодъ, но если вѣрить ея объясненію, то положеніе ея было—въ виду попрековъ со стороны матери и пьянства отца—столь незавидно, что выходъ изъ него она видѣла въ бракѣ съ Петромъ Коноваловымъ, котораго почти не знала. Что же изъ себя представлялъ Коноваловъ? Это человѣкъ, не получившій ни образованія, ни воспитанія—простой, неграмотный, такъ сказать, неотесанный мужикъ, занимающійся кузнечнымъ ремесломъ и получающій за это около 30 р. въ мѣсяцъ; со стороны матеріальной онъ могъ доставить женѣ уголь, оплачиваемый тремя рублями и 10 рублей „на харчи“; со стороны нравственной—и того меньше: вѣдь Коновалова была значительно выше его и по образованію, и по привычкамъ. Я вѣрю, что Петръ Коноваловъ могъ серьезно увлечься своей женою—при ея молодости и красивой внѣшности, она обладала высшей, сравнительно съ нимъ, культурой, что на простаго человѣка производитъ неотразимое впечатлѣніе.

15 мая 1894 года совершился бракъ, соединившій эти двѣ столь разнородныя натуры; въ разности ихъ привычекъ, наклонностей и въ особенности вкусовъ кроется тотъ зародышъ взаимнаго озлобленія, который роковымъ образомъ привелъ ихъ къ развязкѣ, составляющей предметъ настоящаго дѣла. Аннѣ Коноваловой было 16 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ, когда она вышла замужъ и, попробовавши удовольствія жить въ благоустроенной генеральской квартирѣ, она переселяется на житье „въ уголь“ на Пески съ мало знакомымъ мужемъ. Здѣсь, передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, Коновалова изобразила въ мрачныхъ краскахъ первые моменты своей брачной жизни, испытанныя ею страданія отъ грубыхъ ласкъ мужа; конечно, это настоль интимныя страницы семейной жизни, что провѣрить ихъ достовѣрность невозможно, но думается мнѣ, что эпизоды первыхъ дней этого супружества являлись только первыми звеньями той дѣли событий, которая привлекла Коновалову къ скамьѣ подсудимыхъ. Супружескія несогласія не замедлили обнаружиться—и получился дѣльный рядъ ссоръ, размолвокъ и временныхъ разъѣздовъ; обѣ стороны чувствовали всю несовмѣстимость своихъ привычекъ и возрѣвій, но, не имѣя достаточныхъ умственныхъ силъ додуматься до корня вещей, старались только свалить вину другъ на друга: онъ говоритъ, что жена требуетъ много денегъ и „вѣтрен-

наго" поведения, она—что мужъ пьяница и грубо съ ней обращается. Словомъ, постепенно выясняется, что совмѣстная жизнь невозможна, но не хватаетъ духа разомъ покончить, т. е. навсегда разойтись. Петръ Коноваловъ даетъ одлѣльный видъ, но лишь на короткіе сроки, а Коновалова, поживши у матери, опять должна возвращаться къ „постылому“ мужу. Взаимное раздраженіе постепенно нарастаетъ, злоба накипью обволакиваетъ сердце.

Остановимся на одной сторонѣ нравственнаго облика Коноваловой, а именно, зададимся разрѣшеніемъ вопроса, могли ли у нея выработаться нравственные устои? Я думаю, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, откуда имъ было ваяться? Родная мать, Анна Киселева, такого благотворнаго источника огнюдь изъ себя представить не могла, ученіе въ пріютѣ и занятія въ мастерской равнымъ образомъ не могли дать нужнаго матеріала—пріютъ потому, что отвлеченные вопросы морали не входятъ въ его программу, а мастерская потому, что тамъ дѣвочки обучали только ремеслу, ну а о супружеской жизни и говорить нечего—она сложилась такъ, что послѣдніе черточки морали должны были исчезнуть. Разставшись съ мужемъ весной 1896 года, Коновалова встрѣтила „кого-то“, который нашель, что у нея хорошій голосъ—практическимъ результатомъ этого замѣчана было поступленіе Коноваловой въ хористки въ ресторанъ на Крестовскомъ островѣ. Всѣмъ извѣстно, господа присяжные засѣдатели, въ чемъ заключаются занятія въ такихъ хорахъ, довольно будетъ повторить слова одного изъ свидѣтелей, что хористки обязаны „распаивать“ гостей... это такое учрежденіе, въ которомъ нѣтъ мѣста порядочнымъ дѣвушкамъ или женщинамъ. При отсутствіи у Коноваловой нравственныхъ устоевъ она быстро освоилась въ новой обстановкѣ рестораннаго разгула, и вотъ ей представились двѣ дороги—на одной, постоянное бездѣлье, роскошная обстановка, зеркала и бронза, дорогое вино и любезныя ухаживанія интеллигентныхъ людей, на другой—уголъ на Пескахъ, жизнь впроголодь, требующая постоянного труда, и грубый нерѣдко пьяный мужъ, требующій супружескихъ ласкъ безъ любви съ ея стороны и при большомъ запасѣ уже давно существовавшего озлобленія. При этой обстановкѣ и болѣе нравственная личность не устояла бы прогивъ соблазна. Мы знаемъ, которую изъ двухъ дорогъ избрала Коновалова; она стала эксплуатировать свою молодость и красоту, получая за это квартиру съ обстановкой и 100 рублей въ мѣсяцъ отъ одного комерсанта. Но такимъ способомъ дѣйствій она не отдѣлалась окончательно отъ мужа, который всегда могъ ей угрожать невыдачею одлѣльнаго вида, всегда на законномъ основаніи могъ потребовать назадъ къ себѣ, на Пески, въ уголь и даже если бы вопросъ о паспортѣ былъ разрѣшенъ въ желательномъ для Коноваловой смыслѣ, то вѣдь мужъ всегда могъ явиться къ ней на квартиру, произвести скандалъ, возбудить преслѣдованіе за супружескую измѣну и т. д. Словомъ, для Коноваловой ея мужъ представлялся темнымъ пятномъ, которое безобразило свѣтлую, праздничную по ея мнѣнію, обстановку, созданную ею согласно собственнымъ вкусамъ; это пятно, эту преграду свободной, веселой жизни нужно устранить разъ навсегда, уничтожить, чтобы быть свободной—нужно стать вдовой! Разсмотримъ, при какихъ условіяхъ было это желаніе удовлетворено.

Во время чтенія обвинительнаго акта и при началѣ судебного слѣдствія личность подсудимой Екатерины Павловой не выказывалась особенно ярко, но затѣмъ, при подробномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, фигура ея выросла чрезвычайно—она заняла въ процессѣ выдающуюся роль и, анализируя факты, мы должны признать то громадное влияние, которое Павлова возымѣла на Коновалову. Сравните ихъ обѣихъ: въ моментъ совершенія пре-

ступленія Коноваловой было около 18 лѣтъ и въ жизни она была гораздо менѣе опытна, нежели Павлова, которая за 28 лѣтъ своего существованія весьма успѣла ознакомиться съ отрицательными сторонами человѣческой нравственности; Павлова не дебуантка въ сферѣ разгульной жизни и поняла, что съ молодостью ея уйдутъ всѣ средства къ жизни и что постепенно отъ нея отвернутся мужчины, доставлявшіе матеріальныя блага, а стало быть необходимо подумать о будущемъ, которое рисуется въ мрачномъ свѣтѣ нищенства. Средства подъ рукой, нужно ими только умѣючи воспользоваться—Коновалова и теперь легко поддается увѣщаніямъ, признавая авторитетъ ея опытности, а если ее вызвать преступленіемъ, то спокойно можно имѣть вѣрный и хорошій доходъ, пока у Коноваловой будутъ любовники. Павлова явилась, такимъ образомъ, въ роли антрепренера, извлекающаго всевозможное изъ своей добычи.

Въ той же квартирѣ, гдѣ совершилось убійство, проживалъ еще родственникъ Павловой—Дмитрій Телѣгинъ, пріѣхавшій изъ деревни по приглашенію Анны Киселевой, якобы для полученія хорошаго мѣста; мнѣ, однако, кажется, что это приглашеніе послужило только предлогомъ для вызова Телѣгина въ Петербургъ, а на самомъ дѣлѣ въ домѣ нуженъ былъ мужчина, какъ физическая сила для удаленія въ случаѣ надобности неудобныхъ лицъ и въ числѣ ихъ—Петра Коновалова, который по временамъ являлся къ женѣ и не всегда въ трезвомъ видѣ, а такія явленія могли значительно повредить Коноваловой, принимавшей у себя многихъ приличныхъ господъ; въ моментъ же возникновенія мысли о преступленіи въ лицѣ Телѣгина являлся надежный, рѣшительный и сильный сообщникъ. Наконецъ, въ той же квартирѣ проживала мать Коноваловой—Анна Киселева, которая на матеріальномъ благополучіи дочери основывала и свое существованіе; передъ посѣтителями Киселева, какъ вы знаете, являлась въ роли прислуги „Аннушки“. Такимъ образомъ, въ квартирѣ въ Усачевомъ переулкѣ воплотилась обыкновенная обстановка дамы, живущей на чужія деньги: наперсница, охранитель спокойствія и мамаша, она же прислуга; при этомъ ясно, что всѣ эти лица жили исключительно на средства Коноваловой. Покой этихъ лицъ смущался по временамъ визитами Петра Коновалова, который, однако, весьма умѣренно пользовался своими правами: у насъ нѣтъ данныхъ упрекнуть его въ желаніи шантажировать свою жену, въ желаніи во что бы то ни стало вернуть ее къ себѣ, приходится даже удивляться его терпѣнію: припомните, какъ товарищи его описывали поѣздки Коноваловой въ коляскѣ мимо мастерской,—какъ онъ, чувствуя на себѣ насмѣшливые взоры прочихъ рабочихъ, долженъ вмѣстѣ съ ними глядѣть на то, что его „законная“ жена, одѣтая богато, въ экипажѣ съ чужимъ кавалеромъ, торжествуя, катитъ мимо того мѣста, въ которомъ онъ, работая ежедневно съ 7 часовъ утра до 8 часовъ вечера, а нерѣдко и позже, тяжелымъ трудомъ долженъ былъ зарабатывать свой насущный хлѣбъ, жалкій, но честный заработокъ! Да, гг. присяжные засѣдатели, другой человѣкъ не выдержалъ бы тяжести этой картины и съ молоткомъ бросился бы на свою жену, которая не только забыла, но съ наглою насмѣшкой отнеслась къ соединившему ихъ браку! Только неугасшей еще въ его сердцѣ любовью можно объяснить эту выдержку; мудрено ли, что при такомъ душевномъ разладѣ Коноваловъ топилъ свое горе въ водкѣ!

При описанной обстановкѣ въ Усачевомъ переулкѣ возникаетъ, а затѣмъ все настойчивѣе возвращается мысль о необходимости устранить съ жизненнаго пути Анны Коноваловой постылаго ея мужа. Сначала является планъ опить его водкой, но Коновалова говоритъ, что это не подходящее средство, что отъ водки „онъ только добрѣетъ“. Тогда Пав-

лова яснѣ высказывается... и вотъ мы приближаемся къ роковому для Петра Коновалова дню, когда онъ пришелъ къ женѣ съ добрыми намѣреніями; вы помните, что онъ говорилъ сожителѣмъ своимъ, что идетъ къ женѣ, чтобы дать ей отдѣльный видъ на жительство и только собирался „погулять на ея счетъ“. Онъ пришелъ и хотя его порядочно угостили водкой, но онъ не оставилъ своего намѣренія, онъ съ женой и дворникомъ отправляется въ участокъ, но оттуда его изгоняютъ, видя негрезвое его состояніе. Вновь онъ въ кухнѣ, вновь его, но на этотъ разъ усиленно, угощаютъ водкой, и наконецъ, напившись что называется „вдребезги“, Коноваловъ засыпаетъ на стулѣ. Тогда Анна Коновалова производитъ изслѣдованіе его состоянія—она поднимаетъ его руку, но рука падаетъ, какъ у мертваго, и тогда Коновалова, Павлова и Телѣгинъ несутъ его въ спальню и кладутъ на коверъ. Очевидно, эти пріемы доказываютъ, что планъ дальнѣйшихъ дѣйствій уже былъ готовъ; еще ярче доказывается это эпизодомъ съ молитвой—когда соучастники осмѣлились обратиться къ Господу съ мольбой объ успѣшномъ выполненіи своего злодѣянія.

Оставляя пока въ сторонѣ объясненія Коноваловой, я попробую изобразить картину убійства въ томъ видѣ, какъ она является въ объясненіяхъ другихъ соучастниковъ—возьму одинъ моментъ изъ разсказа Коноваловой—во время совершенія убійства она стояла лишь у дверей и къ мужу не притрогивалась; Павлова, по ея словамъ, вошла въ спальню только лишь, чтобы подать Коноваловой, вынутую по ея приказанію тесьму изъ корсета, а позже—чтобы подать ей стаканъ воды; изъ объясненій Телѣгина видно, что онъ мирно спалъ и только утромъ сходилъ за извозчиками, чтобы отвезти сундукъ на вокзалъ; наконецъ, по словамъ Анны Киселевой, она ушла изъ дому послѣ возвращенія Коновалова изъ участка и вернулась уже подъ утро, т. е. когда преступленіе уже давно было окончено. Такимъ образомъ, нужно признать, что никто изъ подсудимыхъ убійства не совершалъ! Но даже Павлова почувствовала всю несостоятельность такого изложенія и потому въ ея разсказѣ появляется новое, никому невѣдомое лицо: „господинъ въ черной одеждѣ, брюнетъ“. Я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что мнѣ неужно останавливаться на разъясненіи того, что этотъ господинъ есть мифъ. Разсказъ Анны Коноваловой справедливъ, ибо въ немъ она не шадитъ себя и повторяетъ она его, только съ разными подробностями, съ момента ареста и до настоящаго времени—вы помните ея объясненія на засѣданіи суда и показаніе свидѣтеля Лукашука, который, какъ опытный человѣкъ, компетентно могъ оцѣнить правильность этого изложенія и точно намъ его здѣсь повторить. Когда нѣсколькими лицами совершается преступленіе заранее задуманное, то необходимо сговориться въ способѣ дѣйствій, иначе весь планъ, иногда хитро задуманный, можетъ разрушиться; но какую бы каждый въ отдѣльности не играли роль—важную или второстепенную—онъ является отвѣственнымъ за то преступленіе, которое совершилось; представимъ себѣ, что нѣсколько лицъ задумали совершить кражу—одинъ стоитъ у забора и стережетъ, чтобы какой-нибудь посторонній не помѣшалъ, второй оставленъ для той же цѣли въ саду, третій держитъ лѣстницу, пятый ломаетъ окно и шестой только совершаетъ самое похищеніе—и все эти лица одинаково виновны, ибо цѣль ихъ дѣйствій одна. Такъ же и въ данномъ случаѣ: хотя Коновалова и не притрогивалась къ мужу, чтобы его убить, но стерегла дверь въ то время, когда Павлова и Телѣгинъ его душили тесьмой—виновность ихъ одинакова. Кстати объ этой тесьмѣ: во время судебного слѣдствія защита весьма старательно разспрашивала господъ экспертовъ—нужно ли было много или мало силы, нужна ли была мужская или женская

рука, чтобы задушить человѣка шелковой тесьмой отъ корсета? Вы, господа, конечно знаете, что одно изъ свойствъ шелковой корсетной тесьмы—есть ея скользкость, она свободно передвигается черезъ узкія отверстія корсета, она же крѣпка и эластична, т. е. сочетаетъ въ себѣ все условія, при которыхъ самаго незначительнаго усилія достаточно, чтобы задушить человѣка, на шеѣ котораго находится петля изъ этой тесьмы; да къ тому же указанные вопросы теряютъ всякое значеніе при вышеуказанныхъ условіяхъ предварительнаго соглашенія.

Я считаю справедливымъ видоизмѣнить формулу обвиненія по отношенію къ Аннѣ Киселевой и обвиняю ее только въ попустительствѣ; поступаю я такъ потому, что, какъ она говоритъ,—ея уходъ изъ дому предшествовалъ переносу Коновалова въ спальню, а возвратилась она домой послѣ окончанія убійства; это объясненіе подтверждаетъ и Анна Коновалова, прочіе же обвиняемые ничего не говорятъ о ея присутствіи при убійствѣ; такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что Киселева вышла тогда, когда Коноваловъ, пьяный, сидѣлъ въ кухнѣ; Киселева въ это время знала уже о готовящемся преступленіи и имѣла полную возможность безопасно для себя и для другихъ предупредить, устранить совершеніе преступленія—ей стоило только попросить дворника о выводѣ изъ квартиры пьянаго Коновалова. Киселева вернулась домой только во время приготовленій къ удаленію трупа Коновалова изъ квартиры. Обязанность увоза и дальнѣйшаго сокрытія тѣла взяла на себя Павлова, которая напрасно здѣсь утверждаетъ, что, находясь въ послѣ-родовомъ періодѣ, машинально повиновалась приказанію Коноваловой и мифическаго чернаго господина; нельзя вѣрить этому угнетенному состоянію ея воли уже потому, что по прибытіи на станцію „Старую Руссу“ Павлова отправилась не просто въ деревню къ своему отцу Павлу Анисимову, а сдѣлала то, что на охотничьемъ діалектѣ называется петлей, т. е. желаніе скрыть свой слѣдъ: Павлова наняла извозчика въ село Жилой-Чернецъ, но, не доѣхавъ туда, остановилась въ деревнѣ Вороновѣ и отпустила извозчика; кромѣ того, Павлова была, по видимому, въ веселомъ настроеніи, и на вопросъ о содержимомъ сундука отвѣчала, что тамъ „интереснѣе черти“—такъ не дѣйствуютъ, не острятъ люди, подавленные чужой волей, изъ страха только выполняющіе эту волю.

Про переговоры Екатерины Павловой съ ея отцомъ мы знаемъ только изъ ея объясненій, но имъ трудно повѣрить, какъ и другимъ ея разсказамъ: не страхомъ какого-то возмездія со стороны незнакомыхъ ему людей и не крайностью собственной опасности могла на отца повліять Павлова, а сообщеніемъ, что ей выгодно близость съ Коноваловой и что часть этой выгоды получить и онъ Павелъ Анисимовъ. Нельзя конечно обвинять, и законъ не обвиняетъ человѣка, скрывающаго своего сына или дочь отъ законной кары въ то время, когда эта кара преслѣдуетъ его по нитамъ; но вѣдь не таково было положеніе вещей въ глухой отдаленной деревнѣ Старорусскаго уѣзда, вѣдь Анисимовъ могъ спокойно сказать дочери: „увози трупъ, куда хочешь, а я въ это дѣло вмѣшиваться не желаю“ и была же возможность Павловой скрыть трупъ безъ помощи отца.

Трупъ выкинуть, дѣятельность Павловой въ деревнѣ кончена, она слѣдуетъ извѣстить Коновалову о томъ, что все благополучно, и вскорѣ сама возвращается въ Петербургъ.

Спустя нѣкоторое время Коновалова и Павлова опять вѣдутъ въ Старую-Руссу, и тутъ Павлова, какъ знающая мѣстныхъ людей и нравы, является руководительницей Коноваловой, но не только руководительницей, а и антрепренеромъ, берущимъ львиную долю заработка; вы конечно помните, какой былъ въ Руссѣ образъ жизни Коноваловой, онъ въ достаточ-

ной мѣрѣ очерченъ свидѣтелями. Въ позднѣйшее время мы видимъ яркія иллюстраціи вымогательства Коноваловой со стороны Павловой и ея родныхъ, а также и Телѣгина—припомните его письмо, черновикъ котораго былъ найденъ у него при обыскѣ, вѣдь помѣщенный въ немъ намекъ на необходимость „почестъ Николинъ день“ ясно обрисовываетъ его шантажный характеръ. А вѣдь было что брать: деньги получались Коноваловой большія; для примѣра возьмемъ цифры изъ ея сберегательной книжки—съ декабря 1897 г. и до апрѣля 1898 г. ею было вложено 2,046 р., но это только случайный слѣдъ ея доходовъ, и женщина, которая откладываетъ въ мѣсяцъ 600 р., навѣрно имѣетъ значительно большіе доходы.

Итакъ, виновность подсудимыхъ ярко обрисована данными дѣла, но самое убійство имѣетъ значеніе не только для оставшихся родныхъ несчастнаго Коновалова, нѣтъ оно имѣетъ важное значеніе въ общественномъ смыслѣ: Коноваловъ былъ человекъ, занимавшійся честнымъ трудомъ, онъ вносилъ хотя и микроскопическую долю въ сокровищницу человѣческаго производства, но онъ ее внесъ—на него же напали, его истребили люди, исключительно живяще насчетъ другихъ, проводя время разгульно и внося въ общество тлетворное начало—вредные трутни убили полезную пчелу! Яркой нитью проходить черезъ весь этотъ процессъ проявленіе грубаго эгоизма, не сдерживаемаго нравственными началами, и если подсудимые выйдутъ изъ дѣла оправданными, если ихъ побужденія станутъ гордо подымать голову, то наступитъ ужасное положеніе общества, называемое „война всѣхъ противъ всѣхъ“. Они отняли у Петра Коновалова жизнь, и пусть ихъ постигнетъ справедливая кара, которая остановитъ ихъ на преступномъ пути воли, управляемой только себялюбіемъ.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго В. А. де-Плансона.

Господа присяжные засѣдатели! Ужасныя сцены тяжелой семейной жизни Анны Коноваловой прошли передъ вами. Эта жизнь началась драмой, а закончилась трагедіей, сказалъ вамъ обвинитель, и это вѣрно. Но въ этомъ постепенномъ развитіи житейской драмы въ трагедію, въ этомъ роковомъ для Коноваловой стеченіи событій, которыя, окруживъ ее неразрывною цѣпью, вели къ преступленію, какъ жертву на закланіе,—весь ужасъ ея положенія, весь смыслъ этого дѣла...

Но есть другая жертва—Петръ Коноваловъ. Когда человекъ умеръ, когда нѣтъ надежды вернуть его къ жизни, намъ становится жаль его, кто бы онъ ни былъ, и все дурное въ немъ, все забывается передъ охватывающимъ насъ безотчетнымъ страхомъ смерти. Но развѣ смерть такъ страшна? Развѣ жизнь въ позорѣ и угнетеніи краше смерти? Развѣ люди сами, когда ихъ удручаютъ страданія, не ищутъ смерти, какъ желаннаго конца тяжелой жизни! И тогда для нихъ, какъ и для людей вѣрующихъ, смерть является не смертью, а вѣчнымъ покоемъ...

Вы слышали, бѣдная Анна Коновалова, какъ многие другіе, въ оравѣ искала себѣ упокоенія. Судьба опредѣлила иначе: она теперь передъ вашимъ судомъ. Она ждетъ вашего приговора.

Но какимъ судомъ вы будете судить ее? Есть судъ формальный, черствый, по уликамъ, не согрѣтый любовью къ ближнему. Есть судъ другой, когда человекъ, призванный судить человека, старается отрѣшиться отъ своей физической природы, открыть душу свою для познанія чужой души и отвлеченіемъ духа къ духу, проникновеніемъ въ тайники души человѣческой, стремится уразумѣть ее. Только такой судъ ведетъ къ познанію истины. Только этотъ судъ приближается къ тому суду, котораго мы все ждемъ надъ собой.

Но кромѣ чистоты души и любви къ ближнему,

есть другія условія, безъ которыхъ праведнаго суда творить нельзя. Нужно: знаніе обстоятельствъ дѣла, знаніе жизни и знаніе человѣческой природы. Обстоятельства дѣла вы знаете, они прошли передъ вами. Знаніе жизни вы вносите, какъ избранники общественыя. Но понятна ли намъ всегда природа человѣческая? Чтобы познать ее, мы наблюдаемъ надъ собой, мы наблюдаемъ надъ другими. И когда мы судимъ мужчину, мы примѣняемъ все наше знаніе, приобретенное этими обоими способами наблюденія, но когда мы судимъ женщину, какъ трудно намъ по наблюденіямъ съ одной стороны надъ собой, а съ другой—надъ привычками, надъ чувствами, надъ мыслями женщинъ—уразумѣть природу женщины и объять духовный міръ ея. Какъ часто въ жизни поражаютъ насъ непонятныя для насъ поступки и рѣчи даже близкихъ намъ женщинъ; какъ часто, въ безсильномъ исканіи разгадки этихъ дѣйствій и разсужденій женщинъ въ нашей повседневной жизни, мы успокаиваемъ себя отвѣтомъ безъ отвѣта: это женская логика, это женскій умъ, женскія причуды. Но когда такая женщина является на судъ вашъ, когда вы видите въ добромъ и кроткомъ существѣ порывы и помыслы дикой, преступной природы, съ какою осторожностью, съ какою вдумчивостью должны вы проникать въ изученіе ея души, ея сознанія, ея воли, съ какимъ трепетомъ должны вы произнести надъ ней свой роковой приговоръ.

И какъ странно! въ дѣлахъ о военныхъ спрашиваютъ мнѣнія военныхъ, въ дѣлахъ о духовныхъ лицахъ требуется заключеніе духовныхъ лицъ, но когда судятъ женщину, когда воля и сознаніе ея не ясны и непонятны намъ, мы не спрашиваемъ заключенія женщинъ.

Но задача поставлена на ваше разрѣшеніе; ее нужно рѣшить.

Господа, въ природѣ все подчиняется неизмѣннымъ законамъ логики, все связано закономъ причины и слѣдствія.

Но есть ли логика въ дѣйствіяхъ людей? Существуютъ ли законы, руководящіе людьми, какъ они руководятъ всемъ на землѣ? Брошенный камень падаетъ внизъ, растительность засыхаетъ безъ влаги, огонь безъ горячаго вещества угасаетъ. Если лампада погасла, вы спрашиваете, есть ли въ ней масло. Если растение вянетъ, вы смотрите, достаточно ли свѣта и влаги. И когда человекъ совершаетъ преступленіе, не должны ли мы спросить, есть ли мотивъ, есть ли причина?

Обратимся къ жизни Коноваловой.

Семи лѣтъ привозитъ ее мать въ Петербургъ. Мирно проходятъ дни ея дѣтства и юности. Мы знаемъ ее, по показаніямъ свидѣтелей, дѣвочкой доброй, ласковой и нѣжной. Ее опредѣляютъ въ пріютъ; оттуда отдаютъ ее въ абажурную мастерскую. Передъ нами все та же тихая и добрая Анна. Она получаетъ извѣстное воспитаніе и образованіе, ей привиты привычки къ извѣстнымъ условіямъ жизни. Но вотъ ей 16 лѣтъ; она живетъ при матери. Вдругъ происходитъ въ ея жизни переломъ. Родители ея сговариваются съ матерью Петра Коновалова, которая стремится пристроить своего безпутнаго сына, и въ двѣ недѣли устраиваютъ свадьбу. „Петръ не хотѣлъ жениться, онъ чуть не сбѣжалъ отъ вѣнца“, рассказываетъ намъ его мать. Анна умоляетъ свою мать и отчима не губить ее, не выдавать ее за нелюбимаго и неизвѣстнаго ей человека. Ничего не помогаетъ. Отчимъ Анны видитъ въ ней обузу, мать Петра думала женитьбой ослепить сына и отвлечь его отъ пьяной жизни и этими эгоистическими соображеніями поправляются безжалостно: свобода, чувства, честь этого 16-ти лѣтняго ребенка и его связываютъ узами брака съ этимъ пьянымъ мастерскимъ навсѣгда. Надъ ними совершается таинство брака. Но неужели это былъ бракъ? Неужели это было таинство!

Когда два любящихъ сердца ищутъ въ бракѣ

духовнаго союза любви и преданности, церковь благословляет их,—это таинство. Когда мы видимъ людей, безъ пламенной любви, но съ уваженіемъ подающихъ другъ другу руку для совмѣстной жизни и работы, мы говоримъ: это союзъ духовный, это—таинство. Но когда два человѣка насильно, безъ любви, безъ привязанности, безъ уваженія соединяются въ бракъ и надъ ними призывается благословеніе Божіе—это кощунство, это преступленіе. И однако суровый законъ призываетъ ее теперь къ отвѣтственности за нарушение этого союза, какъ будто бы она его хотѣла, какъ будто виновата она въ немъ. И что же вышло изъ этого союза? Мужъ пьетъ, буянитъ, жена спасается къ роднымъ, возвращается, опять бѣжитъ и, наконецъ, послѣ 3—4 мѣсяцевъ безсильной борьбы съ гнетомъ такой жизни, уходитъ къ матери и остается тамъ. Начинается честная, но ужасная, трудовая жизнь. Анна занимается шитьемъ, мать ходитъ на работу; но онѣ находятся подъ постояннымъ страхомъ права мужа потребовать къ себѣ жену, какъ вещь, а мирная жизнь ихъ нарушается посѣщеніями пьянаго мужа съ дикими проявленіями грубаго произвола. Мать прячетъ дочь въ чуланы, въ сарай. Вы слышали ея рассказъ. Такъ тянутся два года.

Но вотъ наступаетъ, наконецъ, счастливый для Анны Коноваловой день: мужъ выдаетъ ей 23 мая 1896 года отдѣльный видъ на жительство. Какъ легко, какъ спокойно должно было сдѣлаться на душѣ у несчастной Коноваловой послѣ двухъ лѣтъ страдальческой супружеской жизни ея!

И что-же мы видимъ? Доброта и сердечность, которые мы видѣли у нея въ дѣтствѣ, вновь проявляются въ ней.

Когда этотъ ненавистный ей прежде человѣкъ является теперь къ нимъ, въ ней нѣтъ больше злобы, нѣтъ мести; она принимаетъ его, угощаетъ, даритъ бѣлье и одежду. Она свободна, ей мужъ не мѣшаетъ. Она устраняетъ жизнь свою какъ хочетъ, какъ можетъ. Но вотъ появляется въ ея жизни новая личность—Екатерина Павлова, и скоро становится ея наперсницей, ея подругой.

Не замѣчали-ль вы, господа, что женщина, потому ли, что она чувствуетъ свою слабость и неподготовленность къ жизненной борьбѣ, потому ли, что она жаждетъ привязанности, старается привязаться къ кому-нибудь въ жизни? Иногда она привязывается къ матери, сестрѣ или брату, рѣдко къ мужу, и то, если бракъ по любви, часто къ дѣтямъ, но всего чаще къ подругѣ. И чѣмъ противоположнѣе характеры, чѣмъ рѣзче различіе, тѣмъ эта привязанность къ подругѣ сильнѣе, тѣмъ продолжительнѣе. Но всегда она захватываетъ слабый характеръ полно, сильно, безотчетно и подчиняетъ его себѣ. И мы видимъ, что мягкій и добрый характеръ Анны Коноваловой быстро подчиняется энергичной и зрѣлой годами и опытомъ Екатерины Павловой, и эта женщина, чьими мыслями Анна стала думать, чьими дѣйствіями стала руководиться, становится второю волею, второю душой ея.

Но кто такая Екатерина? Она сама намъ о томъ повѣдала: ей въ это время подѣ тридцать лѣтъ. Она нѣсколько лѣтъ жила въ Старой Руссѣ съ какимъ-то господиномъ. Скопила немного денегъ и построила на нихъ въ деревнѣ домикъ. Но времена перемѣнились. Ея любовь потеряла цѣну, за нее платить перестали, а все же любить хочется, и вы слышали, господа, свидѣтелей, она сама въ деревнѣ стала платить за любовь. Но на это нужны деньги, а гдѣ ихъ взять? Она рѣшается устроиться прочнѣе, она ищетъ мужа, но съ ея наружностью и въ ея годы и это стоить денегъ, а ихъ нѣтъ. Въ это время,—это было лѣтомъ передъ убійствомъ Петра Коновалова,—въ деревню пріѣзжаетъ къ нимъ мать Коноваловой, Киселева.

Изъ гостей въ гости ѣздитъ Киселева, изъ дома въ домъ передается рассказъ о жить-быть въ сто-

лицѣ, о неизвѣстной въ деревнѣ дочери ея Аннушкѣ-красавицѣ. „И красавица-то она у меня и разумница, и поетъ-то, и на разныхъ языкахъ говоритъ: а богата-то какъ! Вся въ шелку ходитъ, рубашечки и чулочки и тѣ шелковые“. Молва растетъ, возбуждая зависть и удивленіе. Въ рѣшительной и испытанной жизнью Екатерины зрѣетъ планъ. „Какая-то такая эта Аннушка-красавица?.. Что такая за жаръ-птица, что перышки на ней горять? Вѣдь, небось, такая же деревенщина, какъ мы грѣшныя, а въ шелкахъ да бархатахъ ходитъ“, думаетъ она, и рѣшается поѣхать посмотрѣть на эту жаръ-птицу, авось удастся оципать золотыхъ перышковъ. Она ѣдетъ въ Петербургъ, является къ Коноваловой и что же видитъ? Передъ ней простенькая, добродушная, слабохарактерная не женщина даже—ребенокъ. Тогда Екатерина беретъ ее въ свои руки, подчиняетъ ея волю своей воли и ведетъ обдуманно къ намѣченной цѣли.

Мы застаемъ въ это время Коновалову въ Усачевомъ переулкѣ. У нея своя квартира, приличная обстановка, есть гардеробъ, есть деньги, есть свой кругъ знакомыхъ. Она поетъ въ Крестовскомъ и беретъ уроки пѣнія. У нея есть все что нужно, есть больше, чѣмъ нужно и вдругъ пріѣхавшая изъ деревни Екатерина Павлова уговариваетъ ее бросить все это и ѣхать съ ней. Куда? Искать лучшаго? Нѣтъ, ѣхать въ глухую провинцію, въ маленькій уѣздный городокъ. И мы видимъ, послушная волѣ Екатерины, Анна Коновалова бросаетъ все и ѣдетъ за ней. Зачѣмъ? Для чего? Она сама не знаетъ.

Но зачѣмъ нужно было Екатерину, спросите вы, увозить ее изъ Петербурга? Посмотрите на нихъ, сравните ихъ внѣшность, вспомните ихъ костюмы: одна—простая деревенская женщина, другая—пѣвица изъ Крестовскаго сада, и вы поймете, что здѣсь въ столицѣ, гдѣ все зиждется на внѣшнемъ обликѣ, на блескѣ, на нарядѣ, одна была барыней, другая—прислужкой. Эта разница и вся обстановка, весь складъ жизни Анны Коноваловой мѣшаютъ Павловой стать съ ней на равную ногу, лишаютъ возможности поработить ее окончательно; вотъ почему рѣшается она увести ее въ свою насиженную Старую Руссу, въ свою берлогу.

Онѣ пріѣзжаютъ вмѣстѣ въ Старую Руссу въ началѣ ноября. Екатерина прискиваетъ квартиру, онѣ поселяются вмѣстѣ; Екатерина руководитъ ею въ знакомой ей Старой Руссѣ; онѣ появляются вездѣ вмѣстѣ, и черезъ 3 недѣли, также безцѣльно для Анны Коноваловой, какъ онѣ пріѣхали, онѣ уѣзжаютъ обратно въ Петербургъ за 2 дня до роковаго 5 декабря, опять вмѣстѣ. У Екатерины въ Старой Руссѣ и въ деревнѣ подѣ Руссой были въ то время старыя привязанности, была изба, былъ женихъ, впоследствии ея мужъ. Зачѣмъ ѣхала она опять въ Петербургъ, если въ ней не созрѣло преступленіе?

Но вотъ онѣ въ Петербургѣ. Петръ Коноваловъ узнаетъ о пріѣздѣ жены и приходитъ навѣстить ее. Жена угощаетъ его; заходитъ разговоръ о возобновленіи на новый срокъ паспорта и онъ соглашается выдать ей новый видъ на жительство на годъ. Онъ уходитъ домой и, вы слышали, всѣмъ и каждому: своей матери, сестрѣ, рабочимъ, хозяину—всѣмъ говорить онъ, что выдаетъ женѣ отдѣльный видъ. И вотъ 5 декабря, наканунѣ Николаина дня, онъ беретъ у хозяина мастерской рубль, беретъ съ собой подаренное женою полотенце, идетъ въ баню, а отуда къ женѣ, чтобы выдать ей обѣщанный видъ на жительство. Вы помните рассказъ Анны Коноваловой, какъ мужъ пришелъ, просилъ угостить, обѣщая выдать паспортъ, ушелъ на время куда-то, а затѣмъ пришелъ опять.

Вы помните рассказъ дворника, какъ за нимъ послалъ Петръ Коноваловъ, чтобы идти вмѣстѣ въ участокъ за паспортомъ, какъ Коноваловъ просилъ жену угостить его еще, какъ они угощались, какъ пилъ Петръ, выпила и Анна, какъ пошли они всѣ

вмѣстѣ въ участокъ. Въ участкѣ Петръ Коноваловъ хочетъ выдать женѣ отдѣльный видъ, но выходить какое-то препятствіе и всё они возвращаются въ Усачевъ переулокъ.

Тихо, мирно проходитъ время, ничто не предвѣщаетъ ужасной развязки. Но есть что то роковое въ жизни. Есть судьба; она руководитъ жизнью человѣка. Зачѣмъ шель трижды несчастный Петръ Коноваловъ въ этотъ роковой для него вечеръ въ квартиру жены! Что влекло его къ этому роковому мѣсту!

Совершилось что-то ужасное: ужасное для него, ужасное для насъ, для человѣчества, ужасное для бѣдной Коноваловой! И этотъ ужасъ, это оцѣпненіе, охватившее ее тогда, при видѣ разыгравшейся предъ нею ужасной картины, она передаетъ его намъ теперь въ своемъ искреннемъ, поражающемъ по своей простотѣ, по своей подробности, въ своемъ какъ бы фотографическомъ разказѣ. Невольно мысль ищетъ разгадки этого поражающаго насъ явления искренности, простоты, наивности въ этомъ молодомъ существѣ, и мы не можемъ понять этого спокойствія, этой детальности передачи ужаснаго событія. Но гдѣ же разгадка?

Господа, человѣкъ можетъ или дѣйствовать сознательно и осуществлять свою собственную волю, или же бессознательно, или полусознательно осуществляя волю другого. Когда человѣкъ, руководимый волей, стремится къ намѣченной цѣли, его дѣйствіе, его мысли, всё его способности направлены къ этой цѣли, и чѣмъ труднѣе, чѣмъ страшнѣе цѣль, тѣмъ напряженнѣе и сильнѣе сосредоточивается мысль на самомъ моментѣ осуществленія цѣли. Но вотъ цѣль достигнута, тяжелая задача выполнена и напряженіе сразу падаетъ, мысль и память ослабѣваютъ. Въ лицѣ запечатлѣвается ярко конечный моментъ, все остальное представляется въ туманѣ. Но есть состояніе, когда человѣкъ, застигнутый потрясающимъ его событіемъ, является какъ бы зрителемъ этого событія, безъ участія воли, безъ яснаго сознанія. Тогда всё мелочи ужасной картины, развертываясь передъ нимъ постепенно, съ одинаковою силою отпечатываются въ памяти; и чѣмъ бессознательнѣе отношеніе къ событію, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ рельефнѣе остается оно въ памяти. Мужчина едва ли можетъ пережить такія состоянія, но дѣти и слабыя женщины, когда на ихъ глазахъ совершается преступленіе, бываютъ въ томъ состояніи оцѣпненія и страха которое, парализуя волю и сознаніе, оставляетъ въ памяти глубокой слѣдъ о всѣхъ ужасающихъ подробностяхъ совершеннаго при нихъ преступленія. И когда дѣти-подростокъ, или женщина потомъ разсказываютъ все видѣнное ими, вы видите въ глазахъ, въ лицѣ ихъ отпечатокъ пережитаго ужаса, но разказъ ихъ поразительно ясенъ и вычуръ, разказъ ихъ „фотографическій“. Но есть еще любопытная подробность въ такомъ разказѣ: какъ въ фотографіи, чѣмъ меньше освѣщаютъ негативъ, тѣмъ тусклѣе и неопредѣленнѣе выходитъ снимокъ,—освѣтите его сильнѣе и снимокъ выйдетъ точнѣе, ярче.—такъ и фотографическій разказъ свидѣтеля ужасающаго событія или невольнаго участника его тѣмъ ярче, тѣмъ подробнѣе, чѣмъ больше человѣкъ приходитъ въ себя и начинаетъ понимать весь ужасъ пережитаго. Вспомните разказъ Коноваловой. Вы слышали показаніе чиновника сыскаго отдѣленія о чистосердечномъ и полномъ разказѣ Анны Коноваловой, когда ее внезапно арестовали, но тогда нѣкоторыя подробности въ ея разказѣ ускользали. Вы слышали этотъ разказъ ея теперь; онъ полнѣе, детальнѣе, она разсказываетъ многія подробности событія, которыя говорятъ противъ нея; она ихъ вспомнила, онъ воскресли и отпечатались въ ея памяти, и она ихъ передаетъ, не утаивая ничего, разсказывая все, все какъ было. И въ этомъ разказѣ безъ прикраша, безъ оправданія, безъ утайки, фотографически подробномъ отъ начала до

конца и ужасающемъ по своей простотѣ, искренности и реальности, вы чувствуете выраженіе чего-то видѣннаго, слышаннаго, но не пережитаго—выраженіе душевнаго оцѣпненія. Когда вы потрясены горемъ, когда вы поражены ужасомъ, вы движетесь, вы дѣйствуете, вы слышите, вы видите, во внутри что-то оборвалось, что-то замерло; тѣло живетъ, но душа въ оцѣпненіи. Въ этомъ душевномъ оцѣпненіи человѣкъ идетъ на привязи своихъ вѣвшихъ чувствъ, своей физической природы, безъ воли, безъ сознанія. Подумайте, не то же ли переживала Коновалова?

Но какъ странно, скажете вы, если она участвовала безъ воли, безъ сознанія, то для кого же, въ чѣмъ интересахъ нужно было преступленіе?

Вы помните мотивы, на которые указываетъ обвиненіе; ихъ два: желаніе получить отдѣльный видъ и желаніе быть вдовой. Но такъ ли это? Отдѣльный видъ. Вы знаете, она уже его имѣла, и хотя ему въ это время истекъ срокъ, Коновалова не могла не знать, вращаясь среди интеллигентныхъ людей, что ей выдали бы по первой ей просьбѣ паспортъ на новый срокъ, разъ мужъ выдалъ уже ей отдѣльный видъ и затѣмъ отказывается выдать новый; а пьянство и прежняя жизнь мужа были достаточными основаниями, чтобы и помимо того получить отдѣльный видъ. Но не забудьте, что мужъ всё въ и каждому, идя къ женѣ 5 декабря, говорилъ, что онъ идетъ затѣмъ, чтобы выдать ей отдѣльный видъ, и съ этой же цѣлью онъ пошелъ въ участокъ. Неужели же могла она сомнѣваться, что не сегодня-завтра онъ выдастъ ей этотъ видъ? И неужели серьезно можно говорить, что убійствомъ мужа можно добиться отдѣльнаго вида? Въдѣ это могло только осложнить, а не облегчить полученіе этого вида. Согласитесь, что такого мотива ставить нельзя. Онъ не выдерживаетъ критики.

Но разсмотрите другой мотивъ: желаніе быть вдовой, быть свободной. Тутъ есть недоразумѣніе. Убивая мужа и скрывая его, она не дѣлалась ни вдовой, ни свободной, а развѣ одною изъ тѣхъ многочисленныхъ на Руси несчастныхъ женщинъ, мужа которыхъ находятъ въ бѣгахъ, безъ вѣсти, а онъ весь вѣкъ влечетъ жизнь безъ счастья, безъ свободы. Но развѣ Анна Коновалова не могла при тѣхъ средствахъ и знакомствахъ, которыя у нея были; легко добиться или купить согласіе мужа на разводъ? Конечно, да. Но, вѣдь, развода она не просила и онъ не нуженъ былъ ей: она и безъ него вела тотъ образъ жизни, какой хотѣла.

Нѣтъ, господа, у Коноваловой мотивовъ не было и нѣтъ для преступленія. Преступленіе не освобождало, а связывало ее. А если въ дѣйствіяхъ нѣтъ мотива—то нѣтъ разума, нѣтъ воли.

Но тогда—кому же нужно было преступленіе, кто авторъ его?

Бываютъ, господа, въ жизни люди съ злостью, съ душой, направленной ко злу. Тяжелая ли жизненная борьба, или условія ли воспитанія и среда вырабатываютъ злобу людскую, но есть такіе люди, которые въ злобѣ ищутъ наслажденія, какъ въ любви. И развѣ вы не знаете людей всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній, готовыхъ утопить, унижить, оскорбить другого съ злорадствомъ, съ наслажденіемъ. Зачѣмъ? Неужто жизнь не требуетъ любви и братской помощи! Но что же дѣлать—жизнь такова. И въ этихъ людяхъ злость, зависть и корысть живутъ и роятся всечасно. И когда въ эти черствыя, сухія души западаетъ искра преступленія, онъ загорается, онъ пылаютъ.

Вы помните Матрену изъ „Власти тьмы“. Зачѣмъ толкала она сына на преступленіе? Какая злая сила руководила ею?

Но вернемся къ Екатеринѣ Павловой. Вы помните, какъ она подъ вліяніемъ разказа матери Анны Коноваловой пріѣхала изъ деревни въ Петербургъ, какъ поселилась у Анны, какъ пріобрѣла надъ ней

вляніе, какъ увезла ее въ началѣ ноября къ себѣ въ Старую Руссу и за два дня до убійства привезла ее обратно въ Петербургъ. Въ деревнѣ у нея домъ, привязанности, женихъ. Но здѣсь у нея есть какое-то дѣло, есть какой-то планъ въ головѣ. Она его осуществляетъ. Чѣмъ связана съ ней Коновалова? Ничѣмъ. А ей нужна зависимость Анны, нужна власть надъ ней, чтобы заставить ее дѣлаться своими средствами.

Жить ей при Коноваловой не учого и незачѣмъ. Это положеніе прислуги. Сегодня терпитъ, завтра выгонитъ. У Анны есть свои знакомые, свой образъ жизни, котораго Екатерина вести не можетъ. Но у Анны еще есть мужъ, который имѣетъ свои права на нее, съ которымъ она вдругъ можетъ вновь сойтись. Тогда вѣдь Екатерина лишняя. И вотъ въ ней зрѣетъ преступная мысль извести мужа Коноваловой и затѣмъ связать ее неразрывными путами и поработить ее себѣ. Настаетъ удобный моментъ. Петръ пьянъ, безъ чувствъ. Анна выпивши и въ полномъ ей подчиненіи. Телѣгинъ согласенъ. Мать, чтобы не мѣшать, уходитъ молиться по церквамъ. Времени терять нельзя. Проснитъ Петръ, выдастъ завтра женѣ на новый срокъ паспортъ, а ей, Екатерину, опять жить приживалкой, опять смотрѣть на бархатъ и шелка этой Аннушки-красавицы и горѣть завистью и безсильной злобой! Нѣтъ. „Къ дѣлу!“ приказываетъ она; и дѣло сдѣлано. Ужасное дѣло! Но его надо докончить, и она смѣло везетъ трупъ убитаго въ Старую Руссу, оттуда въ деревню, заѣзжаетъ по дорогѣ къ знакомымъ въ домъ, гдѣ гуляетъ народъ по случаю праздника, везетъ его дальше, въ домъ родителей, сама, вы слышали ее, выбрасываетъ трупъ изъ сундука, чтобы взять сундукъ подъ вещи, а трупъ увозитъ въ лѣсъ. Какая смѣлость, какой характеръ, какая злобная преступность! Дѣло сдѣлано, Анна въ рукахъ ея. Настало время пожинать плоды рукъ своихъ. И вотъ, мы видимъ, она не остается въ деревнѣ, гдѣ ждетъ ее женихъ, гдѣ домъ у ней, гдѣ родня; она летитъ въ Петербургъ. Вѣдь; страшно и за то: вдругъ эта добродушная, безвольная Коновалова не выдержитъ, проговорится и выдастъ всѣхъ. И, вы слышали, она остается при Коноваловой, она точно стережетъ ее; она же увозитъ ее, въ концѣ декабря, опять въ Старую Руссу. Зачѣмъ въ эту Старую Руссу, гдѣ были неприятности съ полиціей, гдѣ близко гдѣ-то покоится трупъ мужа, гдѣ малѣйшій намекъ можетъ погубить ее? Отчего не въ Москву, не въ Кіевъ, не въ Одессу, подальше отъ Петербурга? „Сама не знаю, меня уговорила Екатерина“, говоритъ вамъ Коновалова, и это вѣрно. Такъ нужно было Екатерину; настало для нея время устраивать свое благополучіе; и для этого Коновалова нужна была тамъ, при ней, подъ рукой, подъ властью, и поработенная Коновалова безоротно, безотчетно слѣдуетъ и подчиняется Павловой.

Но можетъ ли быть такая власть у человѣка надъ человѣкомъ, можетъ ли быть такое подчиненіе? Я вамъ ссылаюсь на факты, я нахожу подтвержденіе въ такомъ авторитетѣ, какъ профессоръ Ковалевскій. „Можно и людямъ здоровымъ, читаемъ мы въ его судебной психопатологіи, внушать несуществующія ощущенія и ложныя мысли, извращать истинныя ощущенія и мысли и побуждать къ дѣйствіямъ и поступкамъ неправильнымъ, несообразнымъ, нелѣпнымъ, безразсуднымъ, опаснымъ и вреднымъ. На этомъ основывается возможность физиологическаго внушенія или внушенія въ бодрственномъ состояніи лицамъ, тому поддающимся, простудковъ и преступлений“. Въ такомъ, именно, состояніи находилась несчастная Анна Коновалова въ роковую для нея ночь 5 декабря 1896 года.

Но кто такой Телѣгинъ? Что побудило его совершить преступленіе?

Телѣгинъ является представителемъ той темной силы, которая гнѣздится въ нашемъ народѣ ря-

домъ съ чудными чертами его характера. Узкій кругозоръ, отсутствіе развитія, руководящіе принципы въ родѣ: „собакъ—собачья смерть“, „чужая жизнь—копѣйка, да и своя-то не дорожка“. Движете ихъ на доброе дѣло—это герои, на злое—это лиходѣи. Телѣгинъ съ Екатериной Павловой изъ однихъ мѣстъ, даже въ родствѣ. Уговоры Екатерины встрѣчаютъ спокойное согласіе Телѣгина, конечно, не безъ корыстныхъ видовъ, и дѣло сдѣлано!

Да, ужасное дѣло сдѣлано, и вотъ наступаетъ расплата!

Расплачивается одна Коновалова. Вы помните тѣ ужасные дни и ночи, которые она пережила послѣ того. Ночью призракъ погибшаго на ея глазахъ мужа является ей. Она служить заупокойныя обѣдни за него, но видѣнія не оставляютъ страдающую душу ея. Днемъ караулятъ ее и осаждаютъ требованіями Павлова, Телѣгинъ и ихъ родные. Всѣмъ нужно, всѣ требуютъ, никому отказать нельзя. Но откуда взять? Какъ заработать?

Не думайте, господа, что я передъ вами буду защищать нравственность Коноваловой. Но я спрошу лишь: въ правѣ ли мы судить ее за это?

Какъ странно было бы слышать, что врачъ, когда къ нему привели больную, изслѣдуетъ въ ней не болѣзни, а допытывается безупречна ли ея нравственность. Не странно ли, когда судья изслѣдуетъ не преступленіе, а ищетъ въ нравственныхъ качествахъ подсудимаго улики противъ нея. И когда на молодомъ, почти дѣтскомъ лицѣ, вы видите „поддѣльную краску ланитъ“, не сжмается ли у васъ сердце отъ жалости и состраданія?

Вы видѣли, что тѣ мрачныя краски, которыми былъ обрисованъ нравственный обликъ подсудимой Коноваловой, поблекли на судебномъ слѣдствіи; когда свидѣтели подъ перекрестнымъ спросомъ сторонъ, поумѣрили, такъ свойственный многимъ, пылъ въ отысканіи сучковъ въ чужомъ глазу. Слухи и слезны отвергнуты, а фактовъ нѣтъ. Она жила съ однимъ, потомъ съ другимъ,—да это вѣрно, она это признаетъ, но до разгула далеко.

Но отчего не удержалась она, спросите вы, на честномъ пути? Какъ трудно отвѣтить на это. Отчего надломленный цвѣтокъ вянетъ и не благоухаетъ? Отчего подстрѣленная птица не паритъ подъ небесами? Отчего чловѣкъ съ надорванной жизнью и безъ нравственной поддержки не стремится къ идеаламъ...

Но выпрямите и подвяжите цвѣтокъ, и онъ зацвѣтетъ. Заживите рану у птицы, и она взвоетъ къ небесамъ. Протяните руку больному, но не зачерствѣвшему душой чловѣку, и онъ воспринметъ духомъ, онъ оживетъ.

И бѣдной Коноваловой протянули руку и ей улыбнулось счастье! На нее пахнуло въ первый разъ въ ея жизни тепломъ, лаской, искренней любовью; ее полюбили и она полюбила и стала оживать. Вы слышали того свидѣтеля, который зналъ ее въ дѣтствѣ, онъ встрѣтилъ ее въ это время опять и увидѣлъ ее любимую и любящую, такую же, какъ и прежде доброю и милою. Онъ радовался ея счастью, но что то таилось въ ней. Какая то непонятная грусть сквозила въ ея радости, какая то непонятная власть держала ее въ рукахъ. Признался во всемъ, все рассказать, снять пугы, думала она! Но страшно, нужно выдать всѣхъ и даже мать. Нѣтъ! и она молчитъ и несетъ тяжелый крестъ испуленія. Проходить два года.

Но судьба ее стережетъ—ее арестуютъ.

Какой удар! Но вмѣстѣ съ тѣмъ какое облегченіе! Наконецъ, насталъ давно желанный часъ: снять гной съ души, снять накипь жизни; и она все рассказала, все безъ утайки, безъ оправданія; она во всемъ покаялась.

И вотъ она предъ вами. Ей только теперь минуло 21 годъ, а жизнь ея уже полна страданій. Какъ мало прожито, какъ много пережито!

Она ждет вашего приговора. И если вы думаете, что в молодой душѣ ея пылаетъ преступный огонь, что она опасна для общества, если вы вѣрите, что наказаніе можетъ исправить ее, карайте ее. Но не мстите ей за смерть безконечно долгими днями позорнаго наказанія. А если вы, какъ я, взгляните въ ея душу и скажете себѣ: въ ней нѣтъ преступности, она сама жертва преступленія, вы смѣло вынесете ей оправданіе.

Я кончилъ. Меня, какъ и васъ, призвалъ законъ къ тяжелой задачѣ отправленія правосудія. Какъ вы—я человѣкъ и могу ошибаться, но я ищю, какъ вы, въ этомъ дѣлѣ правду. И, когда я увидѣлъ въ васъ, въ теченіе этихъ томительныхъ дней суда, работу мысли и сердца, когда я вижу въ васъ исканіе правды,—я спокойно жду вашего приговора.

Рѣчь пом. пр. пов. А. В. Вобрицева-Пушкина:

Гг. присяжные засѣдатели, надо считаться съ фактомъ. Здѣсь произошло то, что часто бываетъ въ уголовныхъ процессахъ. Вы пришли сюда, какъ представители возмущенной общественной совѣсти, судить злодѣйку за тяжкое преступленіе и вы видите на скамьѣ подсудимыхъ простодушную, положительно симпатичную, очень молодую женщину, въ которой и теперь еще много наивности, а, вѣдь, со времени совершенія преступленія прошло три года. Это несоотвѣстствіе между преступленіемъ и преступницей не могло не остановить на себѣ вниманія вашей судейской совѣсти—въ немъ загадка настоящаго дѣла и пока вы не объясните ея себѣ, пока двѣ Анны Коноваловыхъ будутъ стоять передъ вами, какъ двѣ души въ одномъ тѣлѣ—вы черезъ это не перешагнете. Обвиненіе не дало вамъ на этотъ неизбежный вопросъ никакого отвѣта, защита пришла предложить вамъ свой. Нашъ отвѣтъ: 18 лѣтъ во время совершенія преступленія. Обвинитель говоритъ—19, мы знаемъ, что это не такъ, знаемъ, отчего есть невѣрность въ копи метрики, но пусть 19—у насъ нѣтъ данныхъ спорить на судѣ... Если бы Коноваловой не было 19 лѣтъ, она никогда бы этого не сдѣлала. Мы не хотимъ сказать, что она ничего не понимала. Ничего не понимаютъ маленькія дѣви. Взрослые люди являются людьми съ вполне сформированной волей и разумомъ. Этотъ возрастъ правильно поставить посрединѣ—это люди, только что готовые; у нихъ есть и разумъ и воля, но неокрѣпшіе, какъ бы только что вышедшіе изъ скорлупы. Выводъ изъ этого—самое важное изъ всего, что я вамъ скажу, какъ общая точка зрѣнія. Если вы встрѣтите въ человѣкѣ этого возраста упорную, злую волю, порочныя наклонности, разлагающую весь его внутренній міръ—вы можете отнестись къ нему строго, но вы не можете требовать яснаго взгляда на жизнь, а главной, твердой воли, опоры чужой злой волѣ, какъ не можете требовать, чтобы въ физической борьбѣ восемнадцатилѣтній побѣдилъ взрослого. Здѣсь онъ можетъ быть очень хрупокъ.

Представьте себѣ, что вы все это читаете въ повѣсти. Вамъ рассказываютъ, какъ дѣвушку неполныхъ шестнадцати лѣтъ выдаютъ насильно замужъ, какъ черезъ двѣ недѣли справляется свадьба среди непробуднаго пьянства и ея слезъ, какъ она вынуждена уйти отъ мужа, живетъ съ матерью, зарабатывая себѣ хлѣбъ ремесломъ портнихи, какъ, наконецъ, неизбежное совершается—она одинока, но она уже замужемъ, она не можетъ полюбить законною любовью, ей закрыта семейная жизнь; значитъ, ей нѣтъ дороги на честный путь; ни въ отчймъ, судившемся, за кражи, ни въ матери, доброй, но забитой, недалекой женщинѣ, она не можетъ найти опоры и вотъ, не понимая еще значенія своего шага, она даетъ себя пристроить въ Крестовскій, сходится съ В—ромъ, мимо показанія котораго я прохожу съ безразличною грустью... Гибели нѣтъ предѣловъ, слѣдую-

щая ступень: на смѣну пошлыхъ плотоядныхъ типовъ выступаютъ болѣе сумрачные образы. И вотъ—когда бы вы читали объ этой ночи убійства, о томъ, какъ она, захмелѣвшая, растерянная, подъ ихъ криками, то трясла за руку ошпанѣвшаго мужа, умоляя его уйти, то помогала нести его, подавала шнурокъ для мертвой петли и молилась съ ними передъ образомъ,—чтобы вы чувствовали къ ней ужасъ или состраданіе? Развѣ не хотѣлось бы вамъ столько же для нея, какъ и для этого несчастнаго, чтобы злодѣйство не совершилось? И когда вы дошли бы до той минуты, что мы всѣ мучительно переживаемъ здѣсь, до этого негодования противъ нея, этого грознаго обвиненія, этой отчаянной борьбы, что ведетъ защита, развѣ бы не захотѣлось вамъ, какъ это часто хочется при чтеніи, вступиться, крикнуть: „Да вы не понимаете! Это все совѣмъ не то! Здѣсь нуженъ сознательный, согрѣтый любовью къ ближнему, взглядъ на жизнь, а не формальныя статьи закона!“ Какъ бы мучительно даже тамъ въ этой повѣсти было бы для васъ ожиданіе приговора. Развѣ вы не желали бы всѣмъ существомъ своимъ, чтобы все кончилось хорошо, чтобы этого заблудившагося полуробенка выпустили отсюда? И кому бы пришла на умъ изъ такой развязки мораль, что можно совершать убійства? А если бы въ безпощадной вѣрности жизни русской писатель заставилъ бы своихъ судей вынести обвинительный приговоръ, съ какимъ бы чувствомъ вы его встрѣтили? Удовлетворилъ бы онъ васъ? ваше чувство справедливости? Да, все это такъ было бы въ повѣсти, потому что въ повѣсти мы видимъ житейскія явленія освѣщенными съ нравственной стороны, а здѣсь мы слушаемъ мертвую оболочку.

Защитникъ переходитъ къ положенію всѣхъ лицъ въ концѣ 1896 года. Этотъ годъ принесъ съ собою важныя перемѣны. К—ва опустилась нравственно, попала на Крестовскій, сошлась безъ любви съ Вельтнеромъ, а Петръ Коноваловъ почти пересталъ пить, выдалъ женѣ отдѣльный видъ на жительство, сталъ къ ней хорошо относиться. Это объясняется, повидимому, прошедшею бѣлой горячкой. И какъ разъ въ это время совершается убійство. У Коноваловой не было мотива его совершать. Мужъ зналъ о Вельтнерѣ, относился къ этому мирно, получалъ отъ жены небольшія деньги и подарки, и не шантажировалъ ее—итакъ, не мѣшалъ ея жизни. Заходилъ рѣдко, встрѣчали его дружелюбно. Всѣ свидѣтели показываютъ, что онъ хотѣлъ возобновить отдѣльный видъ. Въ вечеръ убійства онъ идетъ за этимъ въ участокъ, выгнанный оттуда, такъ какъ былъ пьянъ, общается пойти туда же завтра. Самъ прокуроръ признаетъ, что отдѣльный видъ не могъ быть мотивомъ. Гдѣ же мотивъ? Ясно, что Коновалова была вовлечена въ это преступленіе. Вовлекла ее Павлова, заручившись согласіемъ Телѣгина. Они, конечно, не убивали изъ любви. У этого мрачнаго дѣла мрачный мотивъ—корыстная цѣль. У Петра нѣтъ ничего, кромѣ новаго платья и сапоговъ, чѣмъ поживился Телѣгинъ; у Коноваловой деньги, платья, брилліанты и много въ будущемъ. Убить ее съ цѣлью грабежа было бы и опасно и нерасчетливо. Лучше всего убить мужа при ея участіи. Тогда ее можно будетъ забрать въ руки и эксплуатировать безъ пощады. Весь этотъ планъ и былъ осуществленъ Павловой. Она намеками подговливаетъ Коновалову къ убійству. Коновалова не понимаетъ или отъ страху не хочетъ понимать намековъ. Насколько Павлова успѣла до 5 декабря подготовить Коновалову, насколько Коновалова понимала, или не понимала, не имѣетъ значенія, такъ какъ все уничтожается тѣмъ моментомъ—когда мужъ повелъ ее въ участокъ давать отдѣльный видъ. Тогда шла, очевидно, не помышляя объ убійствѣ. Казалось, судьба сжалилась, планъ Павловой рухнулъ. Помышлять идти въ участокъ было немислимо; легко представить себѣ, въ какомъ состояніи осталась Пав-

лова въ квартирѣ. Она тоже должна была считать, что все потеряно и, такимъ образомъ, предварительный умыселъ отпадаетъ даже для Павловой и Телъгина. Правдивость оговора Коноваловой и ихъ виновность доказывается не вѣшной искренностью тона Коноваловой—по впечатлѣнію нельзя осуждать людей, а обстоятельствами дѣла. Ихъ показанія—сплошное противорѣчіе. Если было убійство, въ квартирѣ не могло быть несоучастника. Не заручившись согласіемъ Павловой и Телъгина, убійцы дѣйствовать не могли. Доказавъ подробно, на основаніи обстоятельствъ дѣла, правдивость каждаго слова Коноваловой, защитникъ заявилъ, что теперь онъ можетъ положить ея слова въ основу сужденія о самомъ моментѣ убійства.

„Неожиданная удача для Павловой—вернулись, Анна Коновалова идетъ грустная, выгнали пьянаго мужа изъ участка, не дали отдѣльнаго вида. Горе для Коноваловой, радость для Павловой, но нельзя ждать до завтра—завтра онъ протрезвится, опять пойдеть въ участокъ и тогда все кончено. Теперь или никогда! Состояніе Павловой въ эту ночь могло бы дать большой матеріалъ для ея защиты. Она впаала въ какое-то нечеловѣческое бѣшенство. По словамъ Коноваловой «она точно звѣрь была, непохожа на человѣка, не то, что на женщину—я не знаю, что съ ней сдѣялось». Этого точно не знаемъ и мы. Судь отказалъ защитѣ Павловой въ вызовѣ экспертовъ-акушеровъ, между тѣмъ Павлова разрѣшилась отъ бремени въ концѣ ноября—и это могъ быть послѣродовой психозъ; я счастливъ, что могу сказать слово въ защиту Павловой... Помимо этого предположенія, могли быть и другія причины. Гнѣвъ и отчаяніе, когда, казалось, все погибло, рѣзкій, внезапный переходъ къ радости при возвращеніи изъ участка и сознаніе, что уже теперь надо дѣйствовать, что отсрочка лишь до утра, могли вызвать приливъ крови къ головѣ, то есть, измѣненіе. Что-бъ это ни было, Павлова становится страшной—въ ней развивается дикая, усиленная энергія. Она требуетъ немедленнаго убійства, она хватается за буйныя, пьяныя слова Петра, она точно въ какомъ-то припадкѣ наступаетъ на растерявшуюся Коновалову: — „Онъ не дастъ, не дастъ тебѣ вида, отъ него надо отдѣлаться!“ Такая дикая лихорадочная энергія страшно дѣйствуетъ, особенно на слабыя натуры. А Коновалова въ эту минуту, когда она должна противостоятъ страстному натиску на ея полудѣтскую волю, даже плохо сознаетъ окружающее: она вышла водки и коньяку, недостаточно для потери сознанія, но достаточно для того, чтобы сильно ослабить способность психическаго сопротивленія. Рѣзкія требованія Павловой... ея голосъ стучитъ ей въ уши... комната слегка идетъ кругомъ... сознаніе затуманено... и вотъ въ этой знакомой комнатѣ возникаетъ въ ея глазахъ что-то страшное, атмосфера сгущается до кошмара. Среди всего этого буйствующей, что-то кричащей мужъ. Если бы ей внушали, напримѣръ, убить мать, любовь, заглавшаюся хоть въ видѣ инстинкта, даже въ этомъ хмѣльномъ чаду, дала бы отпоръ, а здѣсь нѣтъ этого инстинктивнаго отпора, она одурманена дикой энергіей Павловой, она почти вещь въ ея рукахъ, она не сознаетъ чудовищности своего поступка, ей только смутно страшно. Ей говорятъ, что что-то надо, надо сдѣлать—и она дѣлаетъ. Они стали передъ образомъ—и она; они говорятъ: „неси голову“—и она несетъ, они велеть ей дать шнурокъ—и она даетъ, они дѣлають передъ нею петлю—и она понимаетъ. „Да, это чтобы убить“, но она не представляетъ себѣ убійства. При такомъ помутившемся сознаніи вѣрить ли она въ совершеніе преступленія? Связываетъ ли она свои поступки—этотъ шнурокъ съимѣющими быть послѣдствіями? Часто даже трезвый убійца, когда подкрадывается къ своей жертвѣ, когда вынимаетъ ножъ—до послѣдней секунды не вѣритъ, что онъ убьетъ, и вотъ почему во всѣхъ ея чисто-

сердечныхъ показаніяхъ, сейчасъ же послѣ ареста, на предварительномъ слѣдствіи, здѣсь, она повторяетъ: „Я была какъ во снѣ. Я не вѣрила, не вѣрила, что его убьютъ“. Въ такомъ состояніи она не могла въ это вѣрить!

Да, сознаніе, конечно, есть, но такое смутное. Мысли скачутъ, не поймаешь ни одной. Сначала она понимаетъ все яенѣе, помраченіе идетъ постепенно... сначала свойства хорошей натуры ясно видны. Въ сосѣдней комнатѣ спитъ ея маленькая сестра. Она бредеть туда и съ нѣжной заботою задергиваетъ тюль надъ дѣтской кроватью. Пусть ребенокъ спитъ, пусть ея дѣтскаго сна не встревожатъ лапки опьянѣшаго мужа. Онъ опустился на стулъ безчувственнымъ тѣломъ. И ей страшно... она плачетъ, умоляетъ ихъ, она сопротивляется, какъ можетъ. Она хватается пьянаго мужа за руку: — „Петя, уйди! уйди! На свою голову сидишь!“ и онъ бормочетъ ей заплетающимся языкомъ: „Я тебѣ дамъ отдѣльный видъ на жительство“. Они называютъ другъ друга уменьшительными именами, она старается помочь ему... Но Павлова тутъ какъ тутъ и кричитъ на нее: „Не вмѣшивайся! Разъ я взялась за дѣло, я его и кончу!“ И когда черезъ нѣсколько времени второй разъ взяла за руку его Коновалова—не отвѣтилъ своей женѣ Петръ Коноваловъ, неподвижно упала рука и она сама обернулась къ нимъ уже съ тупымъ, отуманеннымъ взглядомъ. Теперь она имъ нужна. Чудовищные юристы, они хотятъ, чтобы она несла голову мужа, имъ нужно ея соучастіе, не слабыя силы; они, конечно, снесли бы и безъ нея. Что же, пусть радуются; они достигли своего: это несеніе головы, съ формальной точки зрѣнія, всего тяжелѣе. И когда безчувственно пьяный Петръ Коноваловъ при свѣтѣ ночника уложенъ на коверъ ея спальни, когда сдѣлана мертвая петля—ей и тутъ не представляется, что сейчасъ начнутъ душить, хотя она за минуту говорила съ ними объ этомъ. Она не можетъ сдѣлать изъ своихъ поступковъ неизбѣжнаго вывода. И когда они надъ нимъ нагибаются, это для нея совершенно неожиданно. Вдругъ онъ хрипитъ, судорожно ударяетъ ее ногами... она падаетъ въ обморокъ и въ самый моментъ совершенія убійства находится въ безсознательномъ состояніи“.

Послѣ сдѣланнаго перерыва защитникъ перешелъ къ выводамъ. Онъ не видитъ здѣсь не только предварительнаго соглашенія, но и вообще согласія на убійство. Если признатъ, что Коновалова дѣйствовала сознательно, и то нельзя идти дальше попустительства. Но и тогда необходимо имѣть въ виду, что Коновалова не могла бы и воспрепятствовать убійству. Она находилась запертая, ночью, одна съ озвѣрѣвшими людьми, твердо рѣшившимися на убійство, заставлявшими ее такъ поступать. Документъ, подписанный при такихъ условіяхъ, былъ бы признанъ недѣйствительнымъ въ гражданскомъ судѣ; можетъ ли судъ уголовный здѣсь вмѣнить преступленіе? Согласіе смутное, при помраченномъ сознаніи, согласіе, гдѣ воля неразвита подавлена волей неизмѣримо сильнѣйшей, находившейся въ болѣзненномъ приступѣ энергіи. А весь вопросъ дѣла, каково здѣсь было согласіе, какъ она согласилась. За что же карать ее—иначе и быть не могло при тѣхъ условіяхъ, въ которыя она была поставлена, не могло быть другого сопротивленія, кромѣ бесполезныхъ слезъ и мольбы, да и это сопротивленіе не могло не замереть, не перейти въ полное подчиненіе. „Г.г. прис.засѣдатели, я знаю, что мою мысль легко исказить и поэтому еще разъ выражу ее точно. Помраченная виномъ восемнадцатилѣтняя воля Коноваловой такъ же мало могла противиться страстной энергіи Павловой, какъ хрупкая жердочка непосильной тяжести. Это подавляло ее почти, какъ гипнозъ. Помраченною, захмѣлѣвшею головою Коновалова не отдавала себѣ отчета въ связи и послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Здѣсь было отра-

вление преступною мыслью, но, такъ сказать, уголовное недоотраженіе, не могущее влечь за собою смерти въ видѣ обвинительнаго приговора.

Павлова и Телѣгинъ въ это время, когда она едва очулась отъ обморока, заставляютъ ее помогать уложить трупъ, вымогаютъ у нея деньги и вещи. Телѣгинъ грабитъ тѣло, беретъ пальто, сапоги, выворачиваетъ карманы, надѣваетъ шапку убитаго. Изъ вещей, найденныхъ при обыскѣ у Телѣгина, кошелекъ и полотенце признаны за вещи Петра всѣми свидѣтелями. Надо ли послѣ этого доказывать эксплуатацію, которой подвергался потомъ два года Анна Коновалова? Если они мертваго не пощадил, то могли ли они пощадить ее, свою добычу, свой плодъ преступления? И, дѣйствительно, вымогательство не знаетъ удержа. Телѣгинъ и Павлова, враги здѣсь на судѣ, тогда все время дѣйствовали друзьями. Есть одно, обо что разобьются всѣ ихъ ухищренія. Коноваловой незначѣмъ лгать, а они ведутъ борьбу съ правосудіемъ и, чтобы ни было здѣсь, у нихъ на совѣсти двѣ души: Пётръ Коноваловъ и Анна Коновалова.

Коснувшись затѣмъ послѣдующей жизни Коноваловой, защитникъ заявилъ, что обращается не къ сердцу, а къ разуму присяжныхъ, просить не простить, а признать, что не было злой воли, а только помраченное, полудѣтское сознание, что эта кровь не на ней и закончилъ слѣдующими словами:

„Вамъ предстоитъ тяжелое дѣло. Когда умираетъ больной, старикъ,—его жаль, но гораздо сильнѣе сжимается сердце при смерти въ молодые года, гораздо больнѣе сломать молодую жизнь. Когда представляешь себѣ, во что она превратится черезъ какіе-нибудь полтора года послѣ вашего обвинительнаго приговора, то много очень мучительныхъ, очень серьезныхъ мыслей приходитъ въ голову. Это человѣческое чувство призываетъ васъ подавить во имя судейскаго долга. Но долженъ-ли онъ расколоться съ нимъ? Здѣсь царство правды; сурово и властно звучитъ ея голосъ, и тѣ милосердія мысли и чувства, что такъ просто рождались на волнѣ, кажутся чуть не святотатствомъ здѣсь подъ гипнозомъ этихъ стѣнъ. Но мудрый законъ не хочетъ, чтобы правда подавляла милосердіе—и для этого призываетъ васъ сюда. Вы пришли сюда съ воли, вы вносите сюда свѣжую струю. Сегодня борьба между обвиненіемъ и защитой есть борьба между эти стѣнами и вольнымъ воздухомъ. Все въ этомъ только: пусть не говорятъ вамъ, что общество требуетъ гибели девятнадцатилѣтней преступницы. Его именемъ здѣсь, кромѣ васъ, никто говорить не смѣетъ. Общество вѣритъ вамъ, общество само не видѣвшее послало васъ сюда—смотрите и судите. И вотъ вы увидѣли—и что вы увидѣли, вы скажете пославшимъ васъ“.

Рѣчь пом. прис. пов. А. И. Гиллерсона:

Въ настоящемъ дѣлѣ интересы подсудимыхъ представляются настолько спутанными, что, мнѣ думается, нельзя рѣшать судьбу одного изъ нихъ, не имѣя предъ глазами всѣхъ прочихъ подсудимыхъ, а равно и всю обстановку преступления. Исходя изъ этого положенія я, защищая Телѣгина, быть можетъ буду говорить не столько о Телѣгинѣ, сколько о всѣхъ прочихъ подсудимыхъ, такъ какъ изъ сопоставленія ихъ между собою можно будетъ рѣшить, кто истинно виновный, кто менѣе, и кто вовсе не виновный.

Обращаясь къ Коноваловой, я прежде всего въ ней усматриваю типичную, и притомъ весьма искусную кокетку. Только этимъ объясняется то неотразимое впечатлѣніе, которое она произвела на всѣхъ насъ своей пространный „исповѣдь“. Своей счастливою вѣщностью и своимъ искреннимъ, подкупающимъ тономъ она производила впечатлѣніе кающейся Магдалины. Но то была, господа, Магдалина не кающаяся, а Магдалина притворяющаяся! Когда Магдалина покаялась, она больше не

лгала, Коновалова же продолжаетъ лгать даже здѣсь, на скамѣ подсудимыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ этой ея „исповѣди“ и проанализируемъ ее.

(Защитникъ цитируетъ отдѣльныя мѣста изъ ея показаній и доказываетъ ихъ неправдоподобность). Но Коновалова не только кокетка: за одно кокетство, за одно умѣнье нравиться, денегъ, какъ известно, не платятъ. Чтобы этими талантами зарабатывать деньги, для этого недостаточно оставаться кокеткою, для этого надобно стать кокеткою. И мы видимъ, что кокетка Коновалова дѣйствительно дѣлается кокеткою Коноваловой. Что же съ ней происходитъ, когда она стала кокеткою? Тутъ та ложь, которая заложена въ ея душу, въ душу кокетки, находитъ себѣ обильное проявленіе въ каждомъ шагѣ ея жизни. Тутъ уже ей приходится лгать въ интересахъ заработка. Ей приходится казаться веселою, когда на душѣ, быть можетъ, грустно; ей приходится съ довольнымъ лицомъ принимать ласки мужчины, который быть можетъ ей противенъ. Но этого мало, что она сама лжетъ: она видитъ, что эта ложь и лицемеріе обильно разсыпаны вокругъ нея. Она помнитъ, что, когда она была честною горничною, скромною женою рабочаго Коновалова, ее такъ и трактовали, какъ горничную, какъ жену рабочаго,— другими словами, ее третировали. Но стоило ей стать кокеткою и отношенія къ ней измѣнились. Важные господа стали у нея бывать и платить ей деньги за право ее ласкать. Она знала, что среди нихъ есть такіе, у которыхъ дома остались жена и дѣти. Она понимала, что этой женѣ и этимъ дѣтямъ говорится, что они уходятъ по неотложнымъ дѣламъ, а эти дѣла сводились къ тому, что они тѣшили у нея въ спальнѣ. Среди нихъ могли быть и убѣжденные сѣдинами старцы; она знала, что у нихъ могутъ быть дочери одного возраста съ ней; она понимала, что этимъ дочерямъ говорится о дѣломудрїи, а ее, такую же молодую, они же развращали... Когда она была дѣвочкой, она училась въ какомъ-то прїютѣ. Тамъ она безъ сомнѣнія слышала о существованїи десяти заповѣдей. Она, безъ сомнѣнія, вѣрила въ ихъ святость; но что же она увидѣла, когда пришла въ возрастъ. Не на ея ли глазахъ на всѣхъ улицахъ Петербурга топталась въ грязь заповѣдь „не прелюбодѣйствуй“, и не ея ли самое дѣлало орудіемъ для вящаго глумленія надъ этой заповѣдью? А вѣдь между заповѣдями, господа, разстояніе очень маленькое. Если заповѣдь „не прелюбодѣйствуй“ ничего не стоящая заповѣдь, то чѣмъ же лучше заповѣдь „не укради“, и мы видимъ, что Коновалова послѣдовательна: въ этомъ же залѣ она раньше судилась за укрывательство кражи... А отъ заповѣди „не укради“ вѣдь только рукой подать до другой заповѣди, до заповѣди „не убій“! Правда, убійство само по себѣ нѣчто ужасное: отнимается навсегда и безповоротно жизнь человѣческая. Да, для насъ съ вами это понятно, но для Коноваловой, послѣ всего сказаннаго, это ужъ является тонкостью, притомъ такой, которую она, пожалуй, могла и не понимать. Она вѣритъ, что въ жизни преуспѣваютъ только тѣ, кто свое благополучіе строятъ на почвѣ лжи и лицемерія. А, усвоивъ себѣ такое положеніе, она и дома окружила себя сплошною стѣною лжи. Свою родную мать она выдаетъ за прислугу и называетъ ее пренебрежительно „Аннушка“, своего брата она выдаетъ за лакея: у нея самой, напр., прекрасное имя—ее зовутъ Анна. Чего же лучше? Нѣтъ она и тутъ должна солгать: она называетъ себя Ольгой.

Среди ея посѣтителей оказывается какой-то нѣмецъ. Да не все ли ей равно: нѣмецъ, французъ, англичанинъ, буръ,—лишь бы деньги платилъ. Такъ нѣтъ же, она нѣмца обращаетъ въ француза. За чѣмъ? Къ чему? Просто, она и тутъ не можетъ не солгать. Эта несчастная вся жила въ атмосферѣ лжи.

А если такъ, если она такова, то спрашивается, какую вѣру, какое значеніе мы можемъ давать показаніямъ Коноваловой? Какую вѣру, какое значеніе мы тѣмъ паче можемъ давать оговору Коноваловой? и можемъ ли на почвѣ ея оговора строить какіе либо выводы или даже предположенія? И не кажется ли вамъ, что было бы страшно за человѣка, если бы его участь зависѣла отъ того, что про него скажетъ эта Коновалова?

Оговоръ Коноваловой могъ имѣть значеніе лишь для прокурора, для судебного слѣдователя въ смыслѣ повода искать доказательствъ. Найдены доказательства—тогда оговоръ долой, и судите человѣка на основаніи этихъ доказательствъ, не найдено доказательствъ, тогда, значитъ, никакихъ доказательствъ и нѣтъ, такъ какъ, повторяю, оговоръ Коноваловой доказательствомъ почитаться не можетъ.

Я живо себѣ представляю, какъ эту несчастную впервые привели къ судебному слѣдователю. Тогда, изблываясь въ тяжкомъ преступленіи, она растерялась, а растерявшись, она нечаянно уронила слово правды. Это слово правды заключалось въ томъ, что мужъ ея, Петръ Коноваловъ, удушенъ, и что она, Коновалова, при этомъ присутствовала... А затѣмъ она успокоилась, въ ней проявилась обычная Коновалова, и она пошла лгать и измышлять. И вотъ ту крупицу правды, которую она нечаянно уронила, она тутъ же окутала цѣлой массой лжи и вымысла...

И въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ ея показанію, данному у судебного слѣдователя, постольку, поскольку это показаніе занесено въ обвинительный актъ. Откуда эта несчастная, юная Коновалова могла сохранить такую ясную память, чтобы рассказать такіе подробности судебному слѣдователю? Мы, даже скромные дѣятели на судебномъ поприщѣ, въ силу своихъ обязанностей, бываемъ близко поставлены къ такъ называемой, преступной средѣ; мы знаемъ, что даже привычные, прирожденные убійцы и тѣ не могутъ рассказать намъ подробности совершеннаго преступленія, такъ какъ убійство всегда является исключительнымъ преступленіемъ и даже привычные, прирожденные преступники страшно волнуютъ, совершая его. А между тѣмъ эта юная Коновалова, эта женщина—ребенокъ съ такою отчетливостью все помнить и, замѣтьте, черезъ два года послѣ совершеннаго преступленія? Да черезъ какіе два года! Въ продолженіе которыхъ вся ея жизнь была сплошнымъ чадомъ. Въдъ это время было для нея сплошною оргіей, гдѣ кутежи смѣнялись развратомъ и развратъ кутежами. Въдъ въ продолженіе этихъ 2-хъ лѣтъ она должна была совершенно утратить представленіе о времени, она должна была потерять мѣру днямъ и часамъ. Потребуйте, чтобы она рассказала, какъ она провела хоть одну недѣлю изъ этой своей ужасной жизни. Развѣ она будетъ въ состояніи!

Павлова родилась, росла и выросла въ деревнѣ. Придя въ возрастъ, она возымѣла желаніе переехать въ городъ. Сначала она перѣехала въ Старую Руссу, а оттуда перебралась сюда, въ Петербургъ. Въ Петербургъ ежедневно являются многія крестьянскія дѣвушки. Онѣ здѣсь поступаютъ въ работницы, дѣлаются прачками, просто батрачками. Не такова была Павлова! Тяжелый, черный, но честный трудъ ей былъ не по душѣ; и здѣсь, въ Петербургѣ, она прежде всего увлеклась изнаною прелестью жизни уличныхъ женщинъ. Но, не отличаясь сама ни красотой, ни изяществомъ, она не располагала, такъ сказать, никакими талантами для того, чтобы преуспѣвать въ той отрасли, которая именуется проституціей...

Павлова сблизилась съ Коноваловой и, такъ сказать, присосалась къ ней. Я лично убѣжденъ, что Павлова была первою учительницею, первою менторшею Коноваловой на этомъ поприщѣ, на попри-

щѣ разврата. Обѣ подруги въ концѣ октября уѣзжаютъ туда.

Дѣйствительно, районъ дѣятельности оказался подходящимъ. Коновалову сразу замѣтили и она стала дѣлать большіе успѣхи. Дѣло близилось къ праздникамъ: предвидѣлась горячая работа... Но вотъ несчастье; срокъ паспорта подходит; что дѣлать? Подруги начинаютъ совѣщаться, и въ головѣ Павловой созрѣваетъ планъ...

Коновалова и Павлова 1-го декабря возвращаются въ Петербургъ. Мы видимъ, что немедленно по приѣздѣ Коновалова отправляется къ мужу и проситъ его объ отдѣльномъ видѣ...

Я убѣжденъ, что Коноваловъ не хотѣлъ дать паспорта своей женѣ, и онъ, явившись 5 декабря съ женою въ участокъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы дать этотъ паспортъ,—нарочно повелъ себя въ участкѣ такъ, что его оттуда выгнали.

Съ другой стороны, для Павловой полученіе отдѣльнаго вида было очевидно невыгодно. Павлова понимала, что убей она Коновалова, она этимъ самымъ убиваетъ двухъ зайцевъ; съ одной стороны, она устраиваетъ человѣка, который всегда могъ стать между ней и Коноваловой—и между Коноваловой и улицей, а съ другой стороны, убивая Коновалова съ согласія Коноваловой, она этимъ самымъ связываетъ съ собою Коновалову навсегда на всю жизнь, по самый гробъ вѣчной, неразрывной тайной, тайной страшнаго преступленія... И вотъ Коноваловъ съ Ольгой вернулись, и Ольга безъ паспорта. Павлова облегченно вдохнула и тутъ то она рѣшила: сегодня или никогда! Она больше не хочетъ подвергать себя такимъ испытаніямъ, она больше не хочетъ подвергать себя риску потерять эту Ольгу, и она рѣшила: только сегодня, и только сегодня...

Коновалова продолжаютъ угощать, совсѣмъ пьянаго укладываютъ въ постель; достается шелковый шнурокъ. Онъ быстро обматывается вокругъ шеи спящаго Коновалова. Два—три усилія, и столь счастливо начатый тихій и безмятежный сонъ Коновалова переходитъ въ вѣчный, непробудный сонъ...

Господа присяжные засѣдатели! Чтобы такимъ путемъ покончить съ опьянѣвшимъ и спящимъ человѣкомъ, чтобы помощію шелковаго шнурка человѣка не стало,—для этого требуются двѣ руки, и только двѣ руки,—не меньше, но и не больше; третья рука тутъ бы только мѣшала; третьей рукѣ тутъ дѣлать было нечего. Тутъ требовались двѣ руки; одна рука должна потянуть за одинъ конецъ шнурка въ одну сторону—другая рука за другой конецъ шнурка въ другую сторону, повторяю, пужны два—три усилія, чтобы человѣка не стало; тутъ требовались двѣ руки, и эти двѣ руки принадлежали Павловой... Это въ ея головѣ созрѣлъ планъ преступленія; это она была душою преступленія; это она рѣшила судьбу Коновалова и она же это рѣшеніе привела въ исполненіе. Все преступленіе отъ начала до конца—дѣло ея ума, ея сердца, ея рукъ!...

Что же представляетъ собою Телѣгина? Вотъ, что мы о немъ знаемъ по обстоятельствамъ дѣла.

Мирный, скромный, крайне ограниченный, тихій и работающій Телѣгинъ живетъ у себя въ деревнѣ и занимается сельскимъ хозяйствомъ. Зимой онъ занимается тѣмъ, что возитъ камни въ городъ, въ Старую Руссу. На его несчастье въ деревню приѣхала изъ Петербурга его двоюродная сестра, эта крайне болтливая и суетная старуха Киселева. Киселева прежде всего начинаетъ хвастать своей дочерью. Рассказываетъ, что дочь ея имѣетъ большія связи и можетъ доставлять мѣста. Она, Коновалова, устраиваетъ карьеры... Киселева приглашаетъ въ Петербургъ не только Телѣгина, но даже всю деревню: всѣмъ, всѣмъ она общается мѣста. Телѣгинъ—что?—Телѣгинъ прежде всего глупъ; да почему и не воспользоваться тѣмъ, что въ Петербур-

тѣ у него проживаетъ такая важная родственница, какъ Анна Коновалова. Телѣгинъ, посовѣтовавшись съ женой, рѣшилъ принять предложеніе Киселевой, и онъ, дѣйствительно, прѣзжаетъ въ Петербургъ. Надо сказать правду, что Киселева сдержала свое слово. Она любезно приняла Телѣгина и познакомила его со старшимъ дворникомъ Трифоновъ, который далъ ему на первыхъ порахъ работу; но кромѣ того, она также свела его въ пріютъ для слѣпыхъ, гдѣ ему общено было мѣсто. Телѣгинъ жилъ въ комнатѣ Киселевой. Телѣгинъ рано утромъ уходитъ на работу и возвращается домой поздно ночью, и если видитъ кого, то только одну Киселеву...

Перехожу опять ко дню 5-го декабря.

Въ вечеръ этого дня Телѣгинъ былъ у всенощной, потомъ вернулся домой, закурилъ и услышалъ, что пришелъ Коноваловъ, тутъ онъ впервые его увидѣлъ. Телѣгина посылаютъ за водкой, а затѣмъ за старшимъ дворникомъ. Все пьютъ водку; Телѣгинъ же сидитъ въ углу на кровати, гдѣ спала маленькая дѣвочка—дочка Киселевой. Затѣмъ, Коноваловъ съ женой отправляется въ участокъ, Киселева и Павлова уходятъ въ гостиную. Телѣгинъ остается одинъ, но онъ видитъ, что со стола еще не приборано—значитъ, ложиться спать еще нельзя. Черезъ нѣкоторое время, послѣ того какъ Коноваловъ съ женой вернулись изъ участка, Телѣгинъ, увидя, что со стола все убрано и даже лампа погашена, сбѣлалъ свою постель и легъ спать. Не успѣлъ онъ еще уснуть, какъ услышалъ, что кто-то уходитъ и про себя рѣшаетъ, что ушелъ, очевидно, П. Коноваловъ. Но черезъ нѣсколько времени его уснувшего уже будитъ Киселева и сообщаетъ ему, что Коноваловъ удушенъ. Что же долженъ былъ испытывать при этихъ словахъ Телѣгинъ? Онъ начинаетъ метался и его трясетъ, какъ въ лихорадкѣ; онъ весь въ ужасѣ; у него вырываются какіе-то неясные глухіе звуки; онъ что-то бормочетъ, онъ о чемъ-то кричитъ.

Женщины требуютъ отъ Телѣгина, чтобы онъ помогъ имъ уложить трупъ. Телѣгинъ отказывается не потому конечно, чтобы онъ боялся наказанія—онъ тогда объ этомъ не думалъ. Онъ отказывается потому, что онъ физически не могъ идти: его трясетъ, какъ въ лихорадкѣ. Тогда всѣ три женщины, безнадежно махнувъ на него рукой, уходятъ въ спальню. Телѣгинъ взбирается на кровать и обезумѣвшій жметъ къ ребенку. Съ лучомъ свѣта Телѣгинъ прободрился. Онъ вылезъ изъ подъ своего одѣяла и сталъ торопливо одѣваться. Въ это время изъ спальни вышла старуха Киселева. Увидѣвъ одѣвающегося Телѣгина, она посылаетъ его за извозчиками. Телѣгинъ быстро одѣлся и вырвался вонъ на Божій свѣтъ. Телѣгинъ, дѣйствительно, посылаетъ извозчиковъ. Но замѣьте характерную подробность: онъ съ ними даже не торгуется; вполнѣдствіи его за это бранили, такъ какъ каждому извозчику пришлось заплатить по рублю—цѣлкому. Онъ позвалъ извозчиковъ и только сказалъ имъ: „повѣжайте туда, тамъ вы нужны!“ А самъ, самъ онъ убѣжалъ въ церковь и тамъ въ земныхъ поклонахъ онъ, безхитрый мужикъ, возносить горячія молитвы къ Господу Богу за упокой души убѣннаго Петра Коновалова... Изъ церкви Телѣгинъ вернулся домой. Онъ въ тотъ же день хотѣлъ убѣжать. Женщины стали отъ него допытываться, гдѣ онъ былъ. Онъ его спрашиваютъ, не былъ ли онъ у своихъ земляковъ, не набобталъ ли онъ чего; затѣмъ стали его увѣрять, что онъ хотѣлъ надъ нимъ лишь пошутиться, но что Коноваловъ дѣйствительно ушелъ, что его никто не душилъ.

Намъ нужно рѣшить, дѣйствительно ли Телѣгинъ думалъ, что Коноваловъ ушелъ, или же онъ это выдумалъ. На счастье для Телѣгина это обстоятельство находитъ себѣ неожиданное подтвержденіе въ показаніи старухи-Киселевой. Когда ее допрашивали у судебного слѣдователя по обвиненію въ убій-

ствѣ, она, ища собственнаго спасенія, говорить, что когда она вернулась, то Телѣгинъ сказалъ ей, что Коноваловъ ушелъ. Разъ такой фактъ существуетъ, разъ существуетъ такое поразительное совпаденіе въ показаніяхъ, то вы этого игнорировать не можете, и у васъ должны разбѣяться всякія сомнѣнія относительно невинности Телѣгина.

Заканчивая свою рѣчь, защитникъ, между прочимъ, сказалъ: „Когда въ ту роковую ночь старуха Киселева почувала, что затѣвается нѣчто ужасное, она сказала Телѣгину: „будетъ чудо!“ И чудо дѣйствительно совершилось: Коноваловъ погибъ. Разныя, господа, бываютъ чудеса; и быть можетъ многія чудеса явились въ мірѣ помощью преступленія... Но бываютъ и такія чудеса, которыя ничего общаго съ преступленіемъ не имѣютъ.

Когда люди въ страстныхъ поискахъ за истиной впадаютъ въ ошибку, и если эта ошибка—роковая судебная ошибка, то это тоже чудо и притомъ страшное чудо.

Мнѣ думается, что если Телѣгинъ, при личности тѣхъ данныхъ, какія имѣются, будетъ осужденъ, то это будетъ однимъ изъ такихъ чудесъ. Но я надѣюсь, что съ Божьей помощью это чудо не свершится, и съ вашей помощью Телѣгинъ не погибнетъ!

Рѣчь частнаго повѣреннаго Дезобри.

Не слишкомъ ли много обвинителей, и обвинителей незваныхъ, выступило сегодня противъ одной угнетенной, измученной и больной Павловой?

Тяжело положеніе того, г. присяжные засѣдатели, кому приходится служить мишенью для стрѣлъ съ прокурорской трибуны, но положеніе это становится еще тяжелѣе, еще безотраднѣе когда тѣ, кто призванъ защищать, контрабандой проводятъ подъ флагомъ защиты тоже обвиненіе!....

Нѣтъ суда безъ обвиненія, но обвиненія государственнаго, но что здѣсь надо господамъ добровольцамъ обвиненія? Не хотятъ ли они обвинить другого, замаскировавъ собственную слабость? При такомъ положеніи дѣла моя задача, какъ защитника, дѣлается еще труднѣе, еще ответственнѣе и поневоля я вынужденъ буду обороняться тѣмъ же орудіемъ, которое направлено на меня; и пусть не пеняютъ на меня, если въ самозащитѣ я вынужденъ буду перейти въ наступленіе и вмѣсто г. прокурора взять на себя обвиненіе этой невинной жертвы!...

Затѣмъ защитникъ перешелъ къ подробной характеристикѣ Коноваловой, доказывая ея лживость и испорченность. „Она лгала всю жизнь, лжетъ вамъ и теперь господа“, говорилъ онъ. Перейдя къ разбору показанія Коноваловой, г. Дезобри указывалъ на цѣлый рядъ противорѣчій и лжи. „Итакъ, гдѣ же искренность въ этомъ показаніи“, говорилъ онъ, заканчивая эту часть рѣчи: „защита Коноваловой говорила вамъ, что она все сказала, а я добавлю: и все солгала! А на этомъ показаніи вы должны строить все обвиненіе Павловой,—не слишкомъ ли шаткій это будетъ фундаментъ?“

Далѣе, защитникъ доказывалъ, что убійство нужно Коноваловой, а у Павловой нѣтъ мотивовъ для совершения преступленія: Павлова, гораздо состоятельнѣе Коноваловой. Павлова, больная женщина, подъ угрозами убійцъ вывезла трупъ, и она уже довольно потерпѣла за это участіе въ преступленіи: перенесла девятимѣсячную тяжкую болѣзнь, лишилась ребенка и семьи.

Сравнивая Коновалову и Павлову, г. Дезобри закончилъ свою рѣчь такъ:

„Вашего приговора, господа присяжные засѣдатели, ждутъ двѣ женщины: тихая и кроткая Коновалова и хитрая и ловкая Павлова (такой ее рисуетъ сама Коновалова). Эти женщины—обѣ крестьянки, обѣ портнихи, обѣ онѣ сошлись сегодня на скамьѣ подсудимыхъ, но одна изъ нихъ—тихая и кроткая Коновалова пришла изъ богатой квартиры,

оставивъ тамъ золото и брилліанты, другая—хитрая и ловкая Павлова пришла изъ каморки мужа швейцара, гдѣ нѣтъ даже и предметовъ первой необходимости; тихая и кроткая Коновалова оставила любовника и содержателя, хитрая и ловкая Павлова законнаго мужа и маленькаго сынишку....

Но, конечно, правда должна торжествовать! Будь женщиной чистой, кроткой и ты будешь ходить въ шелку и брилліантахъ, но если ты зла и коварна, вездѣ ждетъ тебя!! И вотъ результатъ на лицо: судьба свершилась! Обѣ эти женщины сошлись на одной и той же скамьѣ позора и несчастья, но тихая и кроткая Коновалова въ ореолѣ мученицы и жертвы ждетъ вашего оправдательнаго приговора, а хитрая и ловкая Павлова ждетъ обвиненія за убійство чужого мужа, до котораго ей и дѣла то не было, господа!...

Рѣчь пр. повѣреннаго Г. С. Аронсона:

Гг. присяжные засѣдатели! Если ужасно преступленіе, совершенное подсудимыми, если удручаетъ всѣхъ картина убійства, фотографическія карточки, снятыя съ убитаго, безконечное чтеніе протоколовъ осмотра трупа, то еще болѣе, во сто кратъ болѣе, угнетаетъ насъ всѣхъ та борьба, которая происходитъ здѣсь между подсудимыми, борьба не на жизнь, а на смерть. Всѣ они стоятъ на краю пропасти, на самомъ краю ея, видятъ, что не спастись имъ всѣмъ и, обезумѣвъ отъ страха и жажды жизни и свободы, которую навсегда утрачиваютъ, каждый изъ нихъ употребляетъ невѣроятныя усилія—столкнуться въ пропасть другого.

Гг. присяжные засѣдатели! Скамья подсудимыхъ—это та узкая, нетвердая какъ трясины, засасывающая небольшая полоска земли, которая отдѣляетъ человѣка отъ бездны—и болѣею частью люди незаметно для себя подходятъ къ ней, вступаютъ на эту полосу и тогда только близкая гибель заставляетъ ихъ одуматься и съ тоской невыразимой взглянуть назадъ, на пройденный путь, на широкое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ пропасти, на твердую почву, покинутую ими.

Немудрено, что когда нѣсколько такихъ несчастливцевъ сходятся вмѣстѣ и видятъ свою гибель—каждый перестаетъ жалѣть другого. Тутъ всѣ, правый и неправый, слабый и сильный, злой и добрый—одинаково жестоки, безсердечны, когда въ гибели другого видятъ свое спасеніе. Это положеніе подсудимыхъ, это зрѣлище борьбы ужаснѣе самаго преступленія, совершеннаго ими.

Я, какъ и вы, выслушалъ и обвинительную и всѣ защитительныя рѣчи, какъ и вы, я наблюдалъ всю эту борьбу, и не могу молча пройти мимо страданія этихъ, хотя и жестокихъ, но глубоко несчастныхъ людей.

Тутъ собственно двѣ борющіяся стороны—Коновалова и ея мать Киселева, съ одной стороны и остальные подсудимые—съ другой. Коновалова создалась передъ агентомъ Лукашуконъ, передъ слѣдователемъ, сознается теперь передъ вами въ совершенномъ преступленіи и оговариваетъ Павлову и Телѣгина, а отчасти и свою мать.

Сознаніе Коноваловой—вотъ матеріалъ для вашего сужденія, потому что остальные подсудимые кто отчасти, а кто и совсѣмъ не сознаются въ совершеніи преступленія. Но и сама Коновалова въ сущности не признаетъ себя виновной. Иное дѣло сознаться въ преступленіи—и признать себя виновнымъ.

Когда человекъ говоритъ: я сознаюсь, что совершилъ то-то и то-то—онъ только сознается въ совершеніи, а когда онъ говоритъ: „я виноватъ, что совершилъ“,—онъ признаетъ себя и виновнымъ.

Вотъ причина и исходный пунктъ борьбы между подсудимыми. Сознаваясь въ преступленіи, Коновалова считаетъ виновниками его Павлову и Телѣгина, какъ вовлекшихъ будто бы ее, заставившихъ

ее подписать мужу смертный приговоръ, который они же привели въ исполненіе. Павлова и Телѣгинъ, въ свою очередь, сознаваясь въ укрывательствѣ совершеннаго уже преступленія, не зная даже, какъ оно совершилось,—виновницею ихъ грѣхопаденія считаютъ Коновалову, заставившую ихъ укрывать ее и ея мать, убившихъ Коновалова.

Коновалова говоритъ, что знала о томъ, что заговаривается дѣло недоброе, преступное, но въ совершеніе его не вѣрила, да и остановить не могла.

Анисимовъ, отецъ Павловой, тоже не зналъ преступленія, даже не указывалъ, а спасалъ дочь, которая откуда то привезла домой, въ деревню, трупъ; вдобавокъ былъ очень пьянъ и ничего не помнить.

Вотъ въ двухъ словахъ сущность самозащиты всѣхъ подсудимыхъ; остальное—детали, мелочи.

И такъ Коновалова ли говоритъ правду? или остальные подсудимые? Я не стану подробно разбирать ихъ показанія. Вы отлично помните ихъ: обвинитель и пять защитниковъ до меня, каждый съ своей точки зрѣнія, освѣщали ихъ, указывали на отдѣльныя фразы, на тонъ, которымъ давались показанія, на выраженіе лица подсудимыхъ, когда они защищались, указывали вамъ на прошлое подсудимыхъ—чтобы легче вамъ было понять этихъ людей, оцѣнить ихъ правдивость. Не щадя друга друга боронись подсудимые—не пощадилъ ихъ, по печальной необходимости, и защитники. Какими ужасными красками рисовали портреты подсудимыхъ. Вы помните: одинъ изъ защитниковъ Коноваловой предупредилъ, что стоя на стражѣ интересовъ Коноваловой, грудью защищая ее, онъ всею силою доводовъ и фактовъ, будетъ доказывать виновность остальныхъ подсудимыхъ.

Мрачно и со всею суровостью продолжалось послѣ рѣчи прокурора обвиненіе этихъ несчастныхъ людей, давались отвѣты на возможные возраженія съ ихъ стороны, отвѣты на ихъ будущую защиту. И дѣйствительно, возраженія послѣдовали, ужасныя возраженія! Защита Павловой на обвиненіе жестокое отвѣчала обвиненіемъ не менѣе жестокимъ и т. д.; нѣсколько разъ, дѣлалъ два дня!

Болѣ сильныхъ мученій никогда не придется пережить подсудимымъ потому, что даже обвинительный приговоръ принесетъ имъ тѣ страданія, которыя они ожидали, могли ожидать, но пять обвинителей для каждаго—это слишкомъ много и несправедливо—это неожиданно для нихъ!

Я помню, какъ послѣ рѣчи обвинителя лучше надежды блеснулъ въ глазахъ Коноваловой, когда она услышала рѣчи своихъ защитниковъ. Она смотрѣла на васъ, господа присяжные, и глаза ея говорили: вы слышите, что говорятъ мы въ защиту, и говорить кто, добрые, какъ и вы, граждане, которые, какъ и вы, завтра могутъ быть судьями такихъ же какъ и мы, преступныхъ и несчастныхъ. Вы забудьте то, что говорилось про меня дурного на судѣ, вы меня знаете всего 3 дня, мои защитники лучше меня знаютъ; они нѣсколько мѣсяцевъ посѣщали меня въ тюрьмѣ, не разъ слышали мою тюремную исповѣдь! О, вы имъ повѣрите!

Боже мой, что происходило въ это время въ душѣ остальныхъ подсудимыхъ. Съ нѣмымъ ужасомъ въ глазахъ искали они вашего взгляда, хотѣли угадать ваши мысли, понять, вѣрите ли вы въ то, что говорятъ о нихъ, людяхъ жестокихъ, погибшихъ. Они слышатъ, какъ вамъ говорятъ: „взгляните въ глаза Коноваловой и остальнымъ подсудимымъ и вы увидите, кто говоритъ правду и кто лжетъ, кто совершенно испорченъ и кого еще можно исправить“—и судорога искривляетъ ихъ лицо, они снова ловятъ вашего взгляда и снова не встрѣчаютъ его. Они не знаютъ, что ихъ судьи не пойдутъ по этому пути, что это жестокой и опасный для судьи приемъ, которому вы не послѣдуете.

Но кончена защита Коноваловой, говорятъ въ защиту Павловой, Телѣгина, и опять жестокое обви-

неніе, по уже Коноваловой и Киселевой. Испорченная натура, развратница, хищница, кокетка и притворщица, мать, продающая дочь за жите прайдное и на всемъ готовомъ, дочь, торгующая собою, случайно вовлеченные ими Поповъ и Тельгинъ, эти голодные погибшіе изъ-за насущнаго хлѣба, полубольная Павлова и безвольный Тельгинъ въ рукахъ опытной и хитрой Коноваловой и т. д. и т. д. безъ конца!!

Измученное, больное сердце Павловой отдыхаетъ въ это время. Ужасъ въ глазахъ смѣняется надеждой, даже у застывшаго съ перваго дня Тельгина навернулись слезы, и они вѣрятъ, что и ихъ пожалѣютъ, что не все, что о нихъ говорилось, примете вы за истину, и они умоляющимъ взглядомъ, какъ полуглазые звѣри въ клѣткѣ глядятъ на васъ, имъ кажется, что вы уже не такъ сурово смотрите на нихъ, вы серьезно слушаете ихъ защиту! Счастливыя минуты переживаютъ они! Послѣднія минуты надежды, которая теперь покидаетъ уже Коновалову; въ волненіи она слушаетъ свое обвиненіе, новое, сильнѣе прокурорскаго, потому, что оно хотя и невольно,—пристрастное, одностороннее. Да! ей кажется, что все кончено!

Никто уже не скажетъ ей ничего въ защиту, а обвинители все говорятъ и говорятъ; какъ и раньше Павлова, такъ теперь Коновалова не выдерживаетъ—ее выносятъ въ истерическомъ припадкѣ.

Защита—это молитва за грѣшныхъ объ отпущеніи имъ прегрѣшеній вольныхъ и невольныхъ. Я говорю послѣднимъ и пусть мою молитву не омрачатъ проклятія. Никого не буду я обвинять, пусть примиритъ она этихъ несчастныхъ между собою, пусть дастъ она имъ силы выслушать тотъ приговоръ, который ваша совѣсть продиктуетъ имъ.

Перехожу къ защитѣ Киселевой.

Она обвиняется въ двухъ преступленіяхъ, одинаково ужасныхъ, жестокихъ: въ убійствѣ въ обществѣ съ другими лицами и дочерью мужа послѣдней и въ торговлѣ изъ корыстныхъ видовъ своею дочерью.

Прокуроръ и остальные защитники сходятся въ этомъ взглядѣ на личность Киселевой и на ея отношенія къ дочери.

Прежде чѣмъ доказывать свою невинность въ убійствѣ Коновалова, будь то активное соучастіе или попустительство, какъ склоненъ думать теперь г. прокуроръ, ей надо оправдаться во второмъ, неофициально предъявленномъ ей обвиненіи.

Если Киселева дурная мать, не только не воспитавшая свою дочь, но толкнувшая ее на позорную, развратную жизнь, которая настолько испортила Анну Коновалову, что она дошла до преступленія, то нѣтъ для нея наказанія достаточнаго—она погубила двѣ жизни и если я не докажу вамъ, что она не виновата въ этомъ, то карайте ее—я молчу. Трудно, почти невозможно было-бы ей оправдаться словами, отдѣльными фактами, если бы за нее не была вся ея долготѣльная, несчастная жизнь, полная мученій, горя и униженія и любви къ дочери.

Что такое Киселева, какъ она обрисовалась на судебномъ слѣдствіи, если безпристрастно взвѣсить все о ней сказанное?.. Всю жизнь прислуга, существо забытое, подневольное... Въ далекомъ прошломъ она была прислугой въ деревнѣ у своего отца, чело-вѣка, по ея словамъ, очень суроваго, который выдалъ ее замужъ противъ ея воли за неудачника и лѣнтяя. Съ переходомъ къ мужу жизнь еще ухудшилась. Радостей убавилось, не такъ сыта она была, за то прибавилось вдоволь побоевъ. Родились двѣ дочери и сынъ, стали подростать, надо было ихъ кормить, чему нибудь научить; переходитъ она отъ мужа кухаркой къ постороннему лицу, у котораго служить 8 лѣтъ, ея довольны, ее жалюгъ, снисходятъ на ея постоянныя просьбы объ устройствѣ судьбы ея дѣтей. Ея дочь, ея Аню помѣстили въ пріютъ,

гдѣ ее учатъ ремеслу и такъ какъ дѣвочка трудолюбива, скромна—ее въ пріютѣ балуютъ, семья са-мого начальника любитъ ее и принимаетъ у себя. Ея мальчика она помѣстила въ мастерской—онъ подростетъ и будетъ поддерживать старуху мать! Въ это время умеръ ея первый мужъ и на горе себѣ она снова выходитъ замужъ, въ надеждѣ, что теперь ея жизнь устроится. Увы! Преній мужъ обижалъ только ее, новый сталъ надругаться и надъ ея дѣтьми.... Вскорѣ послѣ вступленія въ бракъ ей пришлось взять дочь изъ пріюта, такъ какъ теперь приходилось платить за нее, а взять было не откуда, служить мужъ не разрѣшалъ—ему лишь нужна была кухарка, ему нуженъ былъ чело-вѣкъ, надъ которымъ всегда можно было издѣваться. Дѣвочку (Коноваловой было въ это время 15 лѣтъ) помѣстили въ абажурную мастерскую, чтобы, наконецъ, зарабатывать деньги сама. Дѣвочка стала работатъ—мать радовалась, какъ вдругъ отчимъ рѣшилъ выдать падчерицу замужъ за молотобойца, пьяницу и опустившагося чело-вѣка, котораго мать во что бы ни стало хотѣла женить, чтобы онъ „остепенился“. Ни дочерняя, ни женины слезы не помогли, и Киселевъ выдалъ 16-ти лѣтнюю Анну замужъ за Коновалова. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ сама Коновалова на судѣ и что подтверждаютъ и свидѣтели. „Мать хотя и не была согласна на этотъ бракъ, очень плакала и молила отчима не губить меня, но не могла ничего подѣлать: она должна была покориться отчиму. Онъ былъ такой чело-вѣкъ, что его послушаться нельзя было, страшный у него былъ характеръ—избилъ-бы, а все-таки по своему сдѣлалъ бы!“

Вы слышали уже, какова была жизнь Коноваловой съ молотобойцемъ мужемъ, который пропивалъ все, даже вещи жены. Слышали, что она приходила къ свекрови просить ночлега. Помните, что когда она ушла отъ него и поселилась отдѣльно, Коноваловъ навѣщалъ ее для того, чтобы получить взятку за выдачу паспорта, а иногда для того, чтобы сорвать на ней свою злобу. Скромный и тихій чело-вѣкъ въ трезвомъ состояніи, онъ звѣрѣлъ, когда былъ пьянъ, и до полусмерти избивалъ жену и ея мать, Киселеву.

Все это говорили намъ ея защитники. Вамъ теперь необходимо знать, какъ и зачѣмъ пошла къ дочери Киселева и какъ она жила у нея. Вскорѣ послѣ того, какъ дочь разошлась съ мужемъ, Киселевъ, получившій мѣсто дворника, прогналъ свою жену—старуха пошла къ дочери, которая, какъ вы помните, въ это время сошлась съ кѣмъ-то и жила въ двухъ комнаткахъ. Ей нужна была прислуга—мать поступила къ ней за столъ и квартиру и поселилась въ кухнѣ. Положеніе дочери измѣнилось съ внѣшней, матеріальной стороны, къ лучшему: она уже не голодала, какъ съ мужемъ, не жила въ грязной конурѣ, на кухнѣ, измѣнилось ли въ чемъ-нибудь положеніе Киселевой? О, да! къ худшему... Таковъ ужъ ея удѣлъ! Вы слышали—не знаю, правда ли это—что ея дочь опускалась все ниже и ниже, что она заливала съ горя, такъ какъ мужъ не давалъ отдѣльнаго вида, шантажировалъ ее; приходилось иногда прятаться отъ полиціи, которая дѣлала на нее облавы, приходилось проводить ночи въ подвалѣ или на чердакѣ. Сколько горя натерпѣлась несчастная мать, не зная, чѣмъ помочь дочери, потерявъ всякое вліяніе на нее. „Бывало, говорить, ночи не спишь, боясь какъ бы не изловили дочь, съ квартиры гонять, всякій оскорбляетъ, а тутъ еще и зять придетъ пьяный, денегъ, водки требуетъ, еще больше напивается и бьетъ и меня и дочь. Я его пуше огня боялась—приду, говорить, и всѣхъ перерѣжу. Дочь до того добилъ, что у нея и теперь, три года спустя, еще бокъ болитъ; все топталъ ее ногами“. Вы помните, что привычка смотрѣть на мать, какъ на прислугу, настолько быстро вкоренилась у Анны Коноваловой, что она

ее иначе не называет, как Аннушка, кухарка, прачка. И это не съ цѣлью оскорбить, а просто по мѣсту и чину. Даже Телѣгинъ разъ упрекнулъ Коновалову, когда поселился у нихъ, что „она матерью Киселеву никогда не назоветъ, а все кричитъ на нее: Аннушка, да Аннушка“. Даже послѣ убійства Петра, когда Киселева, вернувшись домой, услышала крикъ дочери воды, воды, побѣжала подать ей воду, Коновалова, придя въ себя—крикнула ей: Аннушка зажги лампу.

Всю жизнь кухарка при родныхъ, всю жизнь чelовѣкъ подневольный, забытый! Но, можетъ быть, хотя и унижена, но вознаграждена? Нѣтъ! Кусокъ насущнаго хлѣба и кровать на двухъ дощечкахъ въ кухнѣ—вотъ все, что имѣла Киселева отъ дочери! Это говорятъ всѣ знавшіе жизнь Коноваловой свидѣтели, даже подсудимые. Словомъ, только лѣнливый не билъ и не оскорблялъ старуху, и она имѣла право съ грустью сказать одной изъ свидѣтельницъ, своей землячкѣ; „несчастлива была моя мать, несчастна я всю жизнь, несчастлива и моя дочь! Стало быть, такъ ужъ намъ на роду написано!“ Правы-ли тѣ, кто говорилъ вамъ, что „за житье прасдное, на всемъ готовомъ“, мать развращала и продавала свою дочь? Нѣтъ, глубоко несправедливы они, эти обвинители! Пока могла—она воспитывала свою любимицу, довела до 15-ти лѣтъ, лелѣла ее, съ горькими слезами проводила ее къ вѣнцу, да такъ уже и не переставала плакать до сегодняшняго дня, болѣя душой за дочь, такую молодую, такую несчастную! Да развѣ она не имѣла права на этотъ кусокъ хлѣба и на кровъ: вѣдь собаку, къ которой вы привыкли, вы не прогоните, накормите и уголь дадите!

Да наконецъ, законъ обязываетъ дѣтей содержать престарѣлыхъ родителей и караетъ за отказъ въ такой поддержкѣ. Но довольно!.. мнѣ кажется, обвинителямъ не слѣдовало касаться этого, а тѣмъ болѣе ставить въ вину Киселевой. Она не развращала своей дочери и не извлекала для себя изъ ея позорной и жалкой жизни никакой выгоды.

Перехожу ко второму обвиненію—въ убійствѣ или хотя-бы въ попустительствѣ къ убійству, какъ теперь заявляетъ прокуроръ. Впрочемъ, одно отъ другого очень недалеко. Я уже сказалъ вамъ, что главный, почти единственный матеріалъ для вашего сужденія о виновности подсудимыхъ составляетъ показаніе Коноваловой.

Послѣ сознанія Коноваловой были арестованы всѣ остальные подсудимые, оно было исходнымъ пунктомъ полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія, легло въ основаніе обвинительнаго акта, по нему распределены и мѣста на этой скамьѣ. Это—сознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ оговоръ. Упомянуты имена всѣхъ подсудимыхъ, своихъ соучастниковъ, Коновалова называетъ и мать, но прибавляетъ, что мать участія въ преступленіи не принимала. И даже отговаривала. Правду ли говоритъ Коновалова и не защищаетъ ли она свою мать? Первый вопросъ—старый, съ нимъ издавна считается законъ и наука права—это вопросъ о значеніи оговора, какъ доказательства, улики въ уголовномъ дѣлѣ. Оговоръ только тогда имѣетъ силу улики, когда подтверждается обстоятельствами дѣла, и когда подсудимый отговариваетъ кого-либо не для того, чтобы выговорить, подмѣнить себя другимъ лицомъ. Вотъ минимумъ требованій для признанія за оговоромъ силы улики. Вы помните, какъ было дано первое показаніе Коноваловой: неожиданно, поздно вечеромъ, слишкомъ два года спустя послѣ убійства, она была арестована чиновникомъ Лукашуконъ, немедленно доставлена въ управленіе сыскаго полиціи, гдѣ ей тотчасъ показали карточку угнетеннаго—мужа. Едва не лишившись сознанія отъ страха и угрызненія совѣсти, она умоляетъ убрать карточку и подъ влияніемъ минуты рассказываетъ все, до мельчайшихъ подробностей, не спасая себя, не

щадя другихъ, даже мать. Можетъ быть она подготавлила рассказъ за трехлѣтній промежутокъ? Нѣтъ. Убийца никогда не вѣрится въ то, что его поймаютъ, несмотря на то, что онъ всегда волнуется и боится, что его откроютъ. Онъ всегда гонитъ эту мысль отъ себя и ужъ конечно не готовится до ареста защитительныхъ рѣчей. Послѣ ареста—наоборотъ, онъ уже ищетъ въ себѣ самомъ оправданія своему поступку и готовится къ отвѣту. Да, если бы Коновалова готовила себѣ защиту, то неужели за три года не придумала лучшаго, какъ сказать, что не знаетъ, за что убила мужа, что онъ хотѣлъ дать ей паспортъ, что убивать его не было цѣли? Вы слышали, говорить, она послѣдніе годы жила въ омутъ развратной жизни шансонетныхъ пѣвицъ, слышала вѣроятно много романическихъ рассказовъ, читала газеты объ убійствахъ изъ ревности и мести—могла бы она придумать что-нибудь и себѣ въ защиту—нѣтъ, она предаетъ себя вполне, не скрывая даже, что все видѣла, все помнитъ, даже помогала переносить мужа, держала двери, пока душили его: махиха-судьба наконецъ пожалѣла ее и какъ бы внушила ей мысль говорить правду, одну только правду—и въ этомъ для нее есть уже доля спасенія!

Но отнесемся критически, съ осторожностью къ ея показанію. Правдоподобно ли оно?..

Возможно ли такое участіе въ ужасномъ преступленіи людей, ей почти чужихъ, незаинтересованныхъ повидимому? Чтобы вы поняли душу и помыслы подсудимыхъ, вамъ приводили примѣры изъ литературы, указывали на Раскольникова, на его душевное состояніе, читали стихи изъ Тургенева и Никитина, цитировали даже американскихъ поэтовъ, ссылались на ученые труды извѣстнаго психіатра объ отсутствіи свободной воли, состояніи аффекта и т. д. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что все это не то, что все это не совсемъ кстати, кромѣ развѣ ссылки на учебникъ психіатріи. Тамъ, пожалуй, и можно найти объясненіе поступковъ подсудимыхъ, но вѣдь для этого надо признавать ихъ больными. Къ сожалѣнію, даже великіе психіатры имѣютъ дѣло только съ больными людьми, больной душой. А вѣдь намъ надо понять душу здоровыхъ людей. Я осмѣлюсь сказать, что скорее это дѣло напоминаетъ „Власть тьмы“ или „Коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть“. Великій авторъ этого произведенія, который читаетъ въ душѣ чelовѣка, какъ въ раскрытой книгѣ, называя свою драму „Коготокъ увязъ и т. д.“, не о больныхъ въ медицинскомъ смыслѣ говоритъ: у каждаго можетъ увязнуть коготокъ, но тогда всей птичкѣ пропасть. Такъ пропала Коновалова, когда, уйдя отъ мужа, не сумѣла удержаться, встала на ноги.

Право эти люди (если, конечно, довѣрятъ разсказу Коноваловой о томъ, что ее втянули въ это преступленіе) похожи на Анисью, Матрену изъ „Власти тьмы“. Я долженъ оговориться, что Коновалова далеко не Анисья, но во сто кратъ болѣе похожа на нее, чѣмъ на Раскольникова. Помните, когда Матрена уговариваетъ Анисью отравить мужа? Анисья сначала испугалась, потомъ только колеблется, наконецъ соглашается и съ жестокостью выполняетъ задуманный планъ. Когда Анисья въ минуты колебаній и раскаянія упрекаетъ Матрену: „и лучше бы ты мнѣ не давала бы „порошковъ“, и на грѣхъ не наводила. Какъ вспомнишь, такъ на душѣ загребитъ. И зачѣмъ ты дала мнѣ ихъ?..“ Матрена тотчасъ отвѣчаетъ ей: „И, что ты, ягодка! Что-жъ ты на меня-то сворачиваешь? Ты, дѣвушка, мотри, съ большой головы на здоровую не сворачивай. Коли чего коснется, мое дѣло сторона, я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,—крестъ подблуду, никакихъ порошковъ не давала и не видала... Ты дѣвушка сама думай... съ этой жизни чего не сбѣлаешь!..“ „Да и то я не отрекусь“, отвѣчаетъ Анисья. И не отреклась она здѣсь, передъ вами! Но тамъ была

цѣль—обогатиться, женить сына на богатой вдовѣ. А тутъ?.. Вѣдь Коновалова бѣдна и сама-то живетъ подачками, деньги ея невѣрныя, случайныя, а главное—гроши.

Богъ ихъ знаетъ этихъ несчастныхъ, рѣшившихся на гнусное преступленіе, что они думали, на что рассчитывали, если только они дѣйствительно виноваты? Сущность нравственной испорченности въ томъ и состоитъ, что при ней являются ложныя представленія о предстоящихъ выгодахъ, поэтому между предметами желанія и средствами для ихъ пріобрѣтенія нѣтъ правильного отношенія. „Кинжалъ убійцы, говоритъ Уильзъ, можно купить за нѣсколько червонцевъ“.

Итакъ, возможно, что человѣкъ изъ-за ничтожной выгоды и по пустому поводу рѣшается на тяжкое преступленіе. Но возможно-ли, вѣроятно ли однако, чтобы мать Коноваловой не принимала участія въ убійствѣ, или—она соучастница, которую выгораживаетъ дочь? Прежде всего послушаемъ, что говорятъ объ участіи Киселевой другіе подсудимые. Павлова подтверждаетъ, что Киселева куда-то на $\frac{1}{4}$ часа уходила и была ли она при убійствѣ не знаетъ, но помнитъ, что когда ее, Павлову, позвали въ спальню Коноваловой, она увидѣла, что Петръ задушенъ, надъ нимъ Коновалова и какой-то неизвѣстный бронець, можетъ быть и Телѣгинъ, но Киселевой въ комнату не было.

Телѣгинъ, отрицая свое участіе въ убійствѣ, говоритъ, что Киселева, разбудивъ его, когда онъ вернулся отъ ранней обѣдни, сказала ему: „иди, Павлова съ дочерью задушили Коновалова“. Опять-таки, не прямо указываетъ на Киселеву, какъ на убійцу, или даже на соучастницу. Это знаменательно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ другъ друга не щадятъ. Но если Киселева не убивала зятя и не помогала убивать его, то можетъ быть, она виновата въ попустительствѣ? Къ счастью, это одинъ изъ тѣхъ юридическихъ терминовъ, которые понятны и непосвященному человѣку. Каждый понимаетъ, что попуститель тотъ, кто, зная, что готовится преступленіе, не принимаетъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать, допускаетъ его совершеніе. Знала ли Киселева, что преступленіе будетъ совершено, что Коновалова задумаетъ? Нѣтъ. Вы помните, что разговоръ о томъ, „что хорошо бы избавиться отъ Петра“, заходилъ не впервые, и еще незадолго до убійства, за недѣлю, объ этомъ говорили, ждали только его прихода, и когда онъ пришелъ, то напился пьянъ, разбранилъ всѣхъ, накричалъ на жену и тещу и благополучно ушелъ. Въ день убійства, какъ и за недѣлю, рѣшили спойти его, и она не вѣрила, что это произойдетъ. Но вотъ она видитъ, что вино подѣйствовало на всѣхъ, всѣ стали рѣшительны, что дѣйствительно затѣвается недоброе дѣло, и она всѣми силами души противится этому.

Вспомните, что говоритъ Коновалова въ первый же моментъ послѣ ареста. „Мать, услышавъ нашъ разговоръ, который мы вели потихоньку, упрашивала меня не соглашаться, а то она пойдетъ заявить полиціи; говорила, что завтра Николинъ день, большой праздникъ. Когда вмѣшалась Павлова, то мать закричала на нее: „ты, Екатерина, не выдумывай! Экое дѣло затѣяла. Что ты?.. Я изъ-за тебя на старости лѣтъ страдать должна. Меня старуху хоть пожалѣй“. Ее не слушали. Тогда, схвативъ пьянаго Петра, она начала его расталкивать и кричать ему: „Петя, пойдѣмъ!“ Онъ не пошелъ. Тогда она крикнула ему: „на свою голову сидишь. Я пойду, заявлю“.

Развѣ это попустительство?!

Несчастная старуха, обезумѣвъ отъ страха, отъ одной мысли, что могутъ убить человѣка, мечется по комнатѣ. То умоляетъ ихъ, то грозитъ имъ гнѣвомъ Божиимъ, гнѣвомъ Святого, котораго празднуютъ завтра. Не помогаетъ и это,—тогда она рѣшается испробовать послѣднее средство: она угро-

жаетъ имъ доносомъ и уходитъ, но прежде еще разъ пытается разбудить безчувственно-пьянаго Петра. Ушла старуха. Увы! Бя угрозы не повѣрили. Мать не донесетъ; но надо спѣшить, а то она, пожалуй, еще привезетъ кого-нибудь изъ знакомыхъ, чтобы помѣшать. Они забыли, что уже часъ ночи, что некого ей привести, и въ нерѣшимости ждутъ еще нѣсколько времени и, наконецъ, рѣшаются! Коновалова, по указанной ей роли, дежурить у дверей—на случай, если кто постучитъ, или не во время вернется мать. Отвѣтъ на этотъ случай готовъ: жилища Павлова ушла и унесла ключъ, нельзя открыть дверь—это для чужихъ, а для матери другой отвѣтъ: Петръ уснулъ. А старуха пошла къ своему мужу въ Коломну (онъ служитъ дворникомъ въ одномъ изъ домовъ) позвать его подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Но онъ съ первыхъ же словъ прогналъ ее: „чего пришла ночью, около двухъ часовъ? (шла она изъ Усачева пер.)—вѣрно, съ дочкой поругалась, пошла вонъ, людей совѣстно, пустить тебя ночевать“. Она поплелась обратно. Подходитъ къ дому—у воротъ стоитъ Дмитрій Телѣгинъ съ дворникомъ и осуждаетъ Коновалова, что тотъ ушелъ, не заплативъ денегъ извозчику, который ждетъ его весь вечеръ. Слава Богу!.. думаетъ Киселева, услышавъ. Онъ мой молитвы, не допустилъ совершиться злomu дѣлу, грѣху тяжкому. Идетъ съ радостью домой. Вездѣ темно—очевидно спятъ. Вдругъ шорохъ, какая-то возня и стонъ. Воды, воды!.. кричить какъ будто дочь. Она бѣжитъ въ спальню къ дочери и въ ужасѣ останавливается. Среди комнаты, на полу завернутый въ коверъ, лежитъ Коноваловъ. Сразу поняла она, что свершилось! Но она не успѣваетъ опомниться, какъ кричатъ: давай твой большой сундукъ и простыню! Она дала, и это ей ставятъ въ вину. Могла ли она не дать сундука, не помогать укладывать въ него трупъ? Вѣдь теперь не боялись ея доноса. Теперь ужъ не донесетъ она: надо для этого погубить дочь. Киселева спѣшитъ все сдѣлать, только бы убрали трупъ.

Но вы можете мнѣ возразить: да, мы понимаемъ тѣ чувства, которыя волновали Киселеву—когда она увидѣла убитаго, когда поняла, что дочь знала и видѣла какъ совершалось преступленіе, мы жалѣемъ несчастную мать, которой ничего не оставалось кромѣ какъ не доносить на дочь и укрывать ея преступленіе, но можемъ же мы простить ей это, вѣдь насъ спрашиваютъ, виновата ли она, и не заслуживаетъ ли она прощенія,—вѣдь то, что она совершила, не есть поступокъ безразличный, это преступленіе! Да, гг. присяжные,—это такъ, но она мать—вотъ вся ея защита, и самъ законъ защищаетъ ее передъ вами. Г. председатель вамъ подробно объяснитъ въ своемъ рѣзюме, что родители не отвѣчаютъ за недонесеніе и даже укрывательство не только преступника, но и преступленія, совершеннаго ихъ ребенкомъ;—я не буду останавливаться на этомъ потому еще, что законъ этотъ отвѣчаетъ не только требованіямъ жизни, но и природѣ человѣческой. Слишкомъ много мужества проявилъ бы тотъ родитель, который предалъ бы свое дитя во имя закона!

Еще два слова добавлю я въ защиту Киселевой и ея дочери. Защитники Павловой, Телѣгина предупредили васъ, что я вѣроятно буду тоже „просить“ за Коновалову, какъ сдѣлали это ея и Анисимова защитники. И они не ошиблись! Киселева и теперь остается любящей матерью и больше всего волнуется и безпокоится объ участи ея Ани. Когда проклятія сыпались на Коновалову, когда ее забрасывали комьями грязи, старуха невыразимо страдала и все время плакала. Да, гг. обвинители, мать, идя рядомъ съ дочерью даже на плаху, забываетъ себя и въ послѣднюю минуту думаетъ только о томъ, что можетъ быть свершится чудо—дочь будетъ спасена. Мнѣ тяжело, глубоко волнуется меня ея просьба заступиться за дочь, и если вы, прислушавшись къ го-

лосу обвинителей, ей крест нести велите за ея грѣхъ, то мы вѣнокъ плетемъ на крестъ, они ей кандалы куютъ. Я хочу еще разсвѣтъ то тяжелое впечатлѣніе, которое произвела на васъ одна фраза въ обвинительномъ актѣ и въ рѣчи прокурора. „Еще ранѣе убійства, говоритъ онъ, всѣ они вчетверомъ молились передъ образомъ Николая Чудотворца, просили успѣха въ задуманномъ убійствѣ и общали никому объ этомъ дѣлѣ не говорить“. Правда ли, что это такъ происходило? Молились ли они? Да! Кромѣ Коноваловой, которая это рассказала, никто не сознается въ кощунственной молитвѣ. Обвинитель видитъ грубое упорство въ нежеланіи подсудимыхъ сознаться въ томъ, что они молились, но я съ нимъ несогласенъ. Наоборотъ, это свидѣтельствуеетъ, что это люди не совсѣмъ погибшіе. Они, почти сознавшіеся въ ужасномъ преступленіи, не хотѣтъ признаться въ поступкѣ, съ уголовной точки зрѣнія безразличномъ. Почему? Да потому, что они чувствуютъ, что молитва эта можетъ возмутить васъ больше самаго преступления. Какъ? нарушая законы Божескіе и человѣческіе, эти озвѣрѣвшіе люди просятъ благословенія у Бога на свои беззаконія? Былъ опасный для нихъ моментъ когда произнесена была эта фраза. Не понялъ прокуроръ, что даже такіе люди не могли молить Бога объ успѣхѣ, о помощи въ преступленіи. Тотъ, кто молится Богу — религиозенъ, вѣрить въ Него и понимаетъ, что Господь злого дѣла не благословитъ. Но можетъ быть они нарочно? кощунствовали. Это невѣроятно — не до шукотъ было имъ, во всякомъ случаѣ. Нѣтъ, они молились — я вѣрю Коноваловой, она не лжетъ — но каждый о разномъ молить Бога. Киселева просила Господа, чтобы прошелъ этотъ вечеръ благополучно, чтобы не допустить Онь преступленію совершиться, чтобы уберечь онъ и дочь, и несчастнаго Петра. Остальные просили Господа простить имъ тяжкій грѣхъ. Охмѣлѣвшіе отъ выпитаго вина, которымъ спавали и Коновалова, они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что дѣлали, и вы простите имъ это, забудьте. Кто знаетъ, можетъ быть, Господь даже такую молитву по милосердію своему услышалъ и отпустилъ имъ грѣхъ. Правда, эта молитва напоминаетъ мнѣ историческій анекдотъ изъ средне-вѣковой жизни, когда католическое духовенство, въ погонѣ за наживой, направо и налево, за гроши продавало индульгенціи: грамоты, отпускающія грѣхи прошедшіе, настоящея, а за особую плату и будущіе. Одною монаха, путешествующаго по городамъ съ такими грамотами и вырученными отъ продажи ихъ деньгами, въ лѣсу встрѣтили разбойники и, купивъ у него отпущеніе будущихъ грѣховъ, ограбили его тотчасъ же, т. к. этотъ грѣхъ онъ же отпустилъ имъ.

И если подсудимые не сознаются, что молились передъ убійствомъ, то это доказываетъ, что совѣсть у нихъ не погибла, что имъ стыдно и страшно вспомнить объ этомъ, что они случайные преступники, что къ нимъ можно относиться милостиво, хотя сами они были жестоки.

Не мстите имъ, господа прис. засѣд., и не относитесь къ нимъ съ ненавистью. Они всѣ столько перестрадали даже за эти 4 дня и сколько нѣкоторымъ изъ нихъ, а можетъ быть и всѣмъ, еще предстоитъ страданій. Какъ бы ни былъ ужасенъ преступникъ, какъ бы сильно не возмущалъ онъ добрыхъ людей, судьи должны быть безпристрастны. Когда самаго ужаснаго злодѣя судятъ, ведутъ на казнь и онъ, измученный, безъ всякой надежды на состраданіе, бросаетъ въ негодующую толпу умоляющій взглядъ, тысячи сердецъ людскихъ, возмущенныхъ его жестокостью, проникаютъ къ нему состраданіемъ, толпа отвѣчаетъ ему сожалѣніемъ и сочувствіемъ на его мольбы и уже готова простить ему, облегчить его участь. Когда вы увидите въ вашу совѣщательную комнату, забудьте взаимные нападки подсудимыхъ, помните, что эти жестокие люди тѣмъ уже

глубоко несчастны, что не смѣютъ надѣяться на состраданіе, что всѣ холодно смотрятъ на ихъ мученіе и даже ихъ слабость, обмороки готовы многие объяснять притворствомъ, какъ будто они перестали быть людьми. Зачтите имъ всѣмъ тѣ муки, которые они перенесли этой ночью, когда случайно дѣло затянулось еще на сутки. Цѣлая ночь, безконечная, безъ сна, полная отчаянія въ ожиданіи вашего приговора. Взгляните на нихъ хоть съ тѣмъ сожалѣніемъ, съ какимъ смотрите на затравленнаго звѣря, когда онъ уже безопасенъ для людей и замученъ. И есть за что каждого изъ нихъ пожалѣть. Коновалову за то, что не живши, отжила, что едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, видѣла только горе. Сегодня ей неполныхъ 22 года, а она уже 7 лѣтъ страдаетъ, вѣдь послѣдніе три года, съ самаго убійства мужа, она даже въ винѣ и шумной жизни не могла утопить своего горя, заглушить угрызения совѣсти. Пожалѣйте вы и Павлову за то, что никто ее не жалѣетъ, что она не смѣетъ просить милости, что ея страданія здѣсь на судѣ во многихъ вызываютъ еще большее отвращеніе, даже злобу. Не пройдите мимо Телѣгина, не забудьте, что случайно, на горе себѣ приведенный сюда Киселевой, чтобы получить мѣсто, честнымъ трудомъ заработать кусокъ насущнаго хлѣба, оторванный отъ семьи, дѣтей, онъ по несчастной, роковой, случайности сдѣлался преступникомъ — изъ за чего и какъ — одинъ Господь знаетъ; тайну этого преступления унесъ съ собой погибшій Коноваловъ. Поймите Киселеву, материнское сердце которой, заставило ее укрыть дочь, невольно сдѣлаться соучастницей преступления безцѣльнаго, пустого. Вспомните, что законъ дѣлаетъ уступку родителямъ, позволяя имъ безгранично любить своихъ дѣтей, даже преступныхъ. Анисимовъ — тотъ давно уже получилъ свободу, его вы давно оправдали, съ перваго дня суда — онъ остается здѣсь для того, чтобы еще болѣе усилить страданія Павловой, т. к. впаавшій въ дѣтство старикъ уже потерялъ способность что-либо чувствовать, кого-нибудь жалѣть и безмысленными глазами смотреть на дочь.

Позвольте мнѣ всѣмъ имъ сказать, что вашъ приговоръ будетъ милостивый — вѣдь это все, чего они просятъ у васъ.

Послѣ послѣдняго слова подсудимыхъ судъ провозглашаетъ проектъ вопросовъ. Прокуроръ не имѣетъ никакихъ измѣненій. Гражданскій истецъ проситъ выдѣлнить вопросъ о событіи преступления. Защитникъ Павловой проситъ поставить дополнительный вопросъ относительно Павловой объ укрывательствѣ, а защита Телѣгина — о виновности Телѣгина въ недонесеніи. Пом. прис. пов. Вобрищевъ-Пушкинъ проситъ поставить относительно Коноваловой вопросы о виновности ея въ поустительствѣ и вовлеченіи ея совершеннолѣтними лицами. Прокуроръ возражаетъ, находя, что эти вопросы не вытекаютъ изъ обстоятельствъ дѣла. Присяжные засѣдатели заявляютъ на вопросы предсѣдателя, что не имѣютъ дополненій къ проекту вопросовъ. Г. Вобрищевъ-Пушкинъ отказывается отъ обоихъ своихъ ходатайствъ. Судъ постановляетъ: поставить вопросы о Павловой и Телѣгинѣ согласно ходатайству ихъ защитниковъ, относительно же Коноваловой, несмотря на отказъ ея защиты отъ своего ходатайства, разъ вопросъ о вовлеченіи ея былъ возбужденъ, судъ не считаетъ себя вправе оставить его безъ разсмотрѣнія и постановляетъ поставить этотъ вопросъ, не ставя вопроса о поустительствѣ. Судъ удаляется для постановки вопросовъ и, послѣ продолжительнаго перерыва, провозглашаетъ вопросы въ окончательной редакціи, которую, въ виду отсутствія возраженій, и утверждаетъ. Г. предсѣдатель произноситъ подробную заключительную рѣчь и, по удаленіи гг. присяжныхъ засѣдателей съ вопроснымъ листомъ въ совѣщательную комнату, спрашиваетъ стороны, не имѣютъ ли онѣ какихъ-либо заявленій.

Стороны отвѣчают отрицательно, и судъ удаляется въ 5 часовъ вечера. Въ 7½ ч. присяжные засѣдатели выносятъ обвинительный вердиктъ Павловой и Телѣгину, остальные подсудимые признаны невиновными.

Судъ приговорилъ: на основаніи 1 и 3 ш. ст. 771 у. у. с., 1 ч. 1455, 3 степ. 19 ст. ул. о нак., 828 ст. у. у. с. и 4 ст. 19 ст. ул. о нак. подсудимыхъ Павлову и Телѣгину, признанныхъ виновными въ умышленномъ убійствѣ и заслуживающими снисхожденія лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на десять лѣтъ, Коновалову, Киселеву и Анисимову считать по суду оправданными, въ гражданскомъ искѣ повѣреннаго Марыи Тимофѣевой отказать.

Хроника.

По слухамъ, сообщаемымъ газетами, **пересмотръ законоположеній о крестьянахъ**, вслѣдствіе назначенія И. Л. Горемыкина членомъ Государственнаго Совѣта, приостановленъ; вопросъ о возобновленіи пересмотра остается пока открытымъ.

Проектъ новыхъ правилъ о **наймѣ на сельско-хозяйственныя работы** будетъ разсматриваться въ соединенномъ присутствіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи Государственнаго Совѣта въ концѣ января.

Выработанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ проектъ закона о **принятіи иностранцевъ въ русское подданство** и объ оставленіи русскаго подданства подвергнется, какъ говорятъ, переработкѣ въ особой комиссіи при Государственномъ Совѣтѣ.

Министерствомъ финансовъ выработаны и въ скоромъ времени будутъ опубликованы **наказъ** податнымъ инспекторамъ.

Въ настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ происходитъ **пересмотръ проекта новаго продовольственнаго устава**, составленнаго при бывшемъ министрѣ И. Л. Горемыкинѣ.

Особымъ циркуляромъ по духовному вѣдомству, въ виду послѣдовавшаго соглашенія между симъ послѣднимъ и министерствомъ финансовъ, а также и съ государственнымъ контролемъ, разъяснено, что **метрическія выписи**, равно какъ и всякаго рода **справки и удостовѣренія о личности** и о лѣтахъ, выдаваемые причтами по просьбѣ частныхъ лицъ, для представленія въ низшія народныя школы и училища, оплатѣ гербовымъ сборомъ не подлежатъ.

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что **содержаніе уѣздныхъ по воинской повинности присутствій** не относится, по закону, къ числу повинностей, удовлетвореніе коихъ лежитъ специально на средствахъ губернскаго земства и поэтому распределеніе суммы, причитающейся на упомянутой предметъ, по уѣздамъ не можетъ быть признано незаконнымъ. Равнымъ образомъ, не представляется противорѣчающимъ закону и отнесеніе губернскимъ земствомъ только на нѣкоторыя уѣздныя зем-

ства суммы пособія губ. земству на содержаніе богоугодныхъ заведеній, если, за неимѣніемъ въ названныхъ уѣздахъ собственныхъ лечебныхъ заведеній, населеніе этихъ уѣздовъ пользуется исключительно больницами, устроенными губернскимъ земствомъ, ибо обращеніе на земскихъ плательщиковъ именно этихъ уѣздовъ обязанности оказывать особое пособие губернскаго земству на содержаніе больницъ вызывается соображеніями строгой справедливости.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи указа Пр. Сената, разъяснено, что суммы, полученныя отъ **продажи пригульнаго скота**, должны поступать въ доходъ уѣзднаго земства, совершенно независимо отъ того, въ вѣдѣніи какого земства находятся вообще заведенія общественнаго призрѣнія данной губерніи.

На ходатайство нѣкоторыхъ земствъ о принятіи на счетъ казны **расходовъ по разъѣздамъ председателей уѣздныхъ по воинской повинности присутствій**, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разъяснено, что министерствомъ финансовъ не усмотрѣно основаній къ удовлетворенію подобныхъ ходатайствъ на томъ основаніи, что путевое и квартирное довольствіе председателей и членовъ присутствій по призыву и приему новобранцевъ, согласно 188 ст. уст. о воинск. повин. изд. 1897 г., относится на общій по губерніи земскій сборъ; разъясненіе же Правительствующаго Сената отъ 25 августа 1895 г. за № 9852 касается исключительно правъ председателей уѣздныхъ съѣздовъ.

По просьбѣ уѣзднаго Вятскаго собранія въ одну изъ послѣднихъ сессій губернскаго собранія было рѣшено возбудить въ установленномъ порядкѣ **ходатайство о дополненіи полож. о зем. учрежд.** статьею, которая давала бы уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право приносить жалобы Правительствующему Сенату на постановленія губернскаго земскаго собранія, состоявшагося на основаніи 90 ст. пол. о зем. учрежд., подобно тому, какъ это разрѣшено ст. 89 того же полож. по отношенію къ рѣшеніямъ губернскаго присутствія.

— Многими земствами возбуждены ходатайства передъ правительствомъ о допущеніи къ занятіямъ въ земскихъ учрежденіяхъ въ качествѣ вольнонаемныхъ **служащихъ—женщинъ** (Ниж. Л.).

Небольшимъ уѣзднымъ городамъ съ малочисленнымъ населеніемъ не будутъ даваться разрѣшенія на открытіе въ нихъ **обществъ взаимнаго отъ огня страхованія имущества**, а предполагается присоединять ихъ, по желанію городскихъ управленій, къ болѣе крупнымъ городамъ, по возможности тѣхъ же губерній, въ которыхъ подобныя общества существуютъ или предполагаются къ открытію въ ближайшемъ будущемъ. (Орл. В.).

Щигровское уѣздное земское собраніе возбудило вопросъ объ **отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній** для окончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ въ видѣ поощренія учащихся. Губернское земское собраніе послѣдней очередной сессіи, признавая, что земская школа не нуж-

дается въ поощреніи учащихъ, и что тѣлесное наказаніе представляется позорнымъ вообще, постановило вновь возбудить ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ крестьянъ безъ исключенія. При обсужденіи этого доклада, А. В. Евреиновымъ было внесено предложеніе о возбужденіи передъ правительствомъ ходатайства о томъ, чтобы всѣ дѣла о кражахъ, совершенныхъ крестьянами, были изъяты изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ. Предложеніе это мотивировано тѣмъ, что, во-первыхъ, изыятіе изъ волостныхъ судовъ дѣлъ о кражахъ поведетъ къ фактическому уничтоженію тѣлеснаго наказанія, а во-вторыхъ—будутъ уравниены мѣры наказанія за кражи, совершенныя крестьянами какъ у крестьянъ, такъ и у лицъ другихъ сословій. Собраніе, признавъ принципиально возбужденіе такого ходатайства желательнымъ, постановило передать вопросъ для разработки въ юридическую комиссію. (Недѣля).

29 декабря, въ 11 часовъ утра, въ сел. Кеда, въ присутствіи начальника Ватумскаго округа, всѣхъ начальниковъ участковъ этого округа, товарища прокурора Кутаисск. окр. суда, окр. врача, 2-хъ ротъ Навагинскаго полка и массы народа, приведена, по словамъ „Кавк.“, въ исполненіе смертная казнь черезъ повѣшеніе надъ преступникомъ-убійцею.

Въ Новороссійскѣ въ ночь съ 15 на 16 декабря открыта въ тюрьмѣ тайная фабрикація серебряныхъ монетъ 15 копѣчнаго достоинства. Производствомъ монеты занимались арестанты въ числѣ 7 человекъ, въ отдѣльной камерѣ. При обыскѣ найдены алебастровыя формы и разныя принадлежности тисненія: кислота, масло, наматырный спиртъ и пр., а также масса ножей, табакъ и другіе предметы, воспрещенные къ употребленію и нахожденію у арестантовъ.

(В. Вѣстн.)

Крестьяне приленскихъ волостей, ближайшихъ къ Киренску, **взыскиваютъ съ крест. начальника** А. 214 р. за бесполезно и бездѣтельно проведенные ими на волостномъ сходѣ рабочіе дни, потому что въ самую страдную осеннюю пору начальникъ продержалъ ихъ четыре дня, хотя дѣла не было и на четыре часа, что ясно можно усмотрѣть изъ постановленій схода (Вост. Обзор.).

„Уралу“ пишутъ изъ Уфы, что во время представленія въ циркѣ пом. пристава Бамбуровъ приказалъ городовымъ арестовать извѣстнаго всему городу рыбнаго торговца З. Произошла **возмутительная сцена**. Городовые бросились на З., какъ дикіе звѣри, и били несчастнаго пашками; затѣмъ, сваливъ его въ извозчичьи сани, отвезли въ часть. Напрасно протестовали знакомые З., напрасно за нимъ въ часть поѣхалъ его приказчикъ, и тамъ въ части заявилъ, что съ хозяиномъ много денегъ. Къ протестамъ были глухи, и заступника спустили съ лѣстницы, а З. заперли въ холодное помѣщеніе при 20 град. морозѣ.

Не ограничившись противозаконнымъ лишеніемъ свободы, уфимская полиція, по словамъ корреспондента, еще ограбила З. на 200 рублей.

На дняхъ во врем. отдѣленіи Эриванскаго окр. суда въ Нахичевани слушалось **дѣло по обвиненію б. всадника земской стражи въ убійствѣ**.

14-го октября 1896 года двое армянъ заявили на Беоукъ-Дизанскій постъ земской стражи Нахичеванскаго уѣзда, что татары „взяли“ у нихъ двухъ быковъ. Бывшій на посту за старшаго всадникъ Измаиль-Кербалай-Али-оглы, въ сопровожденіи четырехъ своихъ товарищей, отправился на мѣсто происшествія, гдѣ оказалось, что пастухъ-татаринъ поссорился съ армянами, шедшими въ числѣ 30—40 человекъ съ караваномъ соли, причемъ татаринъ, заподозривъ армянъ въ похищеніи одного ягненка изъ его стада, загналъ въ послѣднее двухъ армянскихъ быковъ, въ видѣ залога за похищеннаго барана. Дѣло происходило на почтовой дорогѣ, на глазахъ работавшихъ на полѣ жителей близлежащаго селенія Хокъ. Всадникъ Измаиль приказалъ двумъ своимъ товарищамъ арестовать пастуха, который со своимъ стадомъ расположился недалеко отъ дороги. Услышавъ такое распоряженіе, одинъ изъ подошедшихъ на шумъ хокцевъ—Кербалай-Мамедъ-Абдула-оглы замѣтилъ всаднику, что арестовать пастуха нельзя, такъ какъ въ такомъ случаѣ останется безъ присмотра стадо, состоящее изъ 900 головъ барановъ. Всадникъ подтвердилъ свое распоряженіе, а Кербалай-Мамедъ двинулся съ намѣреніемъ помѣшать аресту пастуха. Тогда всадникъ Измаиль-Кербалай-Али-оглы выстрѣломъ изъ ружья уложилъ на мѣстѣ протестанта, послѣ чего поскакалъ въ Нахичевань, гдѣ доложилъ по начальству, что разбойники угнали у армянъ быковъ и, подвергшись преслѣдованію со стороны всадниковъ, затѣяли съ ними перестрѣлку, во время которой одинъ изъ разбойниковъ былъ убитъ, а быки отобраны и возвращены потерпѣвшимъ.

Дознаніе подтвердило ложное заявленіе всадника, и мальчишка-пастухъ, привлеченный въ качествѣ обвиняемаго въ разбоѣ и перестрѣлкѣ, былъ посаженъ въ тюрьму.

Потребовалось продолжительное слѣдствіе, чтобы возстановить истинную картину происшествія. На судѣ вполне подтвердилась установленная предварительнымъ слѣдствіемъ обстановка мнимаго „разбоѣ“, причемъ выяснилось, что убитый „разбойникъ“ былъ хорошо извѣстенъ подеудимому, какъ мирный мѣстный житель, и въ качествѣ смертоноснаго оружія имѣлъ при себѣ только кувшинъ, съ которымъ пришелъ по-воду.

Окружный судъ призналъ подеудимаго, бывшаго всадника Измаила-Кербалай-Али-оглы виновнымъ въ умыленномъ, въ состояніи раздраженія, убійствѣ и приговорилъ его къ отдалѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 3¹/₂ года.

„Сѣв. Кур.“ пишутъ изъ Кременчуга, что 23 декабря мѣщ. Г. получилъ изъ управленія 2 полицейскаго участка „повѣстку“, на которой было написано сверху: „привестъ Г. по касающемуся вась дѣлу“. На бланкѣ „повѣстки“ печатныя слова „прошу пожаловать“ были зачеркнуты. Дѣло шло, какъ потомъ выяснилось, о взысканіи штрафныхъ денегъ. По приходѣ въ участокъ, въ кабинетѣ пристава Русаневича произошла **слѣдующая сцена**: Г. показалъ кошелекъ, въ которомъ находилось 10 рублей, а всего слѣдовало уплатить

30 руб. слишкомъ. Приставъ отдалъ приказъ объ арестѣ Г., хотя по закону, какъ извѣстно, долженъ былъ послѣ неуплаты обратиться въ крайнемъ случаѣ ко взысканію штрафныхъ денегъ путемъ описи недвижимаго имущества (Г.—домовладѣлецъ). Тотъ сталъ протестовать, но приставъ вытолкалъ его за дверь, гдѣ двое полицейскихъ повели его въ комнату для городскихъ, откуда Г. долженъ былъ быть отправленнымъ въ арестное помѣщеніе. Исполнители приказа своего начальства „вели“ его такъ, что, переступивши порогъ камеры городскихъ, Г. упалъ на полъ и стукнулся головою о какой-то предметъ, вслѣдствіе этого кожа черепа оказалась у него разсѣченной на столы, что изъ раны полилась кровь. Въ протоколѣ, составленномъ на мѣстѣ происшествія, но спустя нѣкоторое время, врачемъ, показано, между прочимъ, слѣдующее: „я нашелъ разорванную рану покрововъ черепа надъ теменной костью, длиною въ 6 сантиметровъ, по сосѣдству сзади небольшую ранку, величиною съ фасоль, на лицѣ, въ области скуловой кости, ссадину. Рана сильно кровоточила. Наложены были швы и сдѣлана повязка“. Но докторъ явился не сразу. На крики раненаго старика, умолявшаго призвать скорѣе доктора или кого-нибудь изъ своей семьи, явился приставъ, приказавшій скорѣе смыть лужу крови, образовавшуюся на полу и обмыть водою раненое мѣсто. „Если же кровотеченіе не прекратится послѣ обмыванія, то съ кровью отправить его подъ арестъ!“—отвѣчалъ приставъ на мольбы старика и нѣкоторыхъ членовъ семьи, вызванныхъ тѣмъ временемъ какимъ-то случайно находившимся въ участкѣ знакомымъ. Семья, однако, вызвала доктора, но не городского врача, который отказался за недоугодомъ поспѣшить на помощь больному. Послѣ составленія вышеупомянутаго протокола врачемъ Л. и въ присутствіи врача В., и послѣ обращенія семьи Г. къ содѣйствію полицеймейстера, Г. былъ отвезенъ домой, пробывши въ участкѣ 3—3½ часа. Дѣло находится теперь въ рукахъ прокурорской власти.

„Сѣв. Кр.“ сообщаетъ, что 14 декабря въ выѣздной сессіи Владимірскаго окружнаго суда въ гор. Шуѣ разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянки Назаровой въ покушеніи на поджогъ дома крестьянъ Ляпиныхъ. Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Назарова признана виновной во взведенномъ на нее обвиненіи, но заслуживающей снисхожденія. Назарова присуждена къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ. Пр. засѣдатели составили подписку между собой съ цѣлью помочь Назаровой и на собранныя по подпискѣ деньги поручили прис. повѣренному составить кассац. жалобу на приговоръ окр. суда; сами же они 18 декабря подали, для направленія по принадлежности, предѣлательствовавшему въ отдѣленіи окр. суда написанное ими на Высочайшее имя прошеніе о смягченіи участи несчастной осужденной, объясняя въ немъ, что кара, постигшая Назарову, по ихъ мнѣнію, превышаетъ мѣру содѣяннаго ею.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Гражданское отдѣленіе.

Въ засѣданіи 13 января, происходившемъ подъ предѣлательствомъ Г. И. Карницкаго, былъ выслушанъ докладъ А. И. Лыкошина о семейной собственности у крестьянъ, посвященный критикѣ положеній, выставленныхъ М. А. Лозина-Лозинскимъ въ докладѣ его о крестьянскомъ дворѣ¹⁾. Выводъ г. Лозинскаго, что *по закону* выкупленные крестьянами подворные участки, а также и усадьбы при общинномъ владѣніи, составляютъ собственность домохозяина, а не всей семьи, референтъ считать неосновательнымъ. Въ мѣстныхъ положеніяхъ объ устройствѣ быта крестьянъ содержатся совершенно ясныя указанія на семейный характеръ крестьянской собственности. Закавказское мѣстное положеніе прямо говоритъ „подѣленные участки составляютъ владѣніе подымовое, а не личное... есть неотъемлемая собственность всѣхъ членовъ дыма“. Въ такомъ же смыслѣ высказываются и другія мѣстныя положенія. Г. Лозинскій игнорируетъ ихъ, полагая, что положенія эти не имѣютъ силы дѣйствующаго закона. Это не вѣрно.

Многія явленія крестьянской жизни и теперь нормируются этими положеніями: достаточно указать, что общинное землевладѣніе имѣетъ санкцію исключительно въ мѣстныхъ положеніяхъ. Но и „положеніе о выкупѣ“ и „общ. положеніе о крестьянахъ“, которыя г. Лозинскій считаетъ единственными источниками дѣйствующаго законодательства о крестьянахъ, содержатъ цѣлый рядъ статей, дающихъ опору взгляду на семейный характеръ собственности у крестьянъ. Таковы ст. 3 и 5 общ. пол., ст. 176, 127, 133 полож. о выкупѣ. Значеніе послѣднихъ статей г. Лозинскій отвергаетъ въ виду того, что законодатель, говоря въ этихъ статьяхъ о крестьянскомъ дворѣ, имѣлъ въ виду не опредѣленіе субъекта права собственности, а чисто фискальныя цѣли, опредѣленіе ответственности за исправный взносъ податей; но фактъ, что государство имѣло въ виду фискальную цѣль, не говоритъ ничего противъ юридическаго значенія такихъ опредѣленій: и община, по мнѣнію компетентныхъ изслѣдователей (Кейслера), явилась продуктомъ фискальныхъ стремленій государства, однако никто не сомнѣвается, что она является субъектомъ правъ въ чисто-юридическомъ значеніи. Не фискальными соображеніями можетъ быть объяснено санкціонированное закономъ право отдѣльныхъ членовъ семьи требовать принудительнаго раздѣла: правительство противъ раздѣловъ, но признанное право раздѣла доказываетъ, что за каждымъ членомъ семьи двора признается право собственности на имущество крестьянскаго двора.

Встрѣчающійся въ статьяхъ пол. о выкупѣ терминъ „личная собственность“ часто противопологается не семейной собственности, а общественной собственности (пол. о вык. ст. 166, 169 и др.). Это подтверждается ст. 157, 176 того же пол., гдѣ говорится о крестьянскомъ дворѣ, пріобрѣвшемъ землю въ личную собственность. Статьи пол. о вык., въ которыхъ г. Лозинскій находитъ прямое велѣніе, устанавливающее личную собственность

¹⁾ Докладъ М. А. Лозина-Лозинскаго напечатанъ въ „Вѣстникѣ Права“ за 1899 г. №№ 3, 5. См. „Право“ 1899 г., стр. 990—994.

домохозяина, не имѣютъ того безусловнаго характера, который имъ придаетъ г. Лозинскій: ст. 33 пол. о вых. имѣетъ главной своей цѣлью указать, что въ смыслѣ объема права собственности субъекты права изъ крестьянъ уравниены со всеми прочими сословіями, а ст. 26 пол. о вых., говорящая о примѣненіи общихъ гражданскихъ законовъ къ праву распоряженія крестьянской собственностью, указываетъ лишь на то, что ограниченія въ правѣ распоряженія, установленныя въ моментъ выдачи данныхъ, нынѣ не должны болѣе имѣть силы.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній референтъ считаетъ совершенно неосновательнымъ то обвиненіе, которое г. Лозинскій возводитъ на Сенатъ: будто сенатская практика установила принадлежность подворнаго участка крестьянскому двору вопреки прямому и ясному смыслу закона. Напротивъ, Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ (особенно въ рѣш. гр. кас. деп. № 67) основывается на духѣ всего законодательства о крестьянахъ, не игнорируя и мѣстныхъ положеній. Практика его находитъ поддержку и въ соображеніяхъ редакционныхъ комиссій, которыя и не сомнѣвались, что субъектомъ права собственности крестьянскаго хозяйства является семья. Правда, творцы великой крестьянской реформы не дали въ законѣ точной нормировки этому явленію, но и многое другое они предоставили обычаю (передѣлы). И потребности быта и воззрѣнія крестьянъ за сенатскую практику. Не всегда удачная мотивировка, правда, даетъ поводъ упрекать Сенатъ въ противорѣчій, но эти противорѣчія болѣе кажущіяся: Сенатъ настойчиво проводилъ тотъ взглядъ, что крестьянскій дворъ—это своеобразный юридико-хозяйственный союзъ, являющійся субъектомъ права собственности.

Практика Сената не идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ правомъ крестьянъ, и положеніе доклада г. Лозинскаго, что обычное право нигдѣ не установило начала принадлежности земли и имущества особому коллективному органу—крестьянскому двору, опровергается изслѣдованіями Оршанскаго, Ефименко, Якушкина, Мухина. С. В. Пахманъ, правда, склоняется къ тому, чтобы признавать домохозяина единственнымъ собственникомъ, но при этомъ дѣлаетъ такую массу оговорокъ, что выводъ, по мнѣнію референта, долженъ быть таковъ: семейная собственность есть явленіе отживающее, но пока существующее.

Право славянскихъ народовъ—сербовъ, черногорцевъ, словаковъ знаетъ семейную собственность: сербская „задруга“, черногорская „куча“; права и обязанности домовладѣльца, членовъ этихъ семейныхъ союзовъ прямо нормированы сербскимъ и черногорскимъ уложеніями. Въ земляхъ австрійскихъ бывшей военной границы законодательство въ 70-хъ годахъ обнаружилотенденцію приравнять семейную собственность общей собственности всѣхъ членовъ семьи.

Но въ виду гибельныхъ послѣдствій, которыя имѣлъ этотъ опытъ, австрійское правительство, закономъ 7 іюня 1889 г., снова признало семейную собственность. Противники принципа семейной собственности утверждаютъ, что она несовмѣстима съ тѣмъ, что наблюдается въ современной крестьянской семьѣ. Авторитетъ главы семейства па-

даетъ, вторгается стремленіе младшихъ членовъ семьи къ индивидуализму, который выражается подчасъ въ очень рѣзкой формѣ совершеннаго непризнанія авторитета главы семейства, неподчиненія ему, стремленія быть самостоятельнымъ. Но признаніе этого факта даетъ право сдѣлать только одинъ выводъ: младшіе члены семьи теперь чувствуютъ свою самостоятельность, надо, значить, дать имъ ясно опредѣленные права на семейное имущество. Предоставить всѣ права главѣ семейства признаніемъ его исключительнымъ собственникомъ усадьбы и надѣла—это значить дать въ руки отцовъ страшное орудіе въ борьбѣ съ вполне законными и естественными стремленіями дѣтей. Нельзя же назвать такой исходъ соответствующимъ той эволюціи, которую претерпѣваетъ теперь крестьянская семья. Понятно, законодатель долженъ имѣть также въ виду интересъ и отцовъ. Референтъ вообще того мнѣнія, что не бываетъ перехода отъ семейной собственности прямо къ единоличной собственности домохозяина. Промежуточной ступеню служитъ общая собственность, соответствующая стадіи разложенія патріархальной семьи.

Въ Россіи семейная собственность фактъ, съ которымъ еще долго придется считаться. Великая задача русскаго законодательства и юридической науки конструировать и нормировать это явленіе, а не утверждать, что его нѣтъ. Законодательство эту задачу предоставляло обычаю, подъ которымъ часто скрывается произволь и незнаніе, а юридическая наука не интересовалась такими вопросами.

За позднимъ временемъ пренія по докладу А. И. Лыкошина были отложены до слѣдующаго засѣданія отдѣленія; вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдательствовавшій Г. И. Карницікій высказалъ пожеланіе, чтобы референтъ представилъ общую схему конструціи семейной собственности, какъ онъ ее понимаетъ. Это значительно бы облегчило обсужденіе доклада.

„Вѣстникъ Права“ № 10 за 1889 г.

Статья М. А. Лозина-Лозинскаго „Административный судъ въ Австріи“ въ основныхъ своихъ чертахъ является воспроизведеніемъ доклада, читаннаго авторомъ въ засѣданіи административнаго отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества 10 дек. минувшаго года. Подробный отчетъ объ этомъ засѣданіи былъ помѣщенъ въ № 52 газеты „Право“ (стр. 2506—2508).

Проф. Г. А. Покровскій, талантливыя работы котораго намъ приходилось уже неоднократно отмѣчать, касается въ статьѣ своей „Справедливость, усмотрѣніе и судебная опека“ чрезвычайно важнаго вопроса о социальныхъ задачахъ гр. права. Поводомъ къ этому служатъ ст. 31 и 63 проекта гр. уложенія, которыя, по словамъ объяснительной записки, являются мѣрами противъ эксплуатаціи нужды, легкомыслія, неопытности и несчастія. Ст. 31 (критику этой статьи см. у Г. И. Петражицкаго: „Право“ 1899 г. стр. 2473, 2474) приравниваетъ къ обману заключеніе явно невыгоднаго договора помощью злоупотребленія оказываемымъ довѣріемъ или принадлежащей властью, или пользованія легкомысліемъ, слабостью воли, нуждой либо несчастіемъ контрагента, а ст. 61 предоставляетъ суду понижать договорную неустойку, если она опредѣлена въ очевидно преувеличенномъ размѣрѣ, или представляется чрезвѣрной въ виду неисполненія должникомъ обязательства лишь въ незначительной части. Эти

статьи заимствованы из нового германского уложения; § 138 герм. уложения, говорит проф. Покровский, — ст. 31-ой; § 343 герм. — ст. 63 нашего проекта. В доказательство автор приводит текст упомянутых §§, а именно: „Сдѣлка, противная добрымъ правамъ, ничтожна. Въ особенности ничтожна сдѣлка, въ силу которой одно лицо, эксплуатируя нужду, легкомысліе или неопытность, другого, выговариваетъ себѣ или постороннему такія имущественныя выгоды, которыя настолько превышаютъ его обязанности, что, при обстоятельствахъ данного случая, стоятъ къ послѣднимъ въ очевидномъ несоотвѣтствіи“.

Даже и въ такомъ видѣ германское правило нельзя сравнивать съ правиломъ 31 ст., потому что первое говоритъ о несоотвѣтствіи по обстоятельствамъ даннаго случая, а второе, отбрасывая этотъ моментъ, выставляетъ единственный признакъ явной невыгодности договора. Но кромѣ того, авторъ въ переводѣ статьи 138 допустилъ существенную неточность употребивъ слово очевидный для передачи нѣмецкаго „auffällig“, которое въ дѣйствительности означаетъ „рѣзкій, чрезмѣрный“. Въ дальнѣйшемъ изложении и самъ Покровский указываетъ, что для примѣненія 138 ст. требуется *чрезмѣрное* превышеніе выговариваемой выгоды надъ возлагаемой обязанностью. Такимъ образомъ разсматриваемый § герм. уложения въ сущности воспроизводитъ римскую *laesio enormis*, ослабляя ея дѣйствіе присоединеніемъ еще субъективнаго признака — знанія чужой нужды и т. д.; напротивъ, въ нашъ проектъ, вопреки утверждению объясн. записки будто ст. 31, воспроизводитъ понятіе *laesio enormis*, вводитъ совершенное иное начало *laesio minima*, которое, какъ доказывалось въ упомянутой статьѣ Петражицкаго, могло бы въ корнѣ поразить и поколебать экономическую жизнь страны.

Сопоставляя далѣе ст. 63 проекта со ст. 117, которая предоставляетъ суду присуждать не только непосредственно вытекающіе изъ неисполненія договора убытки, но и другіе, хотя бы они заключались не въ имущественномъ, а нравственномъ вредѣ и не подлежали оцѣнкѣ, — авторъ убѣдительно доказываетъ, что, если назначена неустойка выше того размѣра, который будетъ признанъ судомъ справедливымъ, она будетъ по ст. 63 понижена, вознагражденіе же въ справедливомъ (для суда) размѣрѣ и безъ неустойки можно получить.

Такимъ образомъ, исчезаетъ всякій смыслъ для назначенія при договорахъ неустойки; она ничего не даетъ лишняго вѣртелю; она лишается всякаго юридическаго значенія и превращается въ чучело, могущее пугать воробьевъ, но совершенно безопасное для опытныхъ дѣльцовъ“.

Обращаясь къ выясненію соціального значенія приведенныхъ статей, авторъ на цѣломъ рядѣ весьма удачныхъ примѣровъ доказываетъ, въ какое безвыходное положеніе эти правила могли бы поставить судью при разграниченіи случаевъ эксплуатаціи дозволенной отъ недозволенной, и все затрудненія, которыя поставитъ законъ т. н. чрезмѣрной эксплуатаціи, поведутъ лишь къ тому, что кредитъ, и безъ того дорогой, вслѣдствіе увеличенія риска, станетъ еще дороже и еще губительнѣе для лицъ, которымъ еще нуженъ.

А между тѣмъ проблематичная польза подобныхъ статей попускается слишкомъ дорогой цѣною: „судья явится отвынѣвъ въ роли для него совершенно новой: изъ юриста онъ превратится въ общаго контролера гражданскаго оборота, слѣдящаго за „справедливостью“, т. е. нормальностью цѣны и платы; его функція юридическая будетъ далеко отодвинута на задній планъ новой функціей — экономической“.

Въ концѣ, концовъ свобода личнаго усмотрѣнія въ гр. правоотношеніяхъ уничтожается совершенно и замѣняется судебнымъ усмотрѣніемъ которое превращается въ общую судебную опеку.

Не говоря о томъ, что подобными правилами нельзя накормить голодныхъ, открыть имъ дешевый кредитъ и т. п., „нормы эти устанавливаются одинаково для всѣхъ участниковъ оборота, независимо отъ того, являются ли эти участники дѣйствительно экономически слабыми или нѣтъ“, и такимъ образомъ оказываютъ защиту тѣмъ, кто въ ней не нуждается.

По мнѣнію автора, „защищать экономически слабымъ нужно не путемъ законоположеній, подобныхъ разсматриваемымъ статьямъ, а прямо — установленіемъ правила, что всякое взысканіе вообще не должно идти далѣе извѣстнаго предѣла, что человѣку должны оставаться извѣстныя средства для его дальнѣйшаго хозяйственнаго существованія“. Но не заключаетъ ли въ себѣ и такая мѣра опасности съ точки зрѣнія стѣсненія кредита, составляющаго основу современнаго гр. оборота, а съ другой стороны — не выходитъ ли и эта мѣра за предѣлы задачъ гр. права, представляя собою благотворительность на чужой счетъ?

Н. Н. Розинъ. «О похищеніи электрической энергіи». Изложивъ политику, возникшую по этому вопросу въ нѣмецкой литературѣ, авторъ находитъ, что данный проступокъ не предусмотрѣнъ дѣйствующими правомъ; что наибольшаго вниманія заслуживаетъ юридическая квалификація его de lege ferenda какъ *furtum usus*, самовольное пользованіе, но что едва ли есть необходимость въ криминализаціи этого дѣянія, пока недоказано, что народное правосознаніе неизбежно требуетъ уголовно-юридической реакціи противъ похитителя электричества, не удовлетворяясь гражданской отвѣтственностью.

Въ статьѣ „Реформа судебно-межевого процесса“ г. В. П. Мордухай-Болтовской, предлагая свой проектъ новыхъ правилъ по разсматриваемому вопросу, сообщаетъ читателямъ, что онъ не „имѣлъ времени разобрать вопросъ во всей подробности а потому даетъ лишь „блѣдныя штрихи“. Вотъ чѣмъ нужно повидимому, объяснить, что авторъ ждетъ отъ межеванія блестящихъ результатовъ, хотя дуть же утверждаетъ, что „крестьяне по причинѣ безисходной (!) тѣмы (а не отсутствія межей!) умышленно не хотятъ знать правъ собственности крупнаго землевладѣльца“. Тѣми же причинами объясняются, вѣроятно, и такія изреченія автора, которыя понятны положительно невозможно; такъ, на стр. 107 говорится, что „такая централизація (т. е. дѣла межеванія) не нарушаетъ идеи отдѣленія власти судебной отъ административной, потому что, въ существѣ своемъ, межевая часть представляетъ одно цѣлое „нормированіе землевладѣнія въ Россіи“, для приведенія чего въ исполненіе потребны отдѣльныя факторы, руководителемъ которыхъ долженъ быть одинъ центръ“.

Самый проектъ автора отличается простотой и чрезвычайной стремительностью. Для образца приведемъ § 7.

„Если отъ кого-либо изъ заинтересованныхъ въ раздѣлѣ или выдѣлѣ лицъ предьявленъ въ исковомъ порядкѣ споръ, то отъ окружнаго суда зависить разрѣшить частнымъ опредѣленіемъ, *не подлежащимъ обжалованію* (!), можетъ ли предьявленный споръ имѣть вліяніе на дальнѣйшее производство, раздѣла или выдѣла и въ случаѣ утвердительномъ производство, въ охранительномъ порядкѣ, раздѣла или выдѣла приостанавливается, а на дѣлимое имущество *налагается запрещеніе*, для чего требуются деньги отъ предьявившаго споръ“.

Почему столь важный моментъ процесса окончательно устанавливается окр. судомъ, почему на дѣлимое имущество необходимо налагается запрещеніе и что дѣлать, если предьявившій споръ не представитъ денегъ — на эти вопросы, „блѣдныя штрихи“ г. Мордухай-Болтовскаго отвѣта не даютъ.

Статья Н. Дружинина „Правовое положение крестьян (къ пересмотру законовъ о крестьянахъ)“ посвящена вопросу, „чѣмъ именно должно опредѣляться положеніе крестьянъ—закономъ и общими понятіями права, или же обычаемъ“.

По мнѣнію автора, въ крѣпостной Россіи не было условій, при которыхъ могли бы выработаться въ нашемъ крестьянствѣ твердые юридическіе обычаи, позднѣйшее законодательство тоже мало способствовало укрѣпленію въ крестьянахъ чувства законности и уваженія къ своему и чужому праву. Что юридическіе обычаевъ въ народѣ почти нѣтъ и теперь, это доказываютъ работы всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса. Поэтому предоставлять обычаю регулировать жизнь крестьянъ, значить въ сущности изъять ее почти вполне изъ области всякаго права. По отношенію къ высшимъ классамъ населенія государства ясно сознаютъ свою обязанность организовать для нихъ извѣстный твердый правоспорядокъ. Не лишнее является эта обязанность и по отношенію къ крестьянству.

Но и по отношенію къ тѣмъ немногимъ случаямъ, для которыхъ обычное право создало извѣстныя нормы, нормы эти вовсе не таковы, чтобы въ нихъ можно было видѣть, вмѣстѣ со сторонниками обычнаго права, проявленіе народной мудрости, которой намъ слѣдуетъ только учиться. Напротивъ того, сборники обычнаго права рисуютъ намъ такую картину, отъ которой можно прийти въ ужасъ, и которая доказываетъ лишь то, что народъ надо учить. Авторъ ни въ чемъ не видитъ творческой силы обычая: обычай лишь закрѣпляетъ то, что создается самою жизнью, некультурностью, часто дикостью необразованной массы. Вмѣшательство закона въ цѣльхъ смягченія быта, являющееся вообще желательнымъ, по отношенію къ нашему крестьянству прямо необходимо.

Въ общемъ статья обнаруживаетъ въ авторѣ солиднаго знатока крестьянскаго права, хотя по всѣмъ видимостямъ и не профессиональнаго юриста.

Статья І. М. Кулишера: „Рабочіе союзы, стачки и германскій проектъ наказуемости стачекъ“ составляетъ продолженіе напечатанной въ предыдущемъ № 9 В. Пр. статьи „Рабочій договоръ“ (см. „Право“ за 1899 г. стр. 2516) Указавъ, что государство не регламентируетъ условій о высотѣ заработной платы, авторъ представляетъ положеніе, что для достиженія дѣйствительно свободнаго соглашенія нанимателя и рабочего по этому вопросу „необходимо единеніе рабочихъ“, выражающееся въ союзахъ и стачкахъ. Союзы теперь дѣйствуютъ мирнымъ путемъ, но прежде они старались вліять насильемъ, путемъ стачекъ. „Нельзя отрицать, что стачки имѣютъ свои хорошія стороны“, но „съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и того, что стачки являются проявленіемъ враждебныхъ отношеній и поэтому допущеніе ихъ возможно только въ исключительныхъ случаяхъ, когда никакія другія мѣропріятія не достигаютъ цѣли.“ Къ сожалѣнію, авторъ не уясняетъ, какъ слѣдуетъ понимать это изреченіе „допущеніе возможно“. Должно ли оно служить руководящимъ принципомъ мудрой законодательной политики или мѣриломъ для направленія нашихъ симпатій. Объ этомъ тѣмъ болѣе можно пожалѣть что, какъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшаго изложенія, англійскій и французскій законъ „не возбраняютъ устройства стачекъ и не устанавливаютъ по этому предмету никакихъ ограниченій“, т. е. идутъ на встрѣчу признаваемой авторомъ необходимости единенія рабочихъ. Въ другихъ же странахъ „право устройства стачекъ въ дѣйствительности является иллюзіей: дозволенные одними законами, онъ запрещается подъ страхомъ наказанія другими. Къ новому германскому проекту (Zuchthausvorlage), съ содержаніемъ котораго читатели наши знакомы по напечатанному въ предыдущемъ № письму изъ Верлина, авторъ относится отрицательно, потому что этотъ

проектъ еще болѣе ограничиваетъ право устройства стачекъ.

Въ юридическомъ обзорѣ Д. Л. подвергаетъ критикѣ выработанный комиссіей по составленію гр. уложенія проектъ объ улучшеніи участи незаконнорожденныхъ. Признавая этотъ проектъ значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ дѣйствующимъ законодательствомъ, авторъ усматриваетъ въ немъ рядъ недостатковъ и противорѣчій. Важнѣйшій это допущеніе исковаго материнства безъ всякихъ ограниченій: „лицу, рожденному замужней женщиной, проектъ предоставляетъ право доказывать путемъ иска незаконность своего происхожденія“, между тѣмъ, по мнѣнію автора, нѣтъ резона, почему бы слѣдовало честь, спокойствіе и благоденствіе цѣлой семьи приносить въ жертву интересу вѣнчаемаго ребенка, тѣмъ болѣе, что интересъ ребенка состоитъ въ томъ, чтобы найти свою мать, а не въ томъ, чтобы раскрыть ея позоръ. Этотъ упрекъ проекту представляется намъ неосновательнымъ, потому что проектъ именно и предоставляетъ отыскиваніе происхожденія отъ опредѣленной женщины, безотносительно къ законности его. Противорѣчіе же авторъ усматриваетъ въ томъ, что проектъ не допускаетъ добровольнаго признанія отцомъ вѣнчаемаго ребенка, происшедшаго отъ прелюбодѣянія или кривосмѣшенія. „Проектъ, говоритъ Д. Л., не поясняетъ, почему приняты двѣ мѣры и двое вѣсовъ относительно добровольнаго отцовскаго признанія, съ одной стороны, и относительно принудительнаго судебного установленія материнства или отцовства или добровольнаго материнскаго признанія, съ другой“. Между тѣмъ на предыдущей стр. приводятся объясненія проекта по этому поводу: „разрѣшеніе отцу въ добровольномъ официальномъ актѣ удостовѣрить происхожденіе ребенка отъ кривосмѣшенія могло бы оказаться оскорбительнымъ для общественнаго нравственнаго чувства и далеко не во всемъ соответствующимъ и интересамъ ребенка, такъ какъ въ глазахъ многихъ могло бы ему повредить“. Эти соображенія проекта оставлены авторомъ безъ обсужденія.

Слѣдующая замѣтка въ юрид. обзорѣ посвящена „Проекту новаго устава о гербовомъ сборѣ“. Содержаніе этого проекта подробно изложено въ „Правѣ“ за 1899 г. стр. 1363—1366, 1433—1436 и 1463—1467.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Таганрогскій окружный судъ.

(Отвѣтственность городского управленія за вредъ и убытки, причиненные неисправнымъ содержаніемъ городскихъ сооружений)

10 авг. 1897 г. надъ городомъ Ростовомъ на-Дону разразился ливень, во время котораго масса дождевой воды устремилась съ Б. Проспекта во дворъ Д. Дворъ былъ затопленъ. Когда вода спала, на дворѣ и въ дворовыхъ постройкахъ оказалась масса поврежденій и убытки опредѣляются въ пять тысячъ р. По мнѣнію Д., несчастіе произошло исключительно по винѣ Ростовской городской управы, которая не позаботилась объ упорядоченіи сточныхъ люковъ: люки оказались въ неисправности, и вода поэтому не могла попасть сквозь нихъ въ генеральный коллекторъ. Возмѣщеніе убытковъ, по мнѣнію иста, должно быть возложено на Ростовское на-Дону городское общество въ лицѣ городской управы, о чемъ онъ и проситъ судъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, судъ находитъ что событіе, повлекшее за собою убытки для иста, по характеру своему было событіемъ стихійнымъ. Изобиліе воды было необычайнымъ. Вода, естественно, не могла

себѣ мѣста въ уличныхъ люкахъ и, хлынувъ мимо, наполнила и затопила дворъ истца. Д. въ своемъ исковомъ прошеніи самъ утверждаетъ, что Б. Проспектъ, гдѣ находится люки, является „мѣстомъ большого стока воды со стѣны и города“. Истецъ, далье, признаетъ и то, что его недвижимое имущество находится въ низменной части города. Очевидно, —естественныя условія мѣстности способствуютъ стремленію атмосферныхъ осадковъ къ тому пункту, гдѣ устроены люки и гдѣ помѣщается домъ Д. При наличности же исключительности какъ топографическихъ условій, такъ и самого стихійнаго бѣдствія, не можетъ быть и рѣчи объ ответственности города за убытки, являющіеся слѣдствіемъ непреодолимой силы.

Но истецъ источникомъ понесеннаго имъ ущерба признаетъ не явленія природы; по его словамъ, несчастье произошло исключительно вслѣдствіе неправильнаго устройства люковъ. Густая рѣшетка двухъ водоприемниковъ, затѣмъ вообще высокое положеніе ихъ надъ землею, наконецъ то, что два другихъ люка были совершенно забыты наглухо, — вотъ, говоритъ истецъ, тѣ причины, которыя лишили дождевую воду возможности проникнуть въ коллекторъ. Но и эти обстоятельства, если даже признать ихъ соответствующими дѣйствительности, не измѣняютъ положенія дѣла. Необходимо не упускать изъ виду, что тѣ или другія сооруженія, принимаемыя городскимъ управленіемъ, имѣютъ свою цѣлью устраненіе уже существующихъ неудобствъ. Они — отвѣтъ на уже назрѣвшія потребности городской жизни. Должна возникнуть извѣстная надобность, проявить себя во внѣ въ видимыхъ фактахъ, и на встрѣчу къ ней и для удовлетворенія ея и идетъ хозяйственная дѣятельность городского общества. Такъ было и въ данномъ случаѣ: опредѣленная мѣстность терпѣла неудобства отъ скопленія дождевыхъ водъ, и городъ пошелъ къ ней на выручку — создалъ для атмосферныхъ осадковъ подземные пути и въ нихъ направилъ излишки влаги. Но, устроивъ эти пути, городъ ничѣмъ не гарантировалъ населенію идеальной целесообразности своихъ сооруженій. Не принявъ онъ также на себя обязательства — въ случаѣ, если бы назначеніе коллектора и водоприемниковъ въ чемъ либо себя не оправдало, отвѣчать передъ городскими жителями за всѣ тѣ убытки, которые могутъ произойти для нихъ отъ дождевыхъ водъ въ районѣ той части города, обещивать которую обязаны водоотводныя приспособленія. Подобной ответственности въ дѣд не существовало для города и равнѣе — во всѣ тѣ годы, которые предшествовали устройству коллектора; не могла она возникнуть и послѣ сооруженія послѣдняго. Самое сооруженіе коллектора не являлось для города чѣмъ-либо обязательнымъ. Коллекторъ былъ вызванъ къ жизни совершенно свободнымъ усмотрѣніемъ того юридическаго лица, которое именуется городскою думою. При отсутствіи же въ созданіи водоотводныхъ сооруженій элемента обязательности не можетъ быть ставимо городу въ вину то или иное качество этихъ сооруженій. Окались и коллекторъ, и люки недостижимыми своей цѣли даже при нормальныхъ условіяхъ — при обыкновенныхъ весеннихъ или осеннихъ дождяхъ, и тогда искъ, подобный настоящему, не могъ бы имѣть мѣста. Тѣмъ болѣе тогда, когда размыты дожди являлись безусловно исключительными — такими, какіе бываютъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и предвидѣть которые даже не было возможности. Такимъ образомъ, исковыя притязанія Д. являются неправильными въ своемъ существѣ — въ отношеніи того принципа, на которомъ они построены. Принципъ этотъ идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ правиломъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, выраженнымъ въ 574 и 684 ст. I ч. X т. зак. гр.

А потому и на основаніи 366, 867 и 868 ст. уст. гр. суд., окружный судъ, согласно съ заключеніемъ

товарища прокурора, опредѣляетъ; въ настоящемъ искѣ Д. отказать“.

Понятіе непреодолимой силы крайне неопредѣленное и провѣрка вывода суда о томъ, что въ данномъ случаѣ было на лицо воздѣйствіе таковой, крайне затруднительно; тѣмъ не менѣе едва ли возможно признать достаточнымъ для установленія наличности непреодолимой силы констатированіе того, что „пронесся ливень и притомъ, — по утверженію истца, чрезвычайно сильный“. Неужели же сильныя ливни съ необходимостью устраняютъ всякую отвѣтственность за всѣ убытки, этимъ ливнемъ нанесенныя? Неужели, напр., сильный ливень устраняетъ и отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ за всѣ катастрофы, благодаря ливню происшедшія? Конечно, можетъ быть и такой ливень; но для того, чтобы его констатировать, недостаточно указанія на то, что ливень былъ чрезвычайно сильнымъ, необходимы тѣ или другія доказательства того, что по своимъ размѣрамъ онъ былъ совершенно необыченъ, что предвидѣть такой ливень было невозможно въ данной мѣстности.

Еще менѣе убѣдительнымъ кажется намъ и второй выводъ суда, именно, что городскія сооруженія имѣютъ своею цѣлью устраненіе уже существующихъ неудобствъ, что такъ какъ городъ не отвѣчаетъ за тѣ убытки, которые обыватели несли до устройства этихъ сооруженій, то отвѣтственность не можетъ возникнуть и послѣ возникновенія сооруженій, хотя бы они и не достигали своей цѣли даже и при нормальныхъ условіяхъ. При отсутствіи въ созданіи водоотводныхъ сооруженій элемента обязанности не можетъ быть ставимо городу въ вину то или другое качество этихъ сооруженій“. Такая постановка вопроса едва ли соответствуетъ значенію органовъ городского самоуправления. Правда, устройство опредѣленнаго сооруженія не вмѣняется городскому общественному управленію въ обязанность, городское положеніе (ст. 2) говоритъ только о предметахъ его вѣдомства, перечисляя и „содержаніе въ исправности и устройство улицъ, площадей, водопроводовъ, сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, канавъ, мостовъ; попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ, устройство благотворительныхъ лечебныхъ заведеній“. Съ точки зрѣнія Ростовскаго суда можно было бы разсуждать такъ: устройство отдѣльныхъ больницъ не вмѣняется городу въ обязанность, до устройства больницъ городъ не отвѣчалъ за отсутствіе какого бы то ни было ухода за больными, а потому, если состояніе больницы таково, что она и при нормальныхъ условіяхъ не отвѣчаетъ своему назначенію, то городъ ни при какихъ обстоятельствахъ не отвѣчаетъ за вредъ и убытки, нанесенные обывателямъ такимъ неудовлетворительнымъ состояніемъ больницы. Намъ кажется, что ошибка суда заключается въ томъ, что исходя изъ того положенія, что устройство отдѣльныхъ сооруженій не составляетъ обязанности города, онъ полагаетъ, что и вообще забота о городскомъ благоустройствѣ является добровольной любезностью со стороны органовъ городского управленія, поэтому, какъ бы неудовлетворительны ни были организованы тѣ или другія сооруженія, такъ какъ это все же лучше чѣмъ ничего, то и жаловаться на убытки, при существованіи этихъ сооруженій благодаря ихъ неудовлетворительности нанесенныя обывателямъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя. Городское управленіе обязано заботиться о городской канализаціи. Для сооруженія соответственныхъ сооруженій оно облагаетъ гражданъ разнаго рода налогами, и если созданныя на городскія деньги сооруженія не отвѣчаютъ своему назначенію по винѣ, небрежности, незнанію дѣла со стороны органовъ городского управленія, то едва ли иску объ убыткахъ со стороны обывателей можно противопоставить простое возраженіе, что до этого устройства было еще хуже, а потому жаловаться не на что.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 17 января, по Судебн. Департ.

Апелляц.: Бахтѣрова о признаніи злостнымъ банкротствомъ; Бахтѣровой и Нагихъ о принадлежности имущества (2 дѣла); кр-нъ Козьмискаго общ. съ кр. д. Осокорихи объ извѣщеніи изъ владѣнія острова; Гавронскаго съ Максимовичемъ объ убыткахъ; Телѣжникова съ Лавровымъ о деньгахъ; пред-ставл. торгов. дома бр. Вутике съ Иркутск. отд. Сибир. торг. банка 25,196 р. 84 к.

Слѣдств.: Велико-Устюгск. гор. упр. съ Зебальдъ объ извѣщеніи изъ владѣнія участка земли.

Частн.: по вопросу о приобрѣтеніи ссыльно-поселенцами недвиж. имущества; о публичной продажѣ имѣнія Каплан-бека; Сабрина объ апел. штрафѣ; опекунши наследіи Сибирякова съ Лукинымъ и Рындинымъ; Пѣткова о выдачѣ данной; Канскаго гор. головы по иску Галилеича съ г. Канска 6,000 р.; прош. Сазонова; Эжажева на опред. нач. Терской обл.; Кобельковой объ нечисленіи пошлинъ; Гольмана на дѣйствія Якутск. окр. суда и полиц. упр.; Островскаго на возвращеніе прошенія; о продажѣ и залогѣ имѣній малолѣтнихъ: Журавлевыхъ; Рагозиныхъ; Черковыхъ; Хлѣбородовъ; Крашенинниковыхъ; Карпенко; Аргамановыхъ; Сидоренко; Кир-хеймъ; Львова; Шестопала; Перетолчинныхъ; Кравченко; Пузицкаго; Шнерберга; Каденаца; Даньшина; Кисловскаго; Лагкиной; объ осповд. умств. способ.: Кузьминой; Шамбланъ; Васильковскаго; Демидовичъ; Шернелъ; Ильина; Карабутова; Ильичева; Дулицкаго; Черныхъ.

На 20 января, по 1 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц.: по иску Кошницкаго съ Шполянскаго 5,970 р. съ % и по встречному иску въ суммѣ 3,511 р. 11 к. съ %.

Частн.: о разрѣшеніи взять изъ государств. банка хранящейся тамъ капиталъ душевно-больнаго Синябрюхова; о разрѣшеніи покупки малолѣтнею Муромцевою имѣнія съ переводомъ долга; о продажѣ недвижимыхъ имуществъ: Ягвтъ; Мисевичей; Геймана; Чертковыхъ; Ларионова; Бабынинныхъ; Синегубкина; Петровскихъ; Карауловой; Маликова; Головкиныхъ; Усова и Глотова; Оконешникова; Хамезовской; Полесей; Щербакова; Вогулевичъ; Сушкиной; Буганской; Шамова; Воронцова; Евдокимовой; Сорочера; Еремина; Скоробогатова; Деревенкова; Бойко; Львовыхъ; Бабушкиныхъ; Паленова; Старкова; Ковалевской; Зеленко; Шутovýchъ; Котовщикова; Некрасова; Кондратьева; Чертищевыхъ; Николаева; Терновскаго; Оскерко; Лесевичкаго; Трофимовыхъ; Образцовой; о залогѣ и перевалогѣ недвиж. имущества: Федорова; Чеботарева; Зубатыкина; Васихинныхъ; Чуллиныхъ; Апухтинныхъ; Крылова; Ушакова; Игумнова; Горшковыхъ; Богданова; Степанова; Любы; Радченко; Лепнюгова; Головкова; Леонтьевыхъ; Вринкмана; Гордона; Чеховичей; Носова; Гурскихъ.

На 18 января, по Уголов. Кассац. Д-ту.

Протесты: тов. прок. Владикавказ. о. с. на приговоръ Владикавказ. мир. съѣзда по обв. Макара и Агафьи Бураковъ, Евдокии Федченковой и др. по 29 ст. уст. о нак.; тов. прок. Владикавказ. о. с. на приговоръ Владикавказ. миров. съѣзда по обв. Матвѣя Голово и др. по 29 ст. уст. о нак.; тов. прок. Московскаго о. с. на приг. Моск. стол. м. съѣзда по обв. крестьянъ Ивана и Николая Усачевыхъ по 169, 170, 170¹ и 172 ст. уст. о нак.

Жалоба пов. провизора Якова Эльсона на приг. Москов. стол. м. съѣзда по обв. Эльсона по 106¹ ст. уст. о нак.

Прошеніе крестьянъ Василя и Леонтія Сиротинныхъ о возобновленіи дѣла о нихъ.

На 20 января, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Онуфрійчука Могилевск. м. с.; Цисина и Либсона Киевск. м. п.; Врухиса Кишиневск. м. с.; Кайнерской Кишиневск. м. с.; Позьякова Оршанск. м. с.; Вахуркиной Тверск. о. с.; Рудика Староконстантин. м. с.; Моела Луцк. м. с.; Озоля Р-Вольмарск. м. с.; Розенбергъ Плоцк. 2 окр. м. с.; Брона К.-Подольск. м. с.; упр. акц. сб. Ростов.-на-Дону м. с. по обв. Ермолина; Осиковича Виленск. с. п.; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Ромео; Рубина Борисовск. м. с.; упр. акц. сб. Сиб. о. с. по обв. Герасимовыхъ; Шеле-

стова Екатеринославск. о. с.; упр. акц. сб. Варшавск. 1 окр. м. с. по обв. Ольшевскаго; Мучника Валтск. м. с.; Алексѣева Киллярск. м. с.; упр. акц. сб. Поневѣжск. м. с. по обв. Липшицъ; Штырейшиса Ровенск. м. с.; Германъ Екатеринослав. о. с.; упр. акц. сб. по обв. Быкова; Левина Виленск. м. с.; Андреева У.-Медвѣдичк. м. с.; Фанкельштейнъ Люблинск. 2 окр. м. с.; упр. акц. сб. Гомельск. м. с. по обв. Райхмана; Калашникова Астраханск. о. с.; Малевича Нѣжинск. о. с.; Гапоновыхъ Орловск. о. с.; Захарова Невельск. м. с.; Евстифѣевой Самарск. о. с.; Альберта Ю.-Верроек. м. с.; упр. акц. сб. Витебск. м. с. по обв. Азарковича; упр. акц. сб. Витеб. м. с. по обв. Хавенсона; Балабухъ Новогрудск. м. с. — въ по обв. въ наруш. питейн. и таб. уст.; Вреницкаго Петроков. 3 окр. м. с.; Хмѣлевской Спб. с. п.; Айзенштадта Варшавск. гор. м. с.; Юнгера Варшавск. гор. м. с.; Файнмессера Варшавск. гор. м. с.; Файна Варшавск. гор. м. с.; Барановскаго Радомск. 1 окр. м. с.; Бергера Петроковск. 3 окр. м. с.; Денисовой Спб. ст. м. с.; Федорова Невельск. м. с.; Желѣзничкова У.-Медвѣдичк. м. с.; Гродненск. полицеймстера Гродненск. м. с. по обв. Коткинда; Бауера Ковенск. м. с.; Савченко Измаильск. м. с.; Криванск. станичн. атамана Черкас. м. с. по обв. Кулапова и Чайкиной; Манта Новогрудск. м. с.; Александровича Новогрудск. м. с. — въ по обв. въ наруш. стр. уст.; Макарова Саратовск. о. с. 180 ст. у.; Маркина Самарск. о. с. 180 ст. у.; Подковырова Могилевск. м. с. 73 ст. у.

Протестъ тов. прок. на Кѣлецк. 2 окр. м. с. по обв. Стопинскаго по 65 ст. уст. объ акц. сб.

На 21 января, по 2 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Дѣва Симферопольск. о. с. 1453 ст. ул.; Верзона на опред. Кишиневск. м. с.; Ранушевича на опред. Спб. уѣз. м. с.; Михайловой на опред. Московск. с. п.; Татти-Варышниковой и Татти-Печникова Спб. о. с. 1652 ст. ул.; Кучеренка Уманск. м. с. кража; Надевича Радомысльск. м. с. по обв. Впнарскаго и др. по 115 ст. у.; Саблукова Ямпольск. м. с. кража; Троцкаго Виленск. м. с. 104¹ ст. у.; Смирнова Одесск. гор. м. с. по обв. Абака по 180² ст. у.; Гохмана Винницк. м. с. 106¹ ст. у.; Виткунаса Ковенск. о. с. 1484 ст. ул.; Шмайссера на опред. Люблинск. 1 окр. м. с.; Пожидаева на опред. Киевск. м. с.; Коныхина на опред. Тифлисск. с. п.; Иваниова на опред. Спб. ст. м. с.; Геллера на опред. Луцк. м. с.; правленія Ростовск.-на-Дону Хоральной синагоги на опред. Ростовск.-на-Дону м. с.; Миренскихъ и Двоскина на опред. Подтавск. о. с.; Цыгана В.-Сокольск. м. с. 169 ст. у.; Бабія Ямпольск. м. с. кража; Гришко Нѣжинск. о. с. 1484 ст. ул.; Кулужухара на опред. Кишиневск. м. с.; Кирията на опред. В.-Валтск. м. с.; Павлова и др. на опред. Оршанск. м. с.; Фурмана Таращанск. м. с. 180² ст. у.; Ширгородскаго Ямпольск. м. с. кража; Крыжановскихъ Ямпол. м. с. кража; Пекельнаго Чужковск. м. с. 180³ ст. у.; Папирнаго Уманск. м. с. кража; Соколова Екатеринодарск. м. с. 180² ст. у.; Мартова Спб. о. с. 1707 ст. ул.; Ерофьевыхъ Горещк. м. с. 140 ст. у.; Михайличенко Ейск. м. с. по обв. Гальцева въ ростовщичествѣ.

Протесты: тов. прокур.: на Ковенск. о. с. по обв. Вѣшкин по ст. 1682 ул.; а на Одесск. о. с. по обв. Бытки и Алексѣевой по 942 и 943 ст. ул.

На 22 января, по 3 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Зарубаева Ярославск. о. с. 1526 ст. ул.; Кирилловой Смоленск. о. с. 1454 ст. ул.; Кундюкова Новочерк. о. с. 189 ст. ул.; Наумова и Отдѣльнова Тульск. о. с. 1630 ст. ул.; Мандрыкина Таганрогск. м. с. 29 ст. у.; Вобровича Чериковск. м. с. кража; Шморгуна Сызарск. м. с. кража; Куляса Бердичевск. м. с. кража; Суликовскихъ Луцк. м. с. кража; Пилуль Р.-Вольмарск. м. с. 44 ст. у.; Троцкаго Вилен. м. с. 29 ст. у.; Аксенова Тульск. о. с. 170¹ ст. у.; Евтюхина 2 Донск. м. с. кража; Алексѣева Казанск. о. с. 1455 ст. ул.; Гоцько и Логуты Новогрудск. м. с. кража; Тарасевича Новоградвольнск. м. с. 172 ст. у.; Кланчука Кременецк. м. с. кража; Йоселиовича Новогрудск. м. с. по обв. Дорошевича въ кражѣ; Закревскаго и Осадчихъ Звенигородск. м. с. 142 ст. у.; Кучеренка и Мартыленка Звенигородск. м. с. кража; Гузовъ Луцк. м. с. 142 ст. у.; упр. акц. Одесск. пробири. окр. Одесск. гор. м. с. по обв. Восина въ наруш. пробири.

уст.; Новиковской Спб. ст. м. с. 31 ст. у.; Мицевича Черниковск. м. с. 134 ст. у.; Хойновского Ольгопольск. м. с. по обв. Сарынского въ краѣ; Подгурского В.-Вольнск. м. с. по обв. Семенчуковъ и др. въ краѣ; Федоричика Кременецк. м. с. кража; Паача Ю.-Верроок. м. с. 169 ст. у.; Вабенушева Острогоек. о. с. кража; Вѣлоруча Спб. ст. м. с. 129 ст. у.; Марцинянъ Спб. ст. м. с. 135 ст. у.; Колбасовой Московск. ст. м. с. 136 ст. у.; Александрова и Ермакова Московск. ст. м. с. 44 ст. у.; Богатова Симбирск. о. с. 169 ст. у.; Голодаевского Симбирск. о. с. 170 ст. у.; Казакова Таганрогск. о. с. 1632 ст. ул.; Десятыхъ Сарапульск. о. с. 1453 ст. ул.; Мельника Сквирск. м. с. кража; Кару Тарашанск. м. с. 142 ст. у.; Горнашевичей и др. Мнѣск. м. с. 142 ст. ул.; Соломоновой Кременецк. м. с. кража; Ромашевского Кременецк. м. с. 172 ст. у.; Вайсбрута Кременецк. м. с. по обв. Ошштейна и др. по 135 ст. у.; Гордина Р.-Вольмарск. м. с. 136 ст. у.; Штейнберга Р.-Вольмарск. м. с. 180 ст. у.; Никитенко Сумск. о. с. 1534 ст. ул.

Протесты: товарищей прокур. на Сумск. о. с. по обв. Плескани по 1655 ст. ул.; Ручки и Воронки по 1651 ст. ул.; Якушки по 1480 ст. ул.; Суцаго по 567 ст. ул.; Козьмина по 1651 ст. ул.; Шаповаловой по 1655 ст. ул.; Ермоленко по 1647 ст. ул.; Терешенки и Варухи въ краѣ; Гайдашевой по 1655 ст. ул.; Валандюка по 1609 ст. ул.; товар. прок. на Нижегородск. о. с. по обв. Кишкинцова по 1647 ст. ул.

На 21 января, по 4 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Адельгейма Каневск. м. с. 142 ст. у.; Сонгина Кіевск. м. с. 135 ст. у.; Вангера Сквирск. м. с. 180 ст. у.; Рещке Черкасск. м. с. 102 ст. у.; Яковлева Черниковск. м. с. 142 ст. у.; Шадурскаго Дисненск. м. с. 145 ст. у.; Якубовскаго Ковенск. м. с. 134 ст. у.; Ранцева Поневѣжск. м. с. 31 ст. у.; Ишлинскаго Тельшевск. м. с. 178 ст. у.; Гавришевича Ямпольск. м. с. 142 ст. у.; Фельдмана Дубенск. м. с. 35 ст. у.; Вержбицкаго Ушицк. м. с. 142 ст. у.; Дачюка В.-Острогск. м. с. 142 ст. у.; Краевского Дубенск. м. с. 134 ст. у.; Каревского Житомирск. м. с. 142 ст. у.; Верковича Виленск. с. п. 362 ст. ул.; Улебата-Шукорь-оглы Тифлисск. с. п. убійство; Шапиро Люблинск. 2 окр. м. с. 48^е ст. у.; Якубовича Петроковск. 2 окр. м. с. укрывательство краденаго; Палюхи Плоцк. 1 окр. м. с. по обвиненію Пенхерска по 129 ст. у.; Новаковскаго Петроковскаго 1 окр. м. с. кража; Марковскаго Сувадскаго 2 окр. мир. съѣзда 31 ст. у.; Плюра Сѣдлецк. 2 округа мир. с. кража; Зейдуса Сувадск. 2 окр. м. с. по обв. Игнатовича и др. въ самов. проѣздѣ; Томашевскаго Варшав. 2 окр. м. с. 135 ст. у.; Коломейцова Одесск. с. п. 1483 ст. ул.; Венчерковской и Цыганъ Кѣлецк. 1 окр. м. с. нанесеніе побоевъ; Стрижевскаго Кѣлецк. 1 окр. м. с. растрата; Груздева Московск. с. п. 362 ст. ул.; Лашевской Калишск. 2 окр. м. с. 142 ст. у.; Лечудскаго Петроковск. 1 окр. м. с. 136 ст. у.; Загудаева Казанск. с. п. лихимство; Шейна Казанск. с. п. 358 ст. ул.; Пунга Спб. с. п. 194 ст. ул.; Филярепкой и Меера Варшавск. с. п. убійство; Крашенинникова Казанск. с. п. 994 ст. ул.; Рогожкина Казанск. с. п. 286 ст. ул.; Нужнова Саратовск. с. п. 382 ст. ул.; Осипова Владикавказск. м. с. 180 ст. у.; Бутченко Внатеринодарск. м. с. кража; Шарфа Петроковск. 2 окр. м. с. 38 ст. у.; Краевскихъ Варшавск. 2 окр. м. с. 115 ст. у.; Гриневича Майкопск. м. с. 128 ст. у.; Борисова Спб. с. п. 994 ст. ул.; Фридмана Варшавск. с. п. 1181 ст. ул.; Малишевскаго Варшавск. с. п. 994 ст. ул.; Попова Спб. с. п. 359 ст. ул.; Розетштейна Варшавск. 1 окр. м. с. 38 ст. у.; Зильбермана Варшавск. гор. м. с. 135 ст. у.; Чижикова Варшавск. гор. м. с. 115 ст. у.; Каспровича Варшавск. гор. м. с. 136 ст. у.; Гетлера Варшавск. гор. м. с. 139 ст. у.; Костюковскаго Варшавск. гор. м. с. 31 ст. у.; Заюнда и Одерфельда Радомск. 1 окр. м. с. 115 ст. у.; Новаковскаго Кѣлецк. 2 окр. м. с. 142 ст. у.; Сосискихъ Плоцк. 2 окр. м. с. 142 ст. у.; Шарашанидзе Тифлисск. с. п. 286 ст. ул.

Протестъ тов. прок. на Тифлисск. с. п. по обв. Бабекова по 1667 ст. ул.

На 19 января, по Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Вологодскаго мѣщ. общ. съ Вологодской

гор. упр.; Таврической казенной палаты съ Яшловским; Вишкарева съ Маткевичемъ; Шайтана съ Бредихинными и др.; Оренбургск. губ. присут. съ акціонери общ. желѣзодѣл. заводовъ Пашковыхъ 2 дѣла, Голыевымъ; Рома съ мѣст. Кейданы; общ. вр. Чернорѣченскаго с. общ.; Можченко съ Лурье; Ковевского съ Козакевича; Ираклидзе; Охременко.

Създовья: Эдельштейна съ Кобленцемъ; Фишмана и др. съ Вобруйской гор. упр. и др.

На 19 января, по 1 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: фонъ-Левенштерна съ Разевскимъ; Гринберга съ Страутенскими; Нарвск. гор. упр. съ Абрамовою; Римско-католической духовной коллегіи съ гр. Плятерю-Зигеромъ; Позеверка съ М. Шульцъ; Ладыженской съ Пирвицемъ; наслѣдн. М. Виновскаго съ Ю. Виновскимъ; наслѣдн. В. Пономарева съ тов. „Эрдангеръ“; бар. Корфа съ Ферстеромъ.

Създовья: Селлинга съ фонъ-Вергомъ; Петерсона съ Липпертомъ; Спеде съ Штрейттомъ; Шапиро; М. Либбе съ Салль; Цекура съ Гровитомъ; наслѣдн. Гутшмидта съ Брау-маномъ; Вушкана съ Раубинской; Даукша съ Врамбергомъ и др.; Цируля; Рингенск. церкви. попеч. и пастора съ Кійпсеромъ; Шварденск. вол. общ. съ Приаде; Грисмана съ Дауберомъ; Ленкална; Кримона съ Кримономъ; Тала съ Егеромъ; Сморгонскаго съ Гонвеннымъ; Мартинсона съ Замокъ-Филлинск. вол. общ.; Пикелевыхъ съ Лახсъ; В. Гиперъ съ Левинсономъ и др.; Зеббе съ Треемъ; Наэля съ Кириловымъ; Клейета съ Приаде; Гофerta съ Петерсономъ; Нинингалск. вол. схода выб. съ Тенсономъ; Зеберга съ Гульбе и др.; Дмитріевой съ Егоровой; Тарика и др. съ Малковымъ; А. Падрикъ съ Падрикомъ; Мульнера съ Глазеромъ и др.; Крастина съ Левиннымъ; Верница съ опека. бар. Веровъ; Магена съ Важановымъ; Юделевича съ Влехманомъ 2 дѣла; Пруса съ фонъ-Транзе-Розенек-комъ; Пейпмана съ наслѣдниками гр. Сиверсъ; Мартинсона съ Драке; Гринберга съ Лена; Андерсона съ Крестаномъ; фонъ-Врюммеръ съ Боненштеттомъ.

На 20 января, по 2 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: прокураторіи съ Ясенской; товарищ. свелло-сах. и рафинад. зав. „Лубна и Шреняева“ съ Орачевскимъ; Шиманскаго съ Палюховскимъ; непр. синдика фирмы „Державскаго и Росинскій и бр.“ съ Державскаго; Стеффана съ Малижаникомъ; Мадзелевскаго съ Глембоцкимъ; Кучинскаго съ Тремескимъ; Петроковской казен. палаты съ Мецнеромъ.

Създовья: Щецинскаго съ Вейсомъ; Герена съ Перельштейномъ; Войцѣховскаго съ Франя и др.; Радецкаго съ Ворчонъ и др.; Наленчъ-Собѣщанской съ Перикаржемъ; Круль съ Мишакими и др.; Райскихъ съ Шадурской; Рембовскаго съ Вудзынскимъ; Менцинскаго съ Мацкевичемъ; Стружневичъ съ Магдалъ; Вейляндъ и Кнейфель съ Захертомъ и Генцке; Поликовской съ граф. Лидерсъ-Веймарномъ; Грина съ Гутовскимъ; Пруцкая съ Ковера и др.; Дюра съ Дюра и Мадей; Навротъ съ Дыбецъ и др.; Трояна съ Ростоекъ; Томашевскаго и др. съ Тересинскимъ; Лизуна и Швачкевича съ Величко; Шальца съ Шальцами; Кестенбергъ съ Добраницкимъ и др.; Влплатта съ Ясенскими; Курека съ Мрозикъ; Михайловской съ Войновскимъ; Потонкихъ съ Моргенштерномъ; Круликовской и др. съ Домбровскимъ и Кумоса; Дубицкаго съ Дуцикимъ; Новалинскихъ съ Гржелевскою; Суской съ Копками; Ахрона съ Гескелями; наслѣд. Бонковской съ Штеттеромъ; Рачинскаго съ Лулевскимъ; Тарновера съ фирм. „Л. Гессъ вдова“ Кызіоль и др. съ Пайкертъ и др.; Новацкаго съ Розенблюмомъ; Вороской съ Полякевичъ; Циммермана съ Радзиковскимъ; Дила съ Вернацкимъ; Студня съ ком. Конскаго уѣзда; Кагана и др. съ Собѣщанскимъ и др.

На 20 января, по 3 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: упр. казенн. ж. д. съ Морозенковымъ, Рихнеръ и К', Силаевыхъ, Пародовской, Вендомъ, Лонгдэв; торг. дом. Вржески, Поссова и К⁹ съ Лудинск. фабрич. ж. д.; общ. Рязанско-Уральск. ж. д. съ Городецкимъ; упр. Финляндск. правительств. ж. д. съ Черезовой.

Създовья: упр. казенн. ж. д. съ Клячко, Повзнеромъ 2 дѣла, Давыдовымъ, Сольцемъ, Зельченко, Кривоносковымъ.

Марапецъ, Эдельштейномъ, Гордынымъ, Страшунномъ, Берманомъ, Горомъ, Поселемъ, Мейерсономъ, Гайковичемъ, Островскимъ, Пумпянскимъ, Моляцкимъ и Гельменомъ; Варш.-Вѣиск. ж. д. съ Лебедзевичемъ; Ивангор.-Домбровск. ж. д. съ Эртомъ; Юго-Вост. ж. д. съ Росс. общ. страх. и трансп. зладей; Гетулера съ Юго-Западн. ж. д.; Рязанско-Уральск. ж. д. съ Филипповымъ.

На 21 января, по 4 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Кукаркаго с. общ. съ общ. кр. с. Жерновгорскаго; Ченцова съ Лядовой; Подвысоцкаго съ Прутченковой; общ. Казак. и др. с. Малой Тонали; Квятковскаго съ Тырскими; Тумановыхъ; Хонской съ Козыномъ; Забѣгаева.

Създовыя: Харитоновича; Трокекаго караимскаго духовн. управл.; Тиличсва съ Сѣраковской и др.; Карпача съ Карпачемъ; Квашнина-Самарина съ Татарскимъ и др.; Копылова съ Шкотомъ; Ройтенберга съ Рубинштейномъ и др.; общ. кр. с. Волицы-Зарубинецкой и др.; Алексѣевой съ Михайловымъ и др.; гр. Орловскаго съ Гнатюкомъ и др.; Гириса и др. съ кн. Гогенлоз; Тимошенко и др. съ Динеромъ и др.; кн. Огинскаго съ Сурплисами; кн. Огинскаго съ Казинцевымъ; Елистратовой, Кузнецовой съ Коссовымъ; Тритшеля съ Бродкинымъ; Старницкаго съ Андреевскимъ и др.; Гуревича съ Ковалевымъ; Чеховской; Вардзинскаго съ Вардзинской; Радзивила, Хребтовскаго, Гуцуль, Дзидзиевской съ Ловицкимъ; Рымкевича съ Рафалловымъ и др.; Залѣскаго съ Савчукомъ; Корибутъ-Дошкевича; Якутовской съ Дзерожинскимъ; Блажевича съ Аттаршиковымъ; Кабакова и др. съ Копытками и др.; Еловицкаго съ Срулевичами; Кабалуковъ, Цибрия съ кн. Горчаковымъ; общ. кр. с. Вармакъ съ Заленскимъ; Синкевичъ съ Цѣтлиномъ; Драня и др. съ Шкневскимъ; Морейно съ Эльбертомъ; Берегонье съ Черне-

цовымъ; Лапеницкаго съ Цимашко и др.; общ. кр. д. Прытыкино съ Салтыковой; Рудевича съ гр. Тышкевичемъ; Курдова съ Устиновымъ; Ривкина съ Блюштейнами; Омелянца Горфинкелемъ.

На 21 января, по 5 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Малышкевича; Рабиновича съ Мармо; Каволя съ бар. Фитингофъ-Шель; Вреде съ Палау; Нуrowsкаго съ Кулешомъ; Прингель съ общ. Закавказск. ж. с. и министерствомъ финансовъ; торг. дом. бр. Хове съ Мейсламомъ; Потреки съ Сальмаке; прокурат. въ Царствѣ Польск. съ Зеленскимъ; Ржевскаго съ Петраковской казени. палатой.

Създовыя: Шульдъ съ Чайковской; Витвицкаго съ Некрашомъ; Штаера съ Зоннебергомъ; Люрека съ общ. мѣщ. посада Словкова; Моргенвела съ Веберомъ; Вермана съ Смялко; Райзахера съ Миллеромъ; Гауфа въ Дризиеромъ; Янякъ съ Соронжко; Рейтера съ Рейманъ и Фогель; Долейзеровъ съ Урбановичъ; Рыбаковскихъ съ Закржевскимъ; Вайбуса съ Ленартовичемъ; Бушлица съ Цвикомъ; Ясюкевича съ Рутковскимъ; Виндера съ Борекомъ и Вуйцкомъ; Венулеты съ Петрусенскимъ; Цимбалысты съ Казанскимъ; Мацайтуса съ Баршевскимъ; Бака съ Ясанскимъ; Любидзскаго съ Винен-талемъ; Хелховскаго съ Словицкимъ; Врубеля съ Юцакомъ; Яворской съ Эрдрейхомъ; Росиццескимъ съ Горчинскимъ; общ. кр. д. Выгнанки съ Ваху и др.; Рышака съ Розенталемъ; Старонча съ Ястржембскимъ, Артыхомъ; Холондовскаго съ Пекупа; Гольде съ Гольдбергъ; Балюна съ Ольшеской; Зацдберга съ Веккеромъ и др.; Тачалко съ Улясинскимъ; Капа съ Кержковскимъ; Серадзскаго съ Кемни-скимъ; Бреслера; Сидоровичъ съ Войцѣховскими; Новака съ Гольдъ; Энгельмана съ Ломовскими; Адлера съ фирм. Израиль Влюминъ и Мендель, Л. Лифшицъ и др.

Движеніе по государственной службѣ.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ,

данные:

Государственному Совѣту.

1900 года, января 13-го. „Нашему генераль-адъютанту, члену Государственнаго Совѣта, присутствующему въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли, адмиралу Чихачеву—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть предсѣдателемъ означеннаго департамента, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ должностяхъ и въ званіи генераль-адъютанта“.

Правительствующему Сенату.

1900 года, января 12-го „Прокурору Варшавской судебной палаты, гофмейстеру Двора Нашего, тайному совѣтнику Турау—Всемилоствѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ гофмейстеромъ Двора Нашего“.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

8 января 1900 года, № 2:

По вѣдомству министерства юстиціи.

Опредѣляется на сл. изъ отст. д. с. с. Дверницкій—пред. с. м. с. и поч. м. с. влад., вол. о., на тек., съ 1 апр. 1899 г., 3-лѣтіе.

Назначаются: и. д. с. сл. 1-го у. г. Нижняго-Новгорода, с. с. Капацинскій—чл. нижегор. о. с.; секр. при пр. кал. о. с., н. с. Пуновскій—у. м. с. днен. о.; ст. пом. об.-секр. гражд. кас. деп. Прав. Сен., пол. ас. Броневскій; и. д. секр. таганр. о. с., т. с. Холявинъ и ст. канд. на д. по суд. вѣд. при симфероп. о. с., т. с. Кенигсонъ—гор. с.: 1—г. Бѣлева, 2—г. Кулянска, съ 1 янв., и 3—2-го у. г. Ялты, съ 6 янв.; прич. къ м., т. с. Невяровскій и доб. м. с. о. тоб. с. с., т. с. Лещинскій—мир. с. о. о. с.: 1—вѣрн., 2-го у. Лесин. у., а 2—тобол., 3-го у. Ишимов. у.

Перемѣщаются: м. с. о. вѣрн. о. с.: Пржевальск. у., к. с. Смирновъ и 2-го у. Лесинск. у., г. с. Куницынъ—м. с. о. того же о. с.: 1—1-го у. Вѣрнен. у., а 2—Пржевальскаго у.

Увольняется отъ долж., согл. прош., и. д. с. сл. Малоарханг. у., о. орл. о. с., н. с. Говоровъ, по сл. прич. его къ миніст.

Увольняется отъ с., согл. прош., по бол., г. с. г. Торжка, с. с. Сеницынъ.